Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Кузнецова Светлана Сергеевна

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Иванцова Екатерина Вадимовна

Томск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ИДИОЛЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ..... 16
1.1 Теория лингвосенсорики и методы исследования перцептивных единиц .. 16
1.1.1 Терминология лингвосенсорных исследований 16
1.1.2 Границы области описания 19
1.1.3 Методы изучения перцептивной лексики 20
1.1.3.1 Метод семантического поля 20
1.1.3.2 Метод компонентного анализа и дополнительные компоненты семантики перцептивов 23
1.1.3.3 Способы реконструкции перцептивной картины мира 26
1.2 Диалектная языковая личность и принципы её исследования 28
1.2.1 Методы и методики реконструкции языковой личности 28
1.2.2 Типические и индивидуальные характеристики языковой личности В.П. Вершининой..... 33
Выводы 38
ГЛАВА 2 НОМИНАЦИИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ……...41
2.1 Обозначения способности к зрительному восприятию и процесса зрительного восприятия 42
2.1.1 Обозначения способности к зрительному восприятию 42
2.1.2 Обозначения процесса восприятия 44
Коннотативные компоненты значения глаголов восприятия 53
2.2 Цветообозначения 60
2.2.1 Общая характеристика обозначений цвета 60
2.2.2 Обозначения цвета в идиолекте В.П. Вершининой 60
2.2.3 Коннотативные компоненты значения номинаций цвета 77
2.3 Обозначения света 82
Коннотативные компоненты значения светообозначений 85
2.4 Обозначения размера 89
2.4.1 Общие обозначения размера..... 90

2.4.2 Обозначения частных параметров размера 93
2.4.3 Коннотативные компоненты значения номинаций размера 96
2.5 Обозначения формы 100
2.5.1 Общая характеристика обозначений формы 100
2.5.2 Обозначения формы в идиолекте В. П. Вершининой 101
2.5.3 Коннотативные компоненты значения номинаций формы 105
Выводы 107
ГЛАВА 3 НОМИНАЦИИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ 109
3.1 Обозначения способности к слуховому восприятию 110
3.2 Обозначения процесса слухового восприятия 111
3.3 Звукообозначения 114
3.2.1 Обозначения звуков человека 116
3.2.2 Обозначения звуков животных 119
3.2.3 Обозначения звуков артефактов 123
3.2.4 Обозначения звуков неживой природы 126
3.2.5 Обозначения отсутствия звука 127
3.2.6 Коннотативные компоненты значения номинаций звука 127
Выводы 132
Глава 4 ОБОЗНАЧЕНИЯ ДРУГИХ ТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ 135
4.1 Номинации температурных ощущений 135
4.2 Собственно тактильные номинации 141
4.2.1 Номинации процесса осязательного восприятия 141
4.2.2 Другие номинации тактильного восприятия 144
4.3 Обозначения вкуса 151
Коннотативные компоненты значения номинаций вкуса 157
4.4 Обозначения запаха 160
4.5 Взаимодействие номинаций разных типов восприятия 167
Выводы 169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 171
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 178
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Список перцептивов в идиолекте В.П. Вершининой 217

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Количественные характеристики номинаций восприятия .. 225

ВВЕДЕНИЕ

Проблема восприятия[1] всегда находилась в центре научного поиска, осознаваясь как актуальная для установления общих закономерностей познания действительности и поиска методологических основ в отдельных областях науки. Она является по сути своей философской, восходя к спору эмпириков (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Т. Гобс, Дж. С. Милль) и рационалистов (Р. Декарт, Г. Лейбниц) об источниках познания. Однако в XX веке эта проблема снимается, и господствующим становится представление о том, что восприятие и мышление являются взаимосвязанными и взаимообусловленными [Арутюнова, 1998 ; Корнилов, 2003 ; Рябцева, 2005 и др.].

Одновременно в центр внимания выдвигается проблема взаимовлияния языка и восприятия, которая с середины XX столетия изучается в философии, антропологии, психологии, физиологии, психолингвистике и когнитивной лингвистике. Полученные результаты зачастую противоречивы, и вопрос о соотношении языка и восприятия далёк от однозначного решения (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Э. Сепир, Б. Уорф, Э. Рош, Р.М. Фрумкина и др.).

Проблема исследования восприятия в лингвистике сужается до анализа вербальных средств выражения ситуации чувственного восприятия (в синтаксисе) или способов вербализации ощущений (в лексикологии). Интенсивность исследований обозначения восприятия настолько велика, что учёные в начале XXI в. заговорили об особой отрасли науки о языке, которую предлагается назвать лингвосенсорикой [Харченко, 2012, с. 6] или лингвистической перцептологией [Мещерякова, 2011, с. 368]. Последняя определяется как «область языкознания, изучающая бессознательное чувственное восприятие с точки зрения

[1] Термин *восприятие* в данной работе используется только по отношению к познанию мира посредством органов чувств, в узком смысле, т.е. под ним всегда подразумевается только чувственное восприятие.

отражения в семантике перцепции когнитивного опыта различных языковых коллективов и отдельной языковой личности» [Мещерякова, 2011, с. 368]. Предмет данной области знания – язык перцепции, вербальная репрезентация показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния [Харченко, 2012, с. 6].

Изыскания ученых в сфере лингвосенсорики направлены преимущественно на анализ лексических средств языка.

Многообразие целей исследования лексики восприятия породило формирование ряда направлений в изучении данного объекта[2]. Для типологического направления характерен поиск общих закономерностей, существующих в нескольких языках, разных языковых семьях [Viberg, 1983 ; Vanhove, 2008], для сопоставительного – напротив, выявление специфики каждого изучаемого языка [Н.В. Моисеева, 1998 ; Лаенко, 2005 ; С.А. Моисеева, 2005 ; Павлов, 2007 ; Слободян, 2007 ; Колесов, 2009 и др.]. Этимологическое направление представлено работами, в которых описывается происхождение перцептивных лексем [Бахилина, 1975 ; Глинка, 2003 ; Слободян, 2007].

Семантическое изучение перцептивной лексики предполагает, прежде всего, классификацию обозначений восприятия на семантических основаниях [Васильев, 1971 ; Шрамм, 1979 ; Степанян, 1987 ; Рузин, 1995 ; Пинжакова, 2009].

В русле теории семантического синтаксиса исследуются способы представления ситуации восприятия через пропозицию, имеющую обязательные члены (субъект восприятия, объект восприятия и процесс восприятия) и факультативные компоненты (квалификатор, локатив, орган восприятия) [Золотова, 1982]. Изучаются трансформации значения, которые могут быть как межпропозитивными, так и межсферными [Шмелёва, 1994]. Описание пропозиции восприятия у разных авторов позволяет выявить и типические, и индивидуальные черты [Башкова, 1995 ; Кустова, 1999; Демешкина, 2000 ; Крюкова, 2003 ; Борейко, 2006 ; Движова, 2014а и др.].

---

[2] Сходная классификация направлений предложена в работе: [Ван Сяохуань, 2015], несколько иные – [Колесов, 2009; Авдевнина, 2013; Движова, 2014а].

Цель когнитивного исследования перцептивной лексики – реконструкция тех представлений, которые стоят за словом в картине мира носителей языка [Вежбицкая, 1980, 1997 ; Урысон, 1998 ; Падучева, 2006 ; Рябинина, 2006 ; Рахилина, 2008 и др.].

Изучение перцептивной лексики в стилистическом аспекте предполагает описание как общих закономерностей художественного текста, так и особенностей стиля отдельных авторов [Соловьёв, 1971 ; Донецких, 1980 ; Ермакоишвили, 1990 ; Перелыгин, 2008].

При выявлении состава и функций перцептивной лексики в разных типах дискурса на его основе формируется дискурсивное направление исследования лексики восприятия. При изучении перцептивной лексики ученые в большинстве случаев опираются на материал письменной формы литературного языка и художественный дискурс как особую форму его существования. Отдельные работы или их разделы посвящены изучению состава и функций перцептивных лексем в других типах дискурса – газетно-публицистическом [Григорьева, 2004], рекламном [Василевич, 2005; Макарова, 2007, с. 165–184], научном и научно-популярном [Ермакова, 2007, с. 277–287 ; Макарова, 2007, с. 157–165]. В ряде публикаций реализуется сравнение функций перцептивной лексики в разных типах дискурса [Кульпина, 2002 ; Ермакова, 2007 ; Макарова, 2007 ; Харченко, 2012]. При этом обращает на себя внимание недостаток сведений об использовании перцептивной лексики в повседневной речи.

Появляются первые исследования перцептивной лексики в устном бытовом дискурсе горожан [Скитова, Ерофеева, 1992 ; Ермакова, 2007, с. 308–315 ; Харченко, 2012, с. 158–163]. Наиболее полное описание лексики восприятия в этом аспекте дано в диссертации О. Г. Лещинской «Представление модальностей сенсорного восприятия в народно-разговорной речи города (на материале г. Омска)». Автор рассматривает обозначения всех пяти модальностей восприятия в речи жителей г. Омска, опираясь на «Словарь языка современного города». Отметим, что в данном источнике зафиксированы преимущественно просторечные единицы.

Ряд исследований перцептивной лексики проведён на диалектном материале [Мошева, 1974, 1979, 1975 ; Баинова, 1999 ; Демешкина, 2000, с. 33–58 ; Лагута, 2009 ; Вершинина, 2013 и др.]. В большинстве таких работ изучаются системно-структурные особенности перцептивной лексики, а также отмечается наличие областных перцептивных номинаций. Т. А. Демешкиной описаны пропозиции слухового, зрительного и обонятельного восприятия в сибирских старожильческих говорах, при этом основное внимание уделяется описанию семантических трансформаций перцептивной лексики [Демешкина, 2000].

Как можно видеть, данные устной речи, в том числе и диалектной, привлекаются при изучении перцептивной лексики гораздо реже, чем материал письменных литературных источников.

Всё более отчётливо в отечественном языкознании выделяется лингвоперсонологическое направление лингвосеносорики. Опираясь на труды Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова и их последователей, исследователи стремятся реконструировать индивидуальные особенности мировосприятия того или иного автора через описание семантики перцептивной лексики. Достижение этой цели реализуется, как правило, на основе художественных текстов творческих личностей. В данном аспекте исследованы идиолекты поэтов В. В. Маяковского, С. А. Есенина, Н. С. Гумилёва, А. Белого, А. И. Блока, В. Я. Брюсова, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой, Ф. И. Тютчева, И. А. Бродского, Б. Л. Пастернака (анализируется только его поэзия) [Пархоменко, 2000 ; Крюкова, 2003 ; Бабулевич, 2004 ; Жаркова, 2005 ; Атаманова, 2006 ; Спивакова, 2009 ; Кочетова, 2010 ; Мельникова, 2010 ; Двизова, 2014а, 2014б и др.]; писателей Ф. М. Достоевского, И. А. Бунина, В. В. Набокова, М. А. Булгакова, Ю.Н. Куранова, А. А. Фадеева, А. П. Чехова и др. [Тойшибаева, 1990 ; Мещерякова, 2002, 2011 ; Носовец, 2002 ; Свинцицкая, 2004 ; Овчинникова, 2009 ; Дмитриева, 2012 ; Ван Сяохуань, 2015 и др.].

Очевидно, что полнота анализа перцептивной лексики русского языка в лингвоперсонологическом аспекте невозможна без обращения к языковым личностям разных типов, в том числе – к рядовым говорящим. Следует отметить

почти полное отсутствие таких исследований. Подобный подход представлен лишь в небольшой статье В. А. Малышевой, посвященной описанию глаголов зрительного восприятия в идиолекте крестьянки А. Г. Горшковой [Малышева, 1999].

Настоящая работа выполнена на пересечении семантического, когнитивного, дискурсивного и лингвоперсонологического подходов и посвящена изучению обозначений процесса восприятия и воспринимаемых признаков в идиолекте сибирской крестьянки.

Языковая личность (ЯЛ) в диссертационном исследовании понимается как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённая в созданных ею текстах» [Иванцова, 2002, с. 10].

Определение понятия ЯЛ остаётся проблемным. Принципиальными моментами являются следующие: изучается ли реальная ЯЛ или модель; индивидуальная ЯЛ или коллективная. В соответствии с традицией, восходящей к Ю. Н. Караулову, в качестве ЯЛ могут исследоваться персонажи художественных произведений [Караулов, 1987 ; Кузневич, 1999 ; Хисамова, 2008 и др.]. Однако такой материал иногда достаточно сильно отличается от реальной речи и требует подтверждения достоверности; необходимость обращения к модели для изучения ЯЛ также вызывает серьёзные возражения [Иванцова, 2010а, с. 121].

Как известно, чаще исследуется «коллективная языковая личность». В некоторых случаях реконструируются особенности русской национальной ЯЛ на основе художественных текстов [Полякова, 2002 ; Санников, 2006 ; Лю Лицзюнь, 2009 и др.]. Исследованы и подтипы национальной ЯЛ, выделяемые по признакам образования, профессии и т.п. – предприниматель, интеллигент, чиновник, купец [Милёхина, 2003 ; Крысин, 2004 ; Карасик, 2009 и др.]. Многократно обращались лингвисты к описанию с позиций ЯЛ разных социовозрастных групп – школьников, студентов [Аниськина, 2001 ; Погребкова, 2004 ; Мамаева, 2007 ; Леорда, 2006 ; Лудильщикова, 2006 ; Годунова, 2008 ; Оленёв, 2008].

Среди исследований, посвящённых ЯЛ конкретного человека, выделяются 2 основных направления. Первое предполагает исследование элитарной ЯЛ,

наиболее полно владеющей языком, значимой как образец [Язык и личность, 1989, с. 152–212 ; Беспамятнова, 1994 ; Johnston, 1996 ; Куприна, 1998 ; Ляпон, 2000 ; Канчер, 2002 ; Соколовская, 2002 ; Парсамова, 2004 ; Попова, 2004 ; Елистратов, 2007 ; Каримова, 2009 ; Кац, 2009 и др.].

Второе направление – изучение речи рядовых говорящих, к которым относятся представители народно-речевой, просторечной, среднелитературной речевых культур, чьи профессии не связаны с речью [Тимофеев, 1971 ; Сиротинина, 1989 ; Ерофеева, 1990 ; Johnston, 1996 ; Черняк, 2003 ; Оглезнева, 2004, 2014 ; Седов, 2004 ; Иванова, 2008 ; Власкова, 2012 ; Прокофьева, 2012 ; Соломина, 2013 ; Харламова, 2013а, 2013б, 2014 и др.].

Изучение перцептивной лексики как значимого фрагмента лексикона диалектоносителя вписывается в круг исследований феномена диалектной ЯЛ, осуществляемых свыше 30 лет томскими лингвистами. Речь Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), носителя среднеобского старожильческого говора, представляет интерес и как отпечаток традиционной народно-речевой культуры, и как отражение индивидуальности информанта. Основой многоаспектного исследования диалектной ЯЛ послужил уникальный материал устной спонтанной речи В.П. Вершининой, собранный в течение четверти века (1981–2004 гг.) методом включения в языковое существование говорящего[3].

Предметом исследования были речевые жанры, стратегии и тактики, а также выразительные средства, используемые диалектной ЯЛ [Гынгазова, 1999, 2000 ; Демешкина, 2000, с. 95–101 ; Иванцова, 2002, 2004, 2005, 2011 ; Волкова, 2004 ; Казакова, 2005 ; Ташак, 2010 ; Маслова, 2013, 2014]. Л.Г. Гынгазовой проанализированы особенности миромоделирования диалектной ЯЛ через описание ключевых концептов народной культуры [Гынгазова, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007а, 2007б, 2009в, 2010, 2013 и др.]. Осуществлено системное описание лексикона В.П. Вершининой [Иванцова, 2002], а также отдельных его элементов

[3] Основная часть материалов была записана и расшифрована Е.В. Иванцовой (54 выезда), активное участие в экспедициях принимала Л.Г. Гынгазова (14 выездов); в нескольких случаях материал собирался также другими преподавателями и аспирантами ТГУ [Иванцова, 2006б, с. 157–158].

[Шевляков, 2007 ; Борисова, 2013 ; Иванова, 2013, 2014 ; Берестова, 2014 и др.][4]. В то же время перцептивная лексика данной ЯЛ не была предметом специального исследования.

Выбор этого класса лексических единиц для изучения в настоящей работе определяется широкой представленностью перцептивных номинаций в лексиконе диалектоносителя и их значимостью при изучении типа ЯЛ, для которого характерен приоритет чувственного опыта над умозрительными заключениями [Иванцова, 2002, с. 297 ; Демешкина, 2003, с. 116]. Наличие большого количества разноаспектных работ, посвященных описанию среднеобских говоров [Раков, 1988 ; Порядина, 1996 ; Демешкина, 2000 ; Ростова, 2000 ; Богословская, 2006 ; Курикова, 2006 ; Волошина, 2008; Петрунина 2008 ; Калиткина, 2010 и др.], создаёт широкий контекст для изучения типичного представителя народно-речевой культуры.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена

- междисциплинарным интересом к проблемам восприятия;

- изучением восприятия с учетом востребованных в современной лингвистике семантического, когнитивного, дискурсивного и лингвоперсонологического подходов;

- значимостью исследований рядового носителя языка (как наименее изученного и наиболее массового типа) и ЯЛ диалектоносителя, который рассматривается в наши дни как основа/субстрат национальной ЯЛ [Радченко, 2004; Маслова, 2010];

- обращением к изучению лексики чувственного восприятия, являющемуся одним из ключевых фрагментов лексикона ЯЛ.

В качестве **источников работы** использовались словари и тексты, отражающие дискурсивную практику диалектной ЯЛ. Основными словарными источниками являются опубликованные четырёхтомный «Полный словарь диалектной языковой личности» под ред. Е.В. Иванцовой (Томск, 2006-2012) и

---

[4] Библиографию проекта см. [Полный словарь…, Т. 1, 2002, с. 22–24; Т. 4., 2012, с. 358–360].

«Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» Е.В. Иванцовой (Томск, 2005). В качестве текстового источника использовались переведённые в электронный формат записи речи В.П. Вершининой, сделанные томскими диалектологами (общим объёмом около 10 000 стр.).

Отбор языкового **материала** базировался на семантических критериях: рассматривались единицы, в которых семы ‘чувственное восприятие’, ‘чувственно воспринимаемый’ являются ядерными. За единицу анализа принят *перцептив* – слово в отдельно взятом значении (ЛСВ), сравнительный или фразеологический оборот с ядерной семантикой чувственного восприятия. Основную часть материала составляет перцептивная лексика. Всего проанализировано более 1000 единиц и более 8000 высказываний.

Целью работы является реконструкция перцептивной картины мира диалектной языковой личности на основе анализа единиц с ядерной семантикой восприятия.

Для её достижения были поставлены следующие **задачи:**

Выявить корпус единиц, репрезентирующих понятие восприятия в речи исследуемой языковой личности.

Структурировать выявленные перцептивы в виде иерархически организованного макрополя.

Разработать методику реконструкции перцептивной картины мира.

Проанализировать перцептивные единицы исследуемой языковой личности в структурном, семантическом и функциональном аспектах.

Выявить особенности перцептивной картины мира типичного представителя традиционной народно-речевой культуры.

Объект исследования – перцептивные единицы в идиолекте носителя народно-речевой культуры, **предмет** исследования – перцептивная картина мира диалектной языковой личности.

Новизна проведённого исследования заключается в том, что в нём впервые

1) поставлена и решена задача целостного описания перцептивных единиц, представленных в дискурсе конкретного рядового носителя языка;

2) разработана методика реконструкции фрагмента языковой картины мира диалектоносителя через анализ репрезентирующего его семантического поля и дискурсивных данных;

3) в научный оборот введён новый материал устной, неподготовленной речи, ранее практически не изучавшийся в этом аспекте;

4) системно описаны номинации разных модальностей восприятия в речи диалектной языковой личности;

5) выявлены особенности перцептивной картины мира, характерные для носителя русской традиционной культуры.

Положения, выносимые на защиту.

Перцептивная картина мира реконструируется с учётом устройства семантического поля «Восприятие», коннотативных компонентов в семантике его единиц и дискурсивной практики их употребления носителем языка.

В перцептивной картине мира диалектоносителя высока доля оценочной составляющей. Преобладает прагматический критерий оценки, проявляющийся во всех модальностях. В то же время объекты зрительного и слухового восприятия могут получать эстетическую оценку, а для вкуса, запаха, осязания характерна гедонистическая оценка. Модальности отличаются друг от друга и преобладающим знаком оценки: так, в обозначениях цвета, размера, вкуса шире представлена позитивная оценка, среди обозначений температуры, запаха – негативная.

Перцептивная картина мира носит образный характер: диалектоноситель регулярно использует для номинации перцептивных признаков сравнения, метафоры и фразеологизмы, имеющие образный компонент. Анализ фразеологизмов и сравнений позволяет выявить хранящиеся в сознании говорящего эталоны перцептивных признаков, которые могут совпадают или не совпадать с общенациональными.

Перцептивная картина мира диалектоносителя отличается приблизительностью, огрублённостью. Номинации перцептивных свойств в ряде

случаев имеют более широкое значение, чем в литературном языке. Широко представлены номинации высокой степени проявления признака, номинации слабо выраженных признаков почти отсутствуют. Обозначения разных модальностей восприятия редко сочетаются друг с другом в тестах диалектной языковой личности.

Своеобразие перцептивной картины мира проявляется в используемых носителем народно-речевой культуры стратегиях обозначения перцептивных процессов и признаков. Характер избираемой говорящим стратегии определяется рядом факторов: выбор узуального / индивидуального наименования, опора на эталонные или стереотипные представления / ситуативно выделяемые признаки, использование вербальных/невербальных способов обозначения

Иерархия модальностей в лексиконе диалектной языковой личности совпадает с общеязыковой: наиболее детализированным является поле «зрение», его единицы отличаются также максимальной частотностью; на втором месте по числу единиц и контекстов находится поле «слух», затем по убывающей следуют обозначения осязания, вкуса и обоняния.

Методы и методика исследования

Оригинальность методики исследования определяется синтезом традиционного структурно-семантического подхода с новыми лингвоперсонологическим и когнитивным. В работе применяется общенаучный описательный метод, включающий приёмы сбора материала, классификации, интерпретации, обобщения, количественных подсчётов. Автор диссертационного исследования опирался также на принципы реконструкции структуры языковой личности, предложенные Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1987], и методологические положения, выработанные Томской лингвистической школой при исследовании диалектной ЯЛ [Иванцова, 2006а, 2014]. Метод семантического поля используется как способ описания перцептивной лексики. Также применяются приёмы компонентного анализа семантики слова и приёмы дискурсивного анализа.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она вносит вклад в исследование перцептивной лексики и феномена диалектной ЯЛ, расширяя представление о данных объектах. Показаны разнообразие и полифункциональность перцептивных единиц в речи диалектоносителя, отличия от литературного языка в соотношении ядра и периферии поля восприятия, семантизации отдельных лексем. Выявлен ряд стратегий обозначения ощущений, специфических для народно-речевой культуры. Определены особенности перцептивной картины мира диалектной ЯЛ. Работа значима для лингвосенсорики, лингвоперсонологии, диалектной лексикологии.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы в преподавании курсов по лексикологии, диалектологии, стилистике, коллоквиалистике, спецкурсов по лингвосенсорике и лингвоперсонологии. Систематизированное представление фрагмента лексикона ЯЛ (приложение А) будет востребовано при создании идеографического словаря личности. При составлении диалектных словарей будет полезным учёт выявленных особенностей семантики и сочетаемости выявленных перцептивов. Полученные данные также могут использоваться для сопоставительного изучения разных ЯЛ. Возможно применение разработанной методики описания перцептивных единиц при исследовании других семантических полей лексикона диалектной ЯЛ.

Апробация работы

Основные положения исследования были представлены на 13 конференциях: всероссийской (с 2014 г. международной) конференции «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики» (Томск, ТГУ, 2010, 2011, 2014, 2015 гг.), всероссийской конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, ТПУ, 2010 г.), международной конференции «Межкультурная коммуникация: теория и практика» (Томск, ТПУ, 2010, 2012 гг.), всероссийской конференции «Мировая культура и язык: Взгляд молодых исследователей» (Томск, ТПУ, 2010, 2012гг.), всероссийской конференции «Традиции и инновации в филологии XXI века:

взгляд молодых ученых» (Томск, ТГУ, 2012 г.), международной конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, НГУ, 2012, 2013 гг.), международной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, ТГПУ, 2014 г.). Исследование поддержано грантом РГНФ (проект № 15-54-00004). Результаты работы над диссертацией обсуждались на аспирантском семинаре кафедры русского языка Томского государственного университета (28 ноября 2013 г., 26 февраля 2015 г.) и на заседании кафедры русского языка ТГУ (30 апреля 2015 г.). Основное содержание диссертации представлено в 15 публикациях, в том числе 3, входящих в перечень ВАК.

Структура диссертации. Работа включает введение, 4 главы, заключение, список сокращений, список литературы, 2 приложения, 1 таблицу, 17 диаграмм.

Во введении обосновывается актуальность исследования, его цель и задачи, объект и предмет исследования, научная новизна работы; излагаются положения, выносимые на защиту. Глава 1 посвящена описанию теоретических основ исследования. В главах 2–4 представлено описание модальностей восприятия в речи диалектной ЯЛ на лексическом и функциональном уровнях. В заключении сформулированы выводы и намечены перспективы исследования. Основное содержание диссертации изложено на 183 страницах. Список литературы включает 334 наименования, в том числе 12 – на иностранном языке. В приложении А «Список перцептивов в идиолекте В.П. Вершининой» приведен сгруппированный по идеографическому принципу перечень исследуемых лексических и фразеологических единиц, в приложении Б «Количественные характеристики модальностей восприятия» представлено в обобщённом виде сравнение разных модальностей восприятия по нескольким параметрам.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ИДИОЛЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Разработка методики настоящего исследования требует учёта достижений как лингвосенсорики, так и лингвоперсонологии, выявления неоднозначно решаемых теоретических вопросов в этих областях, выработки собственных позиций с учётом задач работы и используемых источников. Данная глава посвящена решению этих вопросов, которое важно для последующего анализа языкового материала.

1.1 Теория лингвосенсорики и методы исследования перцептивных единиц

1.1.1 Терминология лингвосенсорных исследований

Одним из центральных терминов настоящего исследования является термин **«восприятие»**. Е.А. Кубрякова отмечает, что данный термин «имеет длительные традиции своего исследования, но не имеет общепринятого толкования» [Кубрякова, 1996, с. 17]. Как считает исследователь, трудности использования термина «восприятие» вызваны тем, что он «равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ, а также и к способностям членить, дискретизировать и структурировать сенсорные данные – весь поток обрушивающейся на человека информации и воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов или стимулов» [там же].

Несколько различаются трактовки данного термина в философии, психологии и лингвистике.

В философии восприятие понимается как одна из способностей человека наряду с интеллектом, памятью, воображением [Кузнецов, 2005а, 2005б]. Вместе с тем, всё более чётко осознаётся современными философами ограниченность гносеологического понимания восприятия и необходимость учёта ценностных компонентов при его изучении [Папченко, 2011].

В современной психологии (где выделяется особая отрасль знания – психология восприятия) это термин трактуется двояко. Во-первых, восприятие рассматривается как сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа (употребляются также термины «перцепция», «перцептивный процесс»). Во-вторых, оно представляется как субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов (употребляются также термины «образ восприятия», «перцептивный образ») [Зинченко, 2002].

По утверждению когнитологов, восприятие тесно связано с другими когнитивными способностями человека и другими когнитивными процессами [Кубрякова, 1996, с. 18]. «Ментальная/интеллектуальная сфера человека неразрывно связана со всеми другими его системами, но особенно показательна её связь с восприятием, эмоциональными состояниями, социальными действиями и поведением <…> восприятие – зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, не самостоятельные и не независимые процедуры, выполняемые автономными «органами», просто «передающими сигналы в мозг», а гораздо больше. Это <…> условие распознавания, осознания, понимания и интерпретации того, что происходит в мире. Иными словами, информация, которую мозг получает благодаря восприятию – материал для его работы, «сырьё», «субстрат», исходный продукт, без которого ему незачем и не с чем работать, без которых он не был бы мозгом» [Рябцева, 2005, с. 228] .

Термин «модальность» в данной работе используется в психологическом, а не в лингвистическом смысле: модальность – тип восприятия, обусловленный существованием разных видов рецепторов, по-разному реагирующих на окружающий мир, что и создаёт качественную специфичность каждого ощущения

[Леонтьев, 2000, с. 90–92]. Выделяются зрительная, слуховая, осязательная, обонятельная, вкусовая модальности.

Восприятие как комплексное явление в психологии противопоставляется ощущению – непосредственному отражению отдельных свойств предмета [Зинченко, 2002].

В лингвистике понятия восприятия и ощущения обычно не разделяются. В языке представлены номинации как отдельных ощущений (*красный, горячий* и т.п.[5]), так и процесса восприятия (*слышать, смотреть*). В данной работе термины «ощущение» и «восприятие» используются в качестве взаимозаменяемых. С лингвистической точки зрения при изучении восприятия анализируются ситуация восприятия, отражённая в семантике предложения (в синтаксисе), или способы номинации восприятия и ощущений (в лексикологии).

Неоднозначно решается в лингвосенсорике вопрос обозначения предметной области исследования. Наиболее употребительными являются «лексика чувственного восприятия» (Т.Р. Степанян, О.Н. Григорьева, О.С. Жаркова, Л.Б. Крюкова, А.В. Двизова и др.), «перцептивная лексика» (О.А. Мещерякова, О.Ю. Авдевнина), реже используются обозначения «сенсорная лексика» (О.Г. Лещинская, Л.О. Овчинникова), «сенсорика» (В.К. Харченко). Предпочтительным представляется термин «перцептивная лексика», так как, во-первых, он является более компактным по сравнению со словосочетанием «лексика чувственного восприятия», во-вторых, позволяет построить рабочую терминосистему (*перцепция* – восприятие; *перцептивное значение* – прямое значение лексемы, связанное с чувственным восприятием; перцептивный компонент значения – компонент значения, связанный с чувственным восприятием).

Существуют также вариантные обозначения отдельных лексико-семантических групп по типу восприятия – зрительное/визуальное, слуховое/аудиальное/звуковое, осязательное/тактильное/восприятие на ощупь, вкусовое/густоральное, обонятельное/ольфакторное/восприятие запаха. Эти

[5] Так, Р.М. Фрумкина определяет цветообозначения как слова, предназначенные для выражения цветоощущений [Фрумкина 1984, с. 6]

термины близки друг к другу и чаще всего употребляются как дублеты. В настоящей работе предпочтение отдаётся русскоязычным вариантам.

1.1.2 Границы области описания

Е.В. Падучева, говоря о критериях выделения перцептивной лексики, отмечает, что перцептивный компонент должен не только присутствовать, но и быть основным в семантике соответствующих лексем [Падучева, 2006, с. 199]. На основе этого критерия в настоящей работе

- в обозначения зрения включены номинации цвета и света, формы и размера (последние могут быть определены и на ощупь, но если речь идёт о больших объектах – преобладает зрительное восприятие);

- в обозначения осязания включались номинации качества поверхности, температурных ощущений, веса, сухости/влажности;

- в составе лексики слуховых обозначений не учитывались обозначения речи, так как, во-первых, в них информационный компонент преобладает над акустическим, во-вторых, данный класс лексем в речи личности настолько обширен, что его изучение требует специального исследования;

- из номинаций вкуса исключались наименования продуктов питания и процесса принятия пищи, поскольку перцептивный компонент у них является факультативным в структуре значения;

- не рассматривались обозначения органов восприятия (так как они чаще описываются по внешним признакам, а не по функции; отмечались лишь те редкие случаи, где названия органов восприятия сочетаются с другими перцептивными лексемами, например, глаголами или имеют значение способности, например, *глаза* – ‘зрение’);

- исследование было ограничено номинациями восприятия внешнего мира, поэтому не рассматривались обозначения болевых ощущений и физиологических состояний организма;

- исключались из анализа дериваты, в которых непосредственное значение восприятия утрачено или сема ‘чувственно воспринимаемый признак, процесс’ имеет периферийный характер (*белоголовник, черноплодка, белила, золоту'ха; шум* ‘ссора, скандал’, *кислый* ‘испорченный в результате брожения’ и т.п.).

Вопрос о включении лексем в переносном значении в состав исходного поля является спорным [Новиков, 1997]. При исследовании перцептивной лексики в художественном тексте и в разговорной речи чаще всего описываются лексемы, в прямом значении относящиеся к сфере восприятия, и их семантические трансформации [Демешкина, 2000 ; Свинцицкая, 2004 ; Лещинская, 2008 ; Овчинникова, 2009 ; Харченко, 2012 ; Двизова, 2014а и мн. др.].

Мы разделяем точку зрения Л.М. Васильева о том, что выделение поля происходит на основе общей (ядерной) семы, и слова, в которых ядерная сема данного поля является периферийной, относятся к другим семантическим полям [Васильев, 1971а, с. 45]. Такой подход принят в ряде работ, ориентированных на классификацию обозначений восприятия по семантическим параметрам [Васильев, 1971а, 1971б ; Мошева, 1974 ; Шрамм, 1979 ; Рузин, 1995 ; Василевич, 2005 ; Пинжакова, 2009 и др.].

1.1.3 Методы изучения перцептивной лексики

1.1.3.1 Метод семантического поля

Теория семантического поля[6], сформировавшаяся к середине XX в. на основе работ Й. Трира, Г. Ипсена, В. Порцига, широко используется при исследовании лексики восприятия. В современной лингвистике семантическое поле (СП) понимается как «иерархическая структура множества лексических

[6] Обзоры теории и определений поля представлены в работах [Васильев, 1971б; Щур, 1974; Караулов, 2010 и др.].

единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» [Новиков, 1997, с. 458].

З. Д. Поповой и И. А. Стерниным выделены следующие признаки поля:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями.

2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.

3. Поле объединяет однородные и разнородные элементы.

4. Поле образуется из составных частей – микрополей, число которых должно быть не меньше двух.

5. Поле имеет вертикальную и горизонтальную организацию. Вертикальная организация – структура микрополей, горизонтальная – взаимоотношение микрополей.

6. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конституенты. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты.

7. Ядерные конституенты выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для данного поля.

8. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию.

9. Граница между ядром и периферией является размытой.

10. Конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей.

11. Равные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка [Попова, Стернин, 1989, с. 5–6].

Проблемы анализа перцептивной лексики в составе семантического поля связаны с общими принципами выделения поля, определения границ исследуемой области и структурирования лексического массива.

Поскольку главным признаком отнесения лексических единиц к обозначениям восприятия считался центральный характер перцептивного компонента в семантике соответствующих лексем, семантическое поле «Восприятие» понимается в работе как упорядоченная совокупность единиц, в которых сема ‘чувственно воспринимаемый признак, процесс’ является ядерной. Центральное место в этой совокупности занимает перцептивная лексика, вместе с тем в анализ включаются и образные единицы – сравнения, метафоры, фразеологизмы.

Семантическое поле, обозначающее отдельную модальность, анализируется в данной работе также на основе количественного критерия обширности (т.е. количества единиц, включённых в его состав). В связи с этим используются понятия *макрополе* и *микрополе*, понимаемые как поля с очень большим и малым числом единиц соответственно.

При описании семантического поля «Восприятие» на уровне языковой системы в целом разграничение ядра и периферии происходит на основе двух взаимосвязанных критериев. Во-первых, ядерными считаются, как правило, лексемы, обладающие максимально обобщённым значением (например, названия чувственно воспринимаемых свойств – *свет, цвет, звук*). Во-вторых, ядерными единицами большинство авторов, изучающих обозначения восприятия, считает ЛСВ, имеющие прямое («перцептивное») значение [Лаврова, 2008 ; Мельникова, 2010 и др.]. В исследуемом материале лексемы с абстрактным значением достаточно редки, поэтому выделение ядра и периферии предполагает в первую очередь выделение наиболее частотных и, напротив, редких единиц лексикона. Этот подход принят также в работе И.В. Пархоменко [Пархоменко, 2000, с. 63], отчасти на него опирается Е.В. Свинцицкая [Свинцицкая, 2004] и другие исследователи.

В данной работе основной критерий выделения ядерных лексем в составе поля – их частотность. Для обширных полей (например, «цвет», «звук») представлены околоядерная зона, где частотность относительно высока, но меньше, чем у ядерных лексем, а также ближняя и дальняя периферия. На дальней

периферии обширных полей располагаются лексемы с частотностью 1-5 словоупотреблений. В то же время для ряда компактных полей (например, таких, как «запах») выявляются только 2 зоны: ядро и периферия.

Обозначения одной части речи внутри семантического поля традиционно понимаются как лексико-семантическая группа (ЛСГ). ЛСГ рассматриваем как разновидность поля (микрополе единиц одной части речи). Для ЛСГ, как и для поля, выделяются ядерные и периферийные элементы. Термины «ядерное» и «базовое» обозначение в данной работе используются как синонимы.

1.1.3.2 Метод компонентного анализа и дополнительные компоненты семантики перцептивов

Метод компонентного анализа тесно связан с методом моделирования семантического поля, т.к. последний предполагает группировку единиц на основе общих компонентов значения. Компонентный анализ предполагает разложение слова на его семы[7] – «элементарные составляющие значения слова или другой языковой единицы, отражающие различаемые языком признаки обозначаемого» [Арнольд, 1991, с. 50]. Выделение перцептивной лексики происходит на основе семы ‘воспринимаемый органами чувств’

Остановимся кратко на тех дополнительных компонентах значения, которые могут присутствовать в лексике восприятия.

При изучении глаголов восприятия наиболее активно обсуждаемым вопросом на протяжении достаточно длительного времени является противопоставление целенаправленного и нецеленаправленного восприятия (*видеть-смотреть*) [Gruber, 1967 ; Примова, 1984 ; Viberg, 1984 ; Моисеева, 1998 ; Глинка, 2003 ; Падучева, 2004 ; Слободян, 2007 ; Авдевнина, 2013 и др.]. «**Целенаправленность/нецеленаправленность**» можно рассматривать как компонент значения перцептивных глаголов. Е.В. Падучева отмечает, что такое противопоставление нехарактерно для глаголов других тематических классов,

[7] Используются также термины «семантические компоненты», «семантические множители», «дифференциальные семантические признаки», и др.

наличие подобных пар является особенностью именно поля восприятия. Исследователь называет противопоставленные единицы обозначениями соответственно состояния и деятельности. Развивая это противопоставление, О.Ю. Авдевнина использует термины «состояние» и «действие». В её работе различия между состояниями, с одной стороны, и действиями, с другой, прослеживаются на разных уровнях [Авдевнина, 2013].

Приставочные дериваты базовых глаголов восприятия могут включать дополнительные семы длительности, завершённости, результативности, однократности действия и т.п. [Падучева, 2006].

В семантике перцептивных прилагательных учёные выделяют такие дополнительные семы как градуальность (степень проявления признака) и образность [Рузин, 1995; Мещерякова, 2011 и др.]. Так, И.Г. Рузин делит все прилагательные на градуальные (*большой – маленький, светлый – тёмный*) и эталонные. Последние делятся на денотатные (обладающие образной формой, например, *лимонный* цвет) и неденотатные (обозначения цвета, вкуса, которые соотносятся с определённым эталоном в языковом сознании: *чёрный* – цвет угля, сажи) [Рузин, 1995, с. 80–81].

В речи В.П. Вершининой средства выражения категории **градуальности** отличаются от представленных в литературном языке, поэтому остановимся на них подробнее. Чаще всего для обозначения степени проявления признака используются словообразовательные средства (*кислый – кисловатый – кисля'чий* ‘очень кислый’; *белый – беловатый, сбела'* ‘с беловатым оттенком’ – *белый-пребелый, белёхонький*). Используются также синтаксические средства (повторы, наречия *ши'бко, сильно, очень, немножко, мале'нько,* усилительные частицы *аж, прям/прямо*). Достаточно редко в исследуемом материале степень проявления признака выражается лексически (*розовый–красный–бордовый; холодный–тёплый–горячий*). В то же время формы степеней сравнения, краткая форма прилагательных, причастия и деепричастия в речи диалектоносителя почти не используются.

Образный компонент значения в исследуемом материале представлен, прежде всего, в сравнениях и фразеологизмах, которые диалектоноситель регулярно использует для номинации перцептивных свойств (ср.: *жёсткий – как камни; горький – как редька; громко – аж деревня ко'лется*). Образные слова с перцептивным значением в лексиконе диалектоносителя достаточно немногочисленны (цветообозначения типа *малиновый, васильковый, стальной*). Метафорические обозначения (*редиска деревя'нна*; *От есь снег… бе'ла, ши'бко мука*) также отмечаются, хотя и гораздо реже, чем сравнения.

Анализ образных перцептивов позволяет реконструировать эталоны перцептивных признаков (по А. Вежбицкой), хранящиеся в сознании носителя языка [Вежбицкая, 1997]. Эти эталоны могут быть как общерусскими, так и специфичными для диалектной культуры [Иванцова, 2006а]. Образность номинации может не осознаваться говорящим, однако наличие большого числа образных единиц в том или ином семантическом поле свидетельствует о значимости называемого ими фрагмента мира.

Перцептивные единицы могут иметь и **оценочный** компонент значения. Он отмечается, в частности, у номинаций вкуса, запаха [Колупаева, 2007 ; Макарова, 2007 и др.] Ср. в исследуемом материале: *запах* ‘свойство предметов, веществ воздействовать на обоняние’ – *аромат ‘приятный запах’, – дух ‘неприятый запах’*). Кроме того, в идиолексиконе В.П. Вершининой многочисленны эмоционально-оценочные лексемы с перцептивной семантикой (*красненький, кругленький, горяченький, гладенький, слатенький.*

Оценочный и образный компоненты лексического значения можно квалифицировать как коннотативные. В.Н. Телия определяет коннотацию в широком смысле термина как «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию. <…> Коннотация соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке, с их мировидением и выражает ценностное – рациональное или эмоциональное по характеру оценки – отношение говорящего к сообщаемому» [Телия, 1997, с. 193].

Выявление оценочных и образных коннотаций в значениях перцептивных лексем позволяет опереться на них при реконструкции перцептивной картины мира носителя языка.

1.1.3.3 Способы реконструкции перцептивной картины мира

Развитие когнитивного направления в лингвистике вызвало появление исследований, в которых лексика со значением чувственного восприятия используется для реконструкции картины мира носителей языка.

Термин «картина мира» принадлежит когнитивной парадигме лингвистики, способы изучения картины мира трактуются учёными по-разному. М.В. Домбровская выделяет 2 собственно когнитивных лингвистических методики: метафорический анализ и ассоциативный эксперимент [Домбровская, 2001]. При изучении обозначений восприятия в когнитивном аспекте исследователи опираются, как правило, на метод метафорического анализа [Мишанкина, 2002 ; Спиридонова, 2004 ; Рябцева, 2005 ; Падучева, 2006 ; Рахилина, 2008 ; Быкова, 2014 и др.], экспериментальные методики используются значительно реже [Фрумкина, 1984 ; Борейко, 2006].

Вместе с тем, традиционные методы семантического поля и компонентного анализа семантики лексических единиц всё чаще вовлекаются в сферу когнитивных исследований лексики восприятия. Идея о том, что иерархически упорядоченные семантические поля являются элементами языковой картины мира, высказывалась Ю.Н. Карауловым, С.А. Моисеевой [Караулов, 1976, с. 271, 1987, с. 56 ; Моисеева, 2005, с. 8]. В частности, С.А. Моисеева утверждает: «Метод поля не снижает своей актуальности и в настоящее время, поскольку позволяет рассматривать лексику в свете концепции языковой картины мира» [там же, с. 10]. С опорой на этот тезис автор рассматривает глаголы восприятия в трех романских языках (французском, итальянском, испанском) для выявления особенностей языковой картины мира народов Италии, Испании и Франции. Цель

реконструкции перцептивной картины мира через анализ соотносимого с ним семантического поля (реже используются понятия «функционально-семантическое поле» или «ассоциативно-семантическое поле») реализуется в ряде работ, в том числе выполненных на материале художественного идиостиля [Носовец, 2002 ; Жаркова, 2005 ; Моисеева, 2005 ; Овчинникова, 2009 ; Мельникова, 2010 ; Дмитриева, 2012 и др.].

Каковы же конкретные приёмы исследования перцептивной картины мира, основанные на полевом методе?

Во-первых, анализ состава семантического поля: количество включённых в него микрополей и единиц в каждом микрополе позволяет судить о степени детализированности картины мира, о значимости наиболее детализированных фрагментов, о наличии лакун; выявление ядерных и периферийных единиц лексикона позволяет выявить совпадение или несовпадение с общеязыковой системой. Во-вторых, возможность реконструировать особенности картины мира даёт выявление коннотативных компонентов семантики (оценочного, отражающего субъективное мировидение говорящего, и образного, соотносимого с образным мышлением).

Определения терминов «перцептивная картина мира», «сенсорная картина мира» [Лаврова, 2008; Мельникова, 2010], «цветовая картина мира» [Носовец, 2002 и др.] в литературе отсутствуют, как правило, учёных указывают лишь на то, что данные понятия рассматриваются как фрагмент более общей языковой картины мира.

Языковую картину мира В.И. Постовалова определяет как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющий результатом всей духовной активности человека. «… картина мира есть сплав результатов познания как чисто объективного начала и оценки как чисто субъективного начала <…> При развёртывании своего содержания она опирается во многом на принцип ценностной ориентированности, который

выступает в ней как главный принцип иерархизации предметов [Постовалова, 1988, с.45–47].

Опираясь на работу В.И. Постоваловой, можно выделить следующие признаки картины мира:

1) она есть результат духовного «освоения» или «присвоения» мира и требует усилий для своего формирования;

2) картина мира имеет субъективный характер (хотя её субъективность не осознаётся человеком);

3) в картине мира значима ценностная составляющая;

4) картина мира изменчива, динамична;

5) в картине мира всегда имеются лакуны;

6) картина мира – это представление о мире в наглядно-образной форме;

7) часто картина мира существует в неоформленном виде, её реконструкция исследователем позволяет представить её в более логичной форме [Постовалова, 1988].

Под перцептивной картиной мира в данной работе понимаются особенности мировосприятия, зафиксированные в перцептивных единицах. Индивидуальная перцептивная картина мира рассматривается как вариант коллективной.

Своеобразие методики настоящего исследования определялось не только соединением имеющего давние традиции метода поля с элементами когнитивного анализа, но и опорой на принципы лингвоперсонологического анализа языковой материи, вырабатывающиеся в рамках нового области науки о языке.

1.2 Диалектная языковая личность и принципы её исследования

1.2.1 Методы и методики реконструкции языковой личности

Лингвоперсонология – отрасль научного знания, объектом которой выступает языковая личность. Пройдя длительный путь своего становления – от идей В. фон Гумбольта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Э. Сепира, Й.Л. Вайсгербера,

Н.С. Трубецкого до работ основоположников теории языковой личности Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова и их последователей (обзор см. [Иванцова 2010, глава 1]), эта область лингвистики вошла в число наиболее интенсивно развивающихся направлений науки о языке, активно влияющих на уже сформировавшиеся ранее сферы и методы её изучения. Важными достижениями теории языковой личности можно считать разработку её терминологического аппарата, создание концепций структуры ЯЛ, определение источников и методов изучения нового объекта.

В качестве специальных методов лингвоперсонологии называют поуровневую реконструкцию и речевое портретирование [Иванцова, 2010, с. 120–132 ; Башкова, 2010, с. 35–38]. Метод речевого портретирования предполагает описание отдельных «ярких пятен» в речи личности. Примеры использования данного метода представлены в работах [Ерофеева, 1990 ; Ляпон, 1995, 2000 ; Черняк, 2003 ; Крысин, 2004 ; Оглезнева, 2004, 2014 ; Харламова, 2013, 2014 и др.].

Метод реконструкции языковой личности предложен Ю.Н. Карауловым. Реконструкция ЯЛ предполагает описание её вербально-семантического, когнитивного и прагматического уровней. Каждый уровень имеет собственные единицы. В первом случае это лексемы, во втором – иерархически координированные семантические поля, связи фрагментов лексикона друг с другом, их взаимопересечения, отражающие особенности мировосприятия личности, в третьем – прецедентные тексты, отражающие жизненное кредо личности, и текстовые стратегии.

Данный метод, в отличие от метода речевого портретирования, даёт возможность более полно и детально описать личность (эта идея реализована в описании ЯЛ В.П. Вершининой, которое строится по модели постепенного «укрупнения» его единиц: от слова к картине мира и тексту [Иванцова, 2002]).

В настоящем исследовании на основе метода реконструкции ЯЛ предлагается следующая модель анализа перцептивных единиц: а) построение семантического поля восприятия; б) изучение перцептивной картины мира; в) анализ высказываний, напрямую отражающих отношение информанта к

фрагменту действительности «чувственно воспринимаемое свойство, признак». Это могут быть как наиболее близкий информанту тип прецедентных текстов – приметы, пословицы, поговорки (*из большого не выпадет*), так и оценочные суждения. Суть методики описания пунктов а) и б) раскрыта в предшествующих разделах (1.1.3.1, 1.1.3.2, 1.1.3.3), поэтому остановимся подробнее на последнем пункте.

Анализ оценочных суждений позволяет реконструировать особенности мировоззрения информанта – во-первых, индивидуально-вкусовые предпочтения (*люблю тепло, мороз не люблю я*), во-вторых, оценку тех или иных перцептивных признаков предметов или перцептивных процессов как позитивных или негативных, выявляемую через сочетаемость перцептивных номинаций с оценочными (*беленький, хорошенький – чёрный, нехороший*). Маркерами оценки в идиолекте являются слова и словосочетания *хороший, худой, красивый, люблю/не люблю, гля'нется/не глянется* и др. Чаще всего номинации перцептивных и оценочных характеристик сополагаются друг с другом, являясь взаимообусловленными, например: *А он чёрненький, хорошенький такой был платочек*. В отдельных случаях оценка выявляется из смысла высказывания в целом и соотношения его частей (*Хоро'ши сапоги. <…> Только что бе'лы. Облезут?* – противопоставление *хороший – белый* подразумевает оценку белого как плохого).

Анализ оценочных контекстов позволяет реконструировать особенности мировидения диалектной ЯЛ. Для такой реконструкции важны знак оценки (позитивная/негативная), её объект (артефакты, натурфакты, человек) и критерии оценки (прагматический, гедонистический, эстетический)[8]. Опираясь на работу Н.Д. Арутюновой, можно определить критерии оценки следующим образом: прагматическая оценка осуществляется по критериям «полезный – бесполезный – вредный; эффективный – неэффективный; доброкачественный –

[8] В работах Л.Г. Гынгазовой и Е.В. Иванцовой предлагается учитывать знак оценки, её объект и тип (противопоставляются рациональная/эмоциональная оценка, с одной стороны, и общая, синкретичная/детализированная, аспектная оценка, с другой стороны) [Гынгазова, Иванцова 2012, 2013].

недоброкачественный», гедонистическая соотносится с понятиями «приятный, комфортный – неприятный, дискомфортный», эстетическая – с понятиями «красивый – некрасивый» [Арутюнова, 1988, с. 75–77]. Эти критерии оценки востребованы при использовании перцептивной лексики чаще всего.

Итак, для реконструкции мотивационного уровня ЯЛ посредством анализа оценочных контекстов необходимо, прежде всего, учитывать критерии, по которым осуществляется оценка, регулярность сочетаемости перцептивных и оценочных единиц, наличие контр-примеров.

Анализ оценки как субъективного смысла высказывания требует обращения к приёму (методике) интерпретации. Интерпретативная методика рассматривается в настоящей работе как инструмент анализа повседневной речи с опорой на разработки отечественных и зарубежных учёных.

Точного аналога лингвоперсонологии за рубежом, по-видимому, нет[9]. Вместе с тем, основные подходы к изучению индивидуальной речи были намечены ещё в 1927 г. Э. Сепиром в статье «Речь как черта личности». Такими подходами исследователь считает 1) поуровневое исследование речи конкретного индивида; 2) исследование речи индивида с установлением её отличия от стереотипов общества [Сепир, 1993, с. 287]. Отметим, что именно эти 2 пути и развиваются современной лингвоперсонологией. Основную задачу изучения индивидуальной речи Э. Сепир формулирует следующим образом: «рационально обосновать для нас то, что нам и так известно в донаучной форме» [Сепир, 1993, с. 289].

Опираясь на идеи Э. Сепира, американская исследовательница Б. Джонстон также предлагает собственную концепцию «индивидуальной лингвистики», близкой лингвоперсонологии. Основная цель её исследования – рассмотрение языка в перспективе отдельного говорящего (языковой личности), а не в перспективе социальной группы или абстрактной лингвистической системы, как

---

[9] Более подробное обсуждение данного вопроса дано в [Глушкова, 2013]; см. также отдельные работы [Shaw, 2001 ; Gibson, 2004 ; Ebtekar, 2012].

это обычно делается. Отталкиваясь от идей Э. Сепира, Б. Джонстон указывает, что этот подход влечёт за собой переосмысление коренных, фундаментальных её положений, т.е. имеет весьма серьёзные методологические последствия: «My goal is to suggest that the issues that define linguistics – the nature of language and how it works – can be fully addressed only with reference to the particular. This means recasting questions about the social as questions about the individual, questions about language as questions about speaking, questions about rules and constraints as questions about strategies and resources» [Johnston, 1996, p. 4] – «Моя цель предполагает, что определяющие для лингвистики вопросы – природа языка и принципы его работы – могут быть полностью исследованы только со ссылкой на личность. Это предполагает пересмотр вопросов социального как вопросов индивидуального, вопросов языка как вопросов речи, вопросов правил и конструкций как вопросов стратегий и ресурсов».

Основу методологии изучения индивидуальности в языке составляет, по мнению исследователя, анализ связной речи, обозначаемый термином «дискурс-анализ». Этот метод представляется эффективным и соответствующим цели изучения индивидуальных различий благодаря своим основным чертам: качественному, а не количественному анализу и, скорее, обособляющему, чем обобщающему подходу («Discourse analysis is qualitative far more often than quantitative, particularistic rather than generalizing» [Johnston, 1996, p. 23]). Автор оговаривается, что данная методика заимствована из литературоведения и в чём-то близка методикам критического анализа художественного текста. Как следует из замечания Б. Джонстон, детально прописать её весьма сложно, т.к. анализ речи предполагает опору не только на логические процедуры, но и, по-видимому, на интуицию. «Discourse analysts study relatively small amounts of data in relatively great detail. Their methods typically involve close reading or listening, reading or listening again and again until patterns emerge» [Ibid] – «Последователи данного метода привлекают относительно малое число данных и рассматривают их относительно детально. Методики обычно включают внимательное чтение или слушание, чтение и слушание ещё и ещё раз, пока не проявится модель».

На это же указывает Л.Г. Гынгазова, реконструирующая концептосферу носителя традиционной народно-речевой культуры. Исследователь также отмечает, что адекватное описание факта устной речи обеспечивается во многом знанием и учётом «непосредственно контекста актуализации», и кроме того, требует обширных фоновых знаний, «“вхождения” в языковое бытие информанта и шире – в ту речевую культуру, носителем которой выступает ЯЛ» [Гынгазова, 2007, с. 15]. О необходимости привлечения экстралингвистической информации писал и Ю.Н. Караулов: именно её он называл тем ключом, который поможет перейти от лексикона личности к её языковой картине мира [Караулов, 1987, с. 45].

Анализ перцептивов, используемых в фольклорных текстах, в настоящей работе также опирается на метод интерпретации. Учитываются разработки в области лингвокультурологии, где даётся толкование культурного компонента значения [Иванова, 2003 ; Устинова, 2007 ; Маслова, 2010 ; Тараканова, 2012а ; Агапова, 2013 и др.]. Культурный компонент значения имеет место в тех случаях, когда перцептивная лексика используется для описания обрядовых действий, культурных практик (например, пения), а также включается в состав пословиц, поговорок, примет, которые являются объектами духовной культуры, фиксирующими мировоззрение её носителей.

В приметах возможно выявление символического компонента значения, т.к. в них перцептивы имеют обобщённое значение, в результате чего перцептивное свойство мира выступает как культурный код (цветовой, звуковой), транслируемый посредством языка. Важным компонентом символического значения, на наш взгляд, является наличие толкования, которое ЯЛ даёт явлению в рамках культурной традиции.

1.2.2 Типические и индивидуальные характеристики языковой личности В.П. Вершининой

Внимание исследователей к типу диалектной языковой личности объясняется важностью последнего для национальной культуры. «Диалект <…> создает такой тип языковой личности носителя диалекта, который является первоосновой национальной языковой личности. Человек – субъект социокультурной жизни, языковая же личность фиксирует репрезентативный для данной культуры тип личности, т. е. комплекс черт и языково-речевых навыков, проявляющихся у индивида чаще всего» [Маслова, 2010, с. 76].

Исследователи подчёркивают: «Картины мира диалектов <…> не являются фрагментами картины мира национального языка, а, напротив, будучи субстратом последней, они сохраняют в течение определенного периода времени после создания национального языка особые качества, связанные с их большей близостью к исконным занятиям человека, традиционному образу жизни, натуральному хозяйству» [Радченко, 2004, с. 26].

С социолингвистической точки зрения типичная диалектная ЯЛ может быть охарактеризована как житель села, (в исследованиях конкретных ЯЛ, как правило, исследуются женщины), человек пожилого возраста, чаще всего – малообразованный, занимающийся или занимавшийся в прошлом земледельческим трудом, владеющий одной из форм национального языка – диалектом. Старожилы, представители архаического типа говора в современных условиях могут считаться маргинальными ЯЛ [Иванцова, 2010, с. 93].

Изучение диалектной ЯЛ как одного из типов рядовых говорящих с опорой на речь индивида имеет достаточно долгую традицию [Тимофеев, 1971 ; Лютикова, 1999 ; Иванцова, 1996, 1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2006а, 2008, 2011а, 2013, 2014 ; Гынгазова, 1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007а, 2007б, 2009а, 2009б, 2009в, 2013 ; Оглезнева, 2004, 2014 ; Косицына, 2008 ; Малышева, 1998, 2008 ; Asahi, 2009 ; Прокофьева, 2012 ; Харламова, 2013а, 2013б 2014 и др.]. С лингвоперсонологической точки зрения изучались также носители традиционной культуры – исполнители фольклорных текстов [Караваева, 1997], носители старообрядческой культуры [Маркелов, 2000 и др.].

Ключевые особенности мировоззрения диалектоносителей реконструируются на основе изучения коллективной речи в ряде исследовательских работ [Пауфошима, 1989 ; Никитина, 1993 ; Гольдин, 1997, 2001, 2007, 2010 и др.]. Такими особенностями в традиционном крестьянском сообществе являются:

- более сильная включённость индивида в общество [Пауфошима, 1989, с. 44–45 ; Никитина,1993, с. 11 ; Гольдин, 2002] и связанная с ней опора на традицию [Никитина, 1993, с. 10]. Для диалектоносителя «…залогом успеха считается не столько поиск нового, сколько сохранение уже выработанного, найденного предшествующими поколениями» [Гольдин, Крючкова, 2010, с];

- более слабое влияние школы и СМИ на представителей старшего поколения [Пауфошима, 1989, с. 46 ; Иванцова, 2010, с. 83];

- сохранение некоторых архаических представлений об устройстве мира [Пауфошима, 1989, с. 46 ; Демешкина, 2003, с. 112 и др.];

- особый тип религиозности, называемый «народный православием»: сочетание христианской традиции с языческими представлениями [Никитина, 1993, с. 45 ; Калиткина, 2010, с. 23–26];

- преобладание процедурного знания («о том, как») над декларативным «(о том, что») [Гольдин, 2007]; частным проявлением этой закономерности является, видимо и преимущественно чувственное, а не умозрительное постижение действительности [Иванцова, 2002, с. 297 ; Демешкина, 2003, с. 116];

- приоритет этических норм над эстетическими [Иванцова, 2002, с. 297].

К собственно речевым особенностям диалектной ЯЛ относятся:

- преимущественно устный характер коммуникации и текстов [Никитина, 1993, с. 6–7 ; Гольдин, Крючкова, 2010];

- характерный набор ролей коммуникантов: как правило, общение на диалекте представляет собой коммуникацию хорошо знакомых людей или родственников [Гольдин, 1997];

- характерный набор тем диалектной коммуникации: дом, семья, быт, односельчане и т.п. [Гольдин, 1997 ; Косицына, 2013 и др.];

- принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения [Гольдин, 2001];

- включение в речь фольклорных текстов, которые, в отличие от прецедентных текстов элитарной культуры, не имеют конкретного автора; свободное «перетекание» фольклорной речи в диалектную и обратно [Никитина, 1993 и др.];

- использование разнообразных средств экспрессивности [Блинова, 1975 ; Лукьянова, 1986 и др.];

- преобладание конкретной лексики над абстрактной [Иванцова, 2002 и др.];

- широкая распространённость синонимии, формального варьирования [Гольдин, Крючкова, 2010 ; Богословская, 2006 и др.].

Наряду с типическими, диалектная языковая личность В.П. Вершининой имеет и ряд индивидуальных, уникальных черт[10]. Их выявление при характеристике осуществляется на основе сопоставления с имеющимися данными о других диалектных и элитарных ЯЛ и на непосредственных контактах с диалектоносителем. Е.В. Иванцова, Л.Г. Гынгазова относят к индивидуальным особенностям В.П. преобладание позитивной оценки, что свидетельствует о преобладании позитивного начала в её мировоззрении [Гынгазова, Иванцова, 2012, 2013]. Это сочетается со скромностью, а во многих случаях – негативной самооценкой, что проявляется в создании утрированного образа себя как старой, неряшливой, ленивой женщины (последние две характеристики, по свидетельствам лично знавших её диалектологов, несомненно, не соответствуют действительности) [Волкова, 2004, с. 111], негативной оценке собственной речи [Иванцова, 2002].

В. П. Вершининой свойственны такие индивидуально-психологические черты, проявляющиеся в её речи, как общительность, заинтересованность в

---

[10]Биографию В.П. см. во «Введении» к «Полному словарю диалектной языковой личности» [т. 1, с.]

собеседнике; доброжелательность, стремление к неконфликтному общению [Казакова, 2005 ; Ташак, 2010 ; Маслова, 2014]; некатегоричность (что проявляется в частом использовании вводных слов, маркирующих неуверенность, наличии экспрессивов с коннотацией смягчительности, например, *пьяненький*) [Иванцова, 2002].

О высоком уровне речевой культуры ЯЛ свидетельствуют установка на достоверность речи (проявляющаяся в частом включении в повествование элементов чужой речи, детализации повествования); умение варьировать текст и выбирать речевые средства в зависимости от адресата; отсутствие заполнителей пауз, крайне редкое употребление бранных слов [Иванцова, 2002, 2003, 2011а, 2013 и др.].

Человек в идиолекте носителя традиционной культуры характеризуется прежде всего в социальном и физическом аспектах, в меньше степени – в эмоциональном [Иванцова, 2002, с. 173]. Ключевыми концептами для диалектной ЯЛ выступают также «труд», «семья», «земля», «картошка», «бог» и др. [Гынгазова, 2002, 2004, 2005, 2007а, 2009в и др.] Базовые ценности диалектной ЯЛ – трудолюбие, следование нормам социума, скромность, необходимость поддержания родственных связей – находят отражение в паремиях (*что в миру, то и нам; дом не велик, а стоять не велит; я да я − бе'ла свинья; худо', да своё* и др.) [Иванцова, 2002, с. 209–212].

К особенностям метаязыкового сознания ЯЛ В.П. Вершининой относятся затруднённое осознание мотивационных связей слов, частое употребление пословиц в буквальном смысле [Иванцова, 2002]. К особенностям мышления исследуемой диалектной ЯЛ относятся конкретность, в ряде случаев синкретичность (целостное, нерасчленённое «схватывание» мира, единство живого и неживого в нём); религиозность, привитая в детстве, как основа миропонимания; специфическая «телесность» мировосприятия, основанная на осознании физических особенностей человека как основы мира [Гынгазова, 2007а, 2010, 2013 и др.].

Несмотря на то, что учёные неоднократно обращались к описанию словарного запаса конкретных представителей русских народных говоров, макрополе «Восприятие» в их лексиконе не анализировалось, в связи с чем сопоставительный анализ перцептивной лексики В.П. Вершининой на данном этапе исследования невозможен. Перспективы такого аспекта исследования осложняются достаточно существенными различиями в характере и объеме имеющегося материала. Ещё менее возможно корректное сопоставление рассматриваемого поля в лексиконе сибирской крестьянки с выводами, базирующими на данных, полученных при анализе идиолектов художников слова.

В связи с обозначенными обстоятельствами сопоставление перцептивной лексики В.П. Вершининой с соответствующими лексическими полями других ЯЛ не производилось.

Выводы

1. В лингвосенсорике, как и в лингвоперсонологии, остаётся много «белых пятен», хотя эти области языкознания интенсивно исследуются. В ряде случаев необходим новый материал, позволяющий уточнить имеющиеся выводы. Основными тенденциями изучения перцептивной лексики можно считать расширение круга источников материала, появление новых методов и подходов. Здесь развитие лингвосенсорики соответствует общему направлению развития лингвистики: от системно-структурного – к функциональному и когнитивному подходу (антропоцентрическому в широком смысле). Важнейшей задачей лингвоперсонологии на современном этапе является описание конкретных ЯЛ разных типов, так как только наличие большого числа подобных исследований позволит эффективно выявлять индивидуальные речевые особенности. Изучение ЯЛ диалектоносителя важно и как изучение ЯЛ представителя определённого социального, культурного типа, стремительно уходящего в прошлое, и как рядового носителя языка, каких описано пока достаточно мало (в связи с преимущественным вниманием к элитарной ЯЛ).

2. Несмотря на большое число исследований, касающихся линвоперсонологической проблематики и изучения перцептивной лексики, каждая новая работа требует уникальной методологии, соответствующей изучаемому материалу. Данное исследование посвящено изучению перцептивной лексики в идиолекте носительницы народно-речевой культуры и опирается на следующие принципы: отбор материала на основе семантических критериев, исключение единиц неперцептивной семантики; комплексное описание всех модальностей восприятия и всех представленных в идиолексиконе единиц (как собственно диалектных, так и общерусских); разграничение ядра и периферии поля «Восприятия» на основе частотности лексем; сочетание описательного и объяснительного подходов. Для реконструкции ЯЛ необходим не только анализ речи, но и привлечение экстралингвистической информации, опора на интуицию и интерпретацию наряду с логикой и количественными данными.

3. При реконструкции перцептивной картины мира диалектоносителя наиболее оптимальной представляется опора на метод семантического поля как имеющий, в отличие от концептологических работ, более разработанные процедуры анализа лексического материала, среди которых отбор единиц с опорой на семантический критерий, структурирование поля, выявление степени наполненности полей разного уровня, анализ компонентов лексического значения. Вместе с тем когнитивно ориентированный вариант данного метода вбирает в себя некоторые принципы исследования концептов – в частности, трудно вербализуемые приёмы интерпретации языкового материала, базирующиеся на установлении связей между очевидными фактами языка и широким кругом фоновых знаний, которые позволяют исследователю перейти к реконструкции картины мира.

Экспериментальные методики считаем нерелевантными для изучения диалектной речи[11]. Специальные статистические методики также не применялись,

[11] В обзоре О.А. Александрова представлено направление немецкой диалектологии, названное «диалектологией восприятия», основная его идея – составление диалектологических карт с

хотя при описании структуры поля «Восприятие» учитывалась частотность входящих в него единиц и их количество.

4. Каждое микрополе описывается по следующему плану: 1) степень изученность обозначений в научной литературе; 2) количественные характеристики; 3) характеристика частеречной принадлежности используемых единиц; 4) наличие образных единиц; 5) ядерные лексемы и их частотность; 6) классификация наименований, связанных с данным типом восприятия (обычно на основе семантики; исключение составляют обозначения звука и температурных ощущений, где деление частично производится по их источнику); 7) анализ сочетаемости обозначений (типы арактеризуемых субъектов и объектов); 8) выявление дополнительных компонентов семантики – оценочных, культурных, образных и др.; 9) анализ использования перцептивов в фольклорных текстах и оценочных высказываниях; 10) выводы об особенностях перцептивной картины мира ЯЛ.

опорой на представления самих диалектоносителей о распространённости слова [Александров, 2013].

ГЛАВА 2 НОМИНАЦИИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

О значимости семантического поля чувственного восприятия в идиолекте свидетельствует, в частности, тот факт, что перцептивные лексемы *большой, маленький, посмотреть, видеть, видать, чёрный* входят в число наиболее частотных в речи личности [Иванцова, «Частотный словарь диалектной языковой личности», рукопись, с. 1–4], составляя основу её словаря[12]. Этот тезис подтверждается и обширностью макрополя «Восприятие»: в идиолекте изучаемой ЯЛ выявлено более 1000 перцептивных единиц. Исследуемое макрополе делится на 5 полей: зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое, обонятельное восприятие. Значимость того или иного вида восприятия в языке выражается большим количеством единиц для него.

Как отмечают учёные, максимум информации человек получает с помощью зрения, второй по значению способностью является слух, в связи с чем в большинстве языков основную часть вербального пространства макрополя «восприятие» покрывает зрительная и звуковая лексика [Жаркова, 2005, с. 9].

Обозначения зрительного восприятия образуют самое обширное из перцептивных полей в идиолекте В.П. Вершининой (545 единиц, см. приложение Б). В макрополе «Зрительное восприятие» выделяются следующие семантические поля: способность к восприятию, процесс восприятия, цвет, свет, размер, форма. Общее обозначение воспринимаемого свойства – *вид* (5)[13] относится к периферии поля. В его значение входит оценочный компонент ‘привлекательный’: *Он: «Вале надо держаться за такого мужука'! У ей-то виду нету. <…> А он-то видный мужик»; А оно [мясо] све'же, виду-то никакого у его нет.*

Центральное положение среди номинаций зрительной модальности занимают обозначения процесса зрительного восприятия.

---

[12] Наряду с ними в ядро лексикона включаются обозначения мыслительной деятельности – *знать, думать, помнить,* глаголы речи – *говорить, сказать*, *звать,* оценочные лексемы – *хороший* и др.

[13] Здесь и далее в скобках указано число употреблений лексемы; как правило, данные отличаются от представленных в ПСДЯЛ.

2.1 Обозначения способности к зрительному восприятию и процесса зрительного восприятия

Данные обозначения на материале русского и других языков изучались в работах [Gruber, 1967 ; Примова, 1984 ; Кустова, 1999 ; Семёнова, 2002 ; Моисеева, 2005 ; Падучева, 2006 ; Колесов, 2009 ; Авдевнина, 2013 и др.]. Предметом исследования были также номинации процесса зрительного восприятия в говорах и просторечии [Ерофеева, Скитова, 1992 ; Демешкина, 2000 ; Лещинская, 2008 ; Лагута, 2009 и др.], в идиолектах писателей [Овчинникова, 2009 ; Двизова, 2012 и др.] и рядового носителя языка [Малышева, 1999].

2.1.1 Обозначения способности к зрительному восприятию

Данное микрополе в идиолекте В.П. Вершининой компактно, включает 12 единиц, зафиксированных в 100 контекстах. Ядерным является ЛСВ *видеть* (60) в значении ‘иметь зрение’[14]. Почти всегда (88% употреблений) констатируется ослабление зрительной способности, для этой цели диалектоноситель использует формы с отрицанием, наречия *плохо, худо, ничё, ниско'ль, нисколько, совсем*: *Вязать-то не вижу. Прямо плохо стала видеть; Ху'до*[15] *вижу. Всё, пошло насмарку; Татьяна Лексе'вна не видит нисколько. [Катаракта?] Катаракта, ага. Операцию – Георгий тоже не видел…* Диалектной особенностью является употребление глагола *глядеть* в этом значении: *Уж и глаза не глядят, и руки не движутся, тянет руки все…; А у него золотуха бросилась в глаза. Всё заплы'ло, всё дочиста'. И там сколько они были, это глаза не глядели у него?*

Частотным является также обозначение *слепой* (10): *Мы тапе'рь слепы' да глухи' да хромы' да.* Употребляется и однокоренное наречие: *Я хотела это, сшить ей [накидки на кресла], а потом думаю: ешо ни'мо прошью – кого тут, чё тут, сослепу*. Полную потерю способности видеть ЯЛ обозначает глаголом *ослепнуть* (4): *Он щас ослеп, совсем не видит ниско'ль***.** То же значение имеет

[14] Значения приводятся с опорой на ПСДЯЛ.

[15] Здесь и далее сплошной линией подчёркнуты обозначения восприятия, пунктиром – сочетающиеся с ними оценочные обозначения, обозначения субъекта и объекта восприятия.

глагол *скрыться* в безличной форме: *И скрылось совсем, совсем не стал [видеть]. И теперь нисколько не видит.* Значение ‘иметь слабое зрение’ передаётся также глаголом *недовидеть* (2): *Ну она [девушка] тоже... недов**и**дит*[16]*, недосл**ы**шит, ну и так кака'-то как недора'звита.* В одном случае зафиксировано название ослабленной способности видеть с помощью существительного: *А чё, он раньше очки носил? Всегда? А чё, у его близорукость как, ли чё ли?*

Отвлечённое именование способности *зрение/зренье* (6) относится к периферии поля: *Он… у его зрение-то всё сто процентов было.* Диалектная ЯЛ также использует номинацию органа зрения для обозначения способности: *А глаз один тоже не видит. У его гыт плохой глаз-то; И раньше эти, брючи'шки, всё сошью сама. А топе'рь-то чё? Ни глаз… и недослы'шу, не слышу.*

Очень редко отмечается способность видеть или хорошее зрение: *А она [односельчанка] и видит хорошо, и слышит хорошо.* Прилагательные со значением ‘имеющий хорошее зрение’ отмечены лишь в единичных высказываниях: *У Гути вон зоркий глаз, кого «тёть Вера» [увидит]; От этот Лексе'й сидел у меня <…> да глаза-то как у я'стрепа прям, я'сны таки', да взра'чны да…; [Взра'чные глаза – какие?] Ну, далёко видит. Хоро'ши; Тёмно-то как. Вострогла'за, так хорошо, я дак ни черта' бы не видала.* Способность хорошо видеть информант оценивает положительно.

В текстах диалектной ЯЛ способность видеть приписывается почти исключительно человеку (около трети примеров при этом относится к самому говорящему). В редких случаях отмечается отсутствие зрительной способности у животных: *Четыре, однако, родилось… котёночки… А один слепой.*

Важность нормального функционирования зрительных способностей человека для ЯЛ проявляется в разветвлённости микрополя, называющего его, в сочетаемости перцептивов с оценочными словами. Тот факт, что чаще обозначается ситуация ухудшения/потери зрения, можно объяснить как особенностями языковой категоризации мира (норма – хорошее зрение –

[16] Полужирным шрифтом отмечено эмфатическое ударение.

номинируется очень редко), так и актуальностью данной ситуации для информанта в связи с его возрастом.

2.1.2 Обозначения процесса восприятия

Как правило, процесс зрительного восприятия номинируется глагольными лексемами. Гораздо реже, чем глаголы, диалектная ЯЛ использует для обозначения процесса зрительного восприятия слова категории состояния (*видно, заметно*). Имя существительное (*показ*), прилагательное (*видный*), фразеологизм (*на виду*) и сравнение (*как на блюде*) представлены единичными примерами. Всего проанализировано 60 перцептивов со значением ‘процесс восприятия’, более 1200 контекстов.

Наиболее частотные единицы, образующие ядро соответствующего микрополя в идиолекте личности, – *глядеть* (286), *видеть* (210), *посмотреть* (133), *видать* ‘воспринимать зрением’ (100), *видать* ‘видно’ (78), *смотреть* (73). Лексемы *увидать* (52) и *увидеть* (40), составляющие видовые пары соответствующих глаголов, менее частотны. Можно отметить, что в речи диалектной ЯЛ глаголы целенаправленного зрительного восприятия (*смотреть, посмотреть, глядеть* с общим значением ‘устремлять, направлять взгляд куда, на кого-, что-либо’), употребляются немного чаще, чем нецеленаправленного (*видеть, видать, увидеть, увидать* с общим значением ‘воспринимать зрением’): 53% и 47% соответственно.

Отмечены синонимы *смотреть – глядеть*; *посмотреть – взглянуть*; пару глаголов *видеть–видать* также рассматриваем как синонимическую. Данные лексемы отличаются друг от друга, во-первых, в грамматическом плане: для глагола *видать* возможно безличное употребление; во-вторых, по субъектной организации: глагол *видать* диалектоноситель чаще употребляет по отношению к себе, *видеть* – по отношению к собеседнику (см. рис.1).

Рис. 1. Типы субъектов для базовых глаголов восприятия.

Ядерные глаголы восприятия многозначны. Можно отметить, что чаще всего эти глаголы используются в исходном значении восприятия, в других значениях употребляются намного реже. Так, для лексем *глядеть, видеть, видать* на долю значений ‘воспринимать зрением’ приходится соответственно 90%, 75% и 63% примеров.

К околоядерной и периферийной зонам ЛСГ глаголов зрительного восприятия относятся многие другие лексические единицы. Часть из них сохраняет словообразовательную связь с базовыми номинациями зрительного восприятия. Выделяется группа глаголов со значением результативности: *Ну, и так кто-нибудь: «О-ой, змея» – кто-нибудь увидит; Была тут и увидала [шинковку], на глаза попала, она и её взяла, увезла; И оттэ'дова милиция ехали. Ить надо же, узри'ла, и всё прямо! И – раз, и присела [спрятавшись]; Штук десять я посадила, пятнадцать ли – дык уж все угляде'ли! «Ты уж помидоры посадила, ты уж помидоры посадила!»; А я свет-то зажгла, а в подполье туды'-то видать, он вы'глядел [там вино]; А, думаю, поведу её [односельчанку] в погреб, она будет тут высмотрит – а воруют, они воруют, ши'бко!* Такие глаголы могут приобретать негативный оттенок значения благодаря семе *‘увидеть <то, что не нужно>’*.

Также можно выделить группу глаголов с общим значением ‘рассматривать, смотреть внимательно’: *Вот люди вяжут, не смотрят, а вяжут, а мне надо всё разглядывать; Ну-ка ташшы суды', разгляжу путём [салатницу]; А я говорю: дак… туды' пригляделась, тоже не вижу путём-то, поглядела, да говорю: «Там два рубля, Аксинья!»; Ой, одна баба идёт, да загляделась. <…> «Ваши, на ваши свето'чки загляделась».*

Другие лексемы уточняют значение базовых глаголов в аспектах длительности (*поглядеть, посмотреть*), многократности (*видывать, навидать*), однократности (*глянуть*), повторяемости действия (*поглядывать, посматривать*): *А он [ребёнок] всё равно, гыт, поглядит-поглядит да пла'цет; Ну, больши' были [змеи], кото'ры таки' [показывает размер] были, я видывала, чёрны, таки'…; Спала сёдня не так много, а во сне навидала – ой, батюшки мои!; Людьмила Гево'ргиевна, гляньте, кипит ли нет там; На цясы' только посма'триват, всё по цяса'м делал.*

К периферии относится также ряд малоупотребительных глаголов (*заметить, наблюдать, искать, обследовать*), обозначающих зрительное восприятие и связанных синонимическими отношениями с наиболее частотными глаголами: *А от тут-то свето'к, ты видела, заметила? Астрочка; А ето, как её, с райсобеса женшына приезжала <…>Ну, а вот она приехала, обследовала тут, посмотрела <…> А ей охота посмотреть всё, она зашла: «Сколько у вас квадратов комната будет?», – она проверя'т, как вроде; А куды' поставила [кастрюлю с киселём], не знаю. Там посмотрю… – ну, путём не искала. <…> Посмотрела, там на столе нет ничё, – надо будет поискать.*

К обозначениям процесса зрительного восприятия вслед за Е.В. Падучевой можно отнести и лексемы со значением ‘дать увидеть, представить для разглядывания, рассматривания’: *Счас я покажу тебе, како' лекарство; А Рая мне подарила, я те покажу чё; А вот это посмотри'те, покажи им сено, Коля; Ну от… показывала обновы – это ешо Вася купил мне, чашечки-то; А я на показ, Катерине Петровне [посылаю] помидорки. Они покраснеют пусь; Соседка*

говорит: «Ты на что на окошко его пялишь? Цветок. Ты эту красоту для себя поставь, а не для людей».

Группа глаголов с общим значением ‘становиться видимым’ также выделяется на периферии поля: *На работу идёшь до' свету, другой раз идёшь на Ела'ни, а солнце ешо только выгля'дыват; Гляжу: у Георгия свет появился; А потом мало погодя машина за ворота'ми показалась. И я посмотрю – всё машина стоит…* Противоположное значение ‘стать невидимым, незаметным’ отмечено только у одной лексемы: *Солнце вы'яснит – прям теплота. А так скроется – холодно.*

В идиолекте выделяется также группа глаголов, обозначающих нереальное восприятие. Сюда относятся, во-первых, употребления глагола *видеть,* в которых речь идёт о сновидениях[17]. В таких случаях объектом восприятия выступает чаще всего человек: *И во сне вижу Мишеньку своёго, сыно'чка-то; Сёдня во сне видела Николай Васильича.* Во-вторых, встретились и некоторые другие глаголы со значением ирреального восприятия (*маячить, помаячить, показаться*; их анализ представлен ниже).

Рассмотрим сочетаемость номинаций процесса зрительного восприятия. В идиолекте информанта субъект восприятия в большинстве случаев – конкретный человек. Это связано с тем, что именно человек находится в центре внимания ЯЛ [Иванцова, 2002, с. 173]. Можно выделить следующие типы субъектов зрительного восприятия: говорящий, собеседник, третье лицо или группа лиц, обобщённый субъект. Особыми случаями являются безличные предложения.

В 46% случаев субъект совпадает с говорящим: *А он [кот] на стол заскочил и, гляжу, на кровать; А я в окошко смотрела: Георгий чё-то хрома'т идёт; Я встану, посмотрю – всё свет гори-ит вовсю везде, во всем дому; А у Поли я прошлого'д видала, у ей вот таки' – ну усыпаны помидорами были, вот таки'…*

---

[17] Глаголы *сниться* (6), *присниться* (4) диалектная ЯЛ использует реже, чем словосочетание *видеть/увидеть во сне* (31). Можно сделать вывод, что обозначение реального и ирреального восприятия при помощи одной и той же лексемы является более типичным для говорящего, чем использование специализированного обозначения нереального восприятия.

[кусты]; Я видела, машина тут была. Таким образом, можно говорить об эгоцентричности, которая, по мнению Э.А. Столяровой [Столярова, 2000, с. 433], является одним из определяющих свойств разговорной речи. В то же время степень эгоцентричности неодинакова у разных глаголов. Наибольший процент высказываний с «я»-субъектом (74%) характерен для глагола *глядеть*, минимальный – для глагола *видеть* (25%). (см. рис. 1. на с. 46).

В 20% примеров субъектом зрительного восприятия является собеседник. Можно выделить 4 типа таких высказываний в соответствии с их целью. Часто носительница диалекта использует вопросы. При общении с собирателями из города вопросительные предложения помогают говорящему удостовериться, что собеседник владеет нужной информацией или знаком с какой-либо реалией: *Она на кры'лосте пела, – кода' в церькви-то поют там, пе'вчи-то – ты не видала?; Сеянка от лук, видела? Ну, его посеять, он такой от родится.* Наряду с глаголом *видеть*, часто для этого используются глагол *видывать*: *Ни покрывала… – церько'вны покрывала, видывала, каки', таки' всё?; Ты видывала, како' ленно' семя? [Белое?] Нет, оно кори'чнево; Как прокосок ко'сют, когда видывала?; Вот коня когда взнуздывают, вот эти удила', вот так от они делаются, − видывали?* В данных случаях глагол зрительного восприятия включает ментальный компонент, *видывать* предполагает не просто многократное зрительное восприятие, но вместе с тем и определённые знания. В ряде контекстов сочетаются глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности: *Двухлитро'вы кринки: тут широ'кенько, а тут у'же – знашь, каки'? Не видывала?; А потом, гыт, это, серьпы появились, это жали – знашь, какой серьп-то, видывала?* В то же время можно отметить также сочетаемость глагола зрения с обозначениями размера (*широ'кенько*), цвета (*кори'чнево*), что указывает на наличие перцептивного компонента у глагола. В таких высказываниях речь идёт, как правило, либо о реалиях крестьянского быта, либо об объектах религиозной сферы. Именно эти предметы, с точки зрения диалектоносителя, могут быть неизвестны молодым собеседникам из города.

С помощью вопросов, обращённых к односельчанам, В.П. чаще всего стремится получить необходимые сведения: *Анька-то ругa'тся, что, гыт, ху'до изде'лали. Ши'бко ху'до, там не видала? У тебя рядом, может, видать*.

Также часто говорящий использует глаголы восприятия, чтобы привлечь внимание собеседника: *Гляди кака'... чистота-то у меня; Гли, сколь дров; А от она у ворот, рябинка-то, смотри! Сидит.* Эта же функция характерна и для глагола *видеть* в формах 2-го л. ед. и мн. ч., если сохраняется связь с непосредственным восприятием: *Видите, я светы' но'нче насадила. Да они ничё не растут; Кастрюля вишь кака' гря'зна.*

Третий тип высказываний, в которых собеседник выступает как субъект, – это просьбы: *Пойдём к Гуте? Ну-к, посмотри в окошко! Нет там [около ее дома] машины?* Наконец, четвёртый тип – высказывания, констатирующие наличие определённого перцептивного опыта у собеседника, о котором говорящий может судить с большей или меньшей степенью уверенности: *Больши-и растут, хоро'ши таки', краси'вы разрастутся [цветы]. Катя, ты видела весной-то; Да скатерть у меня по-филейному была, краси-ива, хоро'ша, бордо'ва, с зелёным – поди, видывала*?

В 21% высказываний субъектом является лицо, не участвующее в разговоре: *А поедет он [на тракторе], – сам-то ростиком-то небольшой, поедет, а я думаю: посмотрел бы дед на тебя!* Многие высказывания, в которых субъектом является третье лицо, включают цитирование чужой речи или косвенную речь: *А... она гыт: «Я вижу огонь, – Анька-то, гыт, – хотела затти', а собака-то там така'».* В таких примерах формально глагол стоит в форме 1-го лица, но по смыслу относится не к говорящему, а к другим людям. В отдельных случаях субъект зрительного восприятия представляет собой группу лиц: *Чё он, стрелял, народ все видели и всё.* Редко субъект является обобщённым: *Ну, у их потерялась но'нче тёлка <...> Ну, нигде не нашли, не видали, ничё, никаких костей, никого.*

Незначительная часть примеров (около 13%) приходится на употребление слов категории состояния и глаголов в безличном значении: *И о'строва не видать,*

*бе'ло белелось; У нас не видать в окно-то, гыт. Как снегом забило, так и, гыт, всё; А тут – разломила [пирог], и не знаю, с чем, не видать; Дверь-то открыла – ничё не видать. Ну ничё не видно, ни окошек, ничё не видно [из-за дыма]; И он, гыт, выбежал. И чё-то как вроде нагружённый, она говорит – ночью, а всё равно видать; Я так побелила бы, сама бы. И то – заметно даже, докэдова я белила, он**и** стали белить.*

Значение ‘быть видным, заметным’ передаётся также другими средствами, в том числе образными: *Да, да, пойди – и всё как на блюде [стоит дом]. И с той стороны, и с берегу там хо'дют. И отцэ'дова идут, и всё ви'дют [воры]; А хлеб бы тут был [на столе], дак они взяли бы – а то хлеба на виду не было; Поставила их [помидоры] на это… на ви'дно место. [Во дворе?] Нет, там [в погребе] из-под лестницы выташшыла.*

Редки (менее 1%) контексты, где субъектом восприятия является домашнее животное: *Васю [кота] посадила туды'. А он не глядит – а за мной, а на мыша'-то не глядит; Ну они [овечки], наверно, увидали зелень там…*

Употребление обозначения неживого предмета в позиции субъекта зрения отмечено в шутливом контексте, заданном собеседником: *[А счётчик под зеркалом смотрится и смотрится.] Да нет, он с этой стороны, наверно, не смотрится [шутливо].*

Субъект восприятия может быть выражен именем собственным (*Поля, Анька, Володя, Таня, Катя, Рожкова, Юричева, Васька...*) или местоимением (*я, ты, она; все, никто, кто, хто'-то*), в редких случаях – именем нарицательным, обозначающим конкретного человека или совокупность людей (*дед, тя'тя; народ*). В использовании таких средств номинации отражается конкретность мышления информанта.

Для глаголов зрительного восприятия в прямом значении типична сочетаемость с номинациями наблюдаемых действий: *А не обливались, ничё они? не видала ты?*; *Гляжу – он корыто выташшыл, на мотоцикл и попёр!*; *Ну я видала, что она от их-то вышла*. Характерной особенностью использования глагола *глядеть* в идиолекте является его частое употребление в форме

настоящего времени для обозначения прошлых событий (как правило, произошедших недавно). Таким образом создаётся «эффект присутствия», события разворачиваются как происходящие на глазах у слушающего: *Таскаю, а потом гляжу, Витька-то этот идёт; Гляжу, она заходит, а я в одни'м платье; Гляжу – она бежит; Я гляжу – с ведром идёт, она банку поставила трёхлитрову молока, принесла мне; А она – гляжу, она привозит мне коньяк; Гляжу – мужичонка попёр барана, вон туды', после-то.* Нередко в подобных примерах используется прямая речь: *А потом гляжу, Татьяна заявля'тся, Петлина-то. «Здраствуй, тётя Вера»; Гляжу, он назавтра утром прибега'т: «Выручай давай!»* Примеры такого рода можно интерпретировать как одно из проявлений принципа совмещения ситуации-темы и ситуации текущего общения, характерного для диалектной речи [Гольдин, 1997]. Глагол *глядеть* часто сочетается с глаголами движения и перемещения в пространстве (*идёт, заходит, бежит, приходит, приносила*, *привозит*, *попёр* и др.).

В то же время в ряде примеров не просто констатируется какой-либо зрительно воспринимаемый факт, но и представлена реакция говорящего на него: *А потом гляжу – ба-атюшки мои! они [огурцы] все приломаны.* Во многих высказываниях с глаголом *глядеть* имплицирована негативная оценка, в результате чего глагол восприятия приобретает коннотации недовольства, неодобрения, реже – осуждения: *А я чё-то пошла, гляжу: шынпу'нь там валя'тся, всё валя'тся; Одна вот тарелочка попала [моя] – и ту де-то ибломи'ли. Гляжу – уж обби'та; Взяли бы спросили, можно, нет ли делать. Я гляжу, они уж тут горо'дят; А он пирог – гляжу, в карман кладёт. Собаке, Катя!* Таким образом, за описанием видимой, физически воспринимаемой ситуации зачастую стоит указание на нарушение нормы поведения в социуме. Диалектоноситель осуждает беспорядок, неаккуратное обращение с чужими вещами, распоряжение чужим имуществом как своим. В последнем примере неодобрение вызвано тем, что качественная пища, приготовленная для человека, используется как корм для животного. Оценка во всех приведённых примерах эмоциональная, осуществляется с позиций прагматики, но на периферии есть и этический

компонент. Редко в подобных случаях используется глагол *смотреть*: *Я в окошко смотрю: она… бежит.*

Объектом зрительного восприятия, наряду с действиями человека, также может быть его внешний вид: *А я еду, а Таня смотрит на Сергея – а он чернобровый такой, да румяный сидит, да глаза-то прямо как искры горят чёрны – ну, красивенькый; А вчара' Димка-то, я посмотрела – он тоненькый.* Как правило, в подобных примерах глаголы восприятия сочетаются с обозначениями зрительно воспринимаемых свойств: цвета, размера. В некоторых высказываниях описывается восприятие говорящего другими людьми: *Ста'ра ли чё ли ей [девочке] показалась, ши'бко уж смотрела, так смо-отрит, смотрит на меня…* Практически всегда зрительное восприятие направлено на конкретного человека, редко объектом зрительного восприятия выступает обобщённая группа лиц: *А нос исчесался − чё к чему? Говорят, выпить да на пьяного смотреть.*

Часто объектом зрительного восприятия являются натурфакты. Это практически всегда культурные растения и домашние животные, птицы: *…на картошки посмотрела бы, чё он там набедокурил [при окучивании]; Дак огурцы вот насадила густо – ты не видала, не смотрела?; А он, гыт, тебя зовёт, гыт, картошки смотреть. Я: «Ну чё смотреть? Коля смотрел ходил, – полоть надо»; А сёдня пошла − там от таки' прямо кабачки лежат. <…> Ну, я их смотрю − недавно рассвели' − уже большу'чи лежат; А у Поли я прошлого'д видала, у ей вот таки' – ну усыпаны помидорами были, вот таки'… [кусты]; Не видал свиней-то у ней?; «Дак они [остриженные овцы] голёхоньки, гыт». А я-то… Я таких овечек не видала ешо; Я посмотрела: вот таки' поросята [большие], вот таки' – ой, хоро'ши!* Редко упоминаются при глаголах восприятия объекты дикой природы: *А кто мне вчара' говорил: «Я, гыт, шёл и кукушку видел. И ла'сточков видел».* Также редко объектом зрительного восприятия выступает неживая природа: *А Де'на ушёл на' берег, на' реку смотреть.*

Объектом зрительного восприятия могут быть также артефакты (одежда, обувь, украшения, посуда, другие предметы быта, постройки): *А чё-то вобшэ-то я де-то видела перчатки; Сапоги-то ты видел, купила каки'?; А это сто рублей,*

однако, у Крошко'-то, ты видела, како' кольцо?; А ты кастрюлю не видала больше? Не бегала? [шутливо]; А у меня скатерть была краси'ва така', ну ты поди видала, зелёна, вышита-то, настелена; Я говорю: «Вот, вот моя баня где, посмотри'те». Объектом зрительного восприятия в отдельных случаях являются продукты питания: *Берите масло- то! Чё, глядеть… смотреть на его? Берите.*

Абстрактные существительные, номинирующие объект при глаголе зрительного восприятия, единичны: *[Чё-то тихо идёт [племянник В.П.]. Наверно, градусы смотрел; Стану, посмотрю время – то четыре часа, три часа… и всё до утра не усну*. В подобных контекстах значение глагола включает одновременно два компонента: и реальное зрительное восприятие, и вывод на основе полученной информации.

Коннотативные компоненты значения глаголов восприятия

Глаголы зрительного восприятия обычно безоценочны. Несколько нетипичны в этом плане глагол *любоваться* и однокоренные ему, имеющие эмоционально-оценочную сему ‘смотреть с восхищением’: *И сам сидит любуется. Чистенько там в саду было; А там краси'веньки пироги – залюбу'ется*. Данные лексемы относятся к периферии обозначений процесса восприятия. В ряде случаев глаголы этой группы употребляются иронически, положительная коннотация меняется на противоположную: *Щас ходила любовалась: сук там большой черёмухи, большой ши'бко, однако отре'зать, заполонили все окошки; [Заболел родственник.] Она гыт: «Я не помню, кода' он ел». Вчара' мне говорила. Ну худой. Худой! Куды' чё девалось? Прям такой, нос… <…> Ступай, посмотри какой, полюбуйся на его.*

Глаголы *наблюдать, проверять*, соотносящиеся, скорее, с официальной сферой употребления, чем с повседневным общением, становятся средством самоиронии: *Всё наблюда'м! [шутливо] Я Кате да'йче говорю: «Ну-ка св… это, нет ли у ей дыму там?» Она посмотрела – «нету», говорит; То ли'фтик это, надетый, а пуп голый, – в газетах-то, всё проверяю да… смотрю, говорю:*

«Господи, господи! Это чё тако'-то? Это… фотографируются они специально ли чё ли? Страшно».

Кроме того, как уже упоминалось, зачастую экспрессивны контексты, включающие глаголы зрительного восприятия: *Гляжу, она опе'ть прилетела ко мне. Опе'ть триста тысяч ей надо; Вот они уехали, гляжу – заявляются обо'е. Все как черти в грязе'…* (отрицательные коннотации выявляются из содержания высказывания, поддерживаются словами с высокой степенью экспрессивности, в том числе метафорой, сравнением). В подобных примерах можно говорить о «наведённых», контекстуальных отрицательных коннотациях глагола.

Глаголы зрительного восприятия могут сочетаться с обозначениями чувств, эмоций или эмоциональной оценки: *Были карточки – хорошенькый он [умерший племянник] маленькый был тоже! <…> С удово-ольством Аня-то, посмотрела…; Я говорю: то ли он [наркоман] укололся, то ли чё ли. Ли пьяный ли он такой. Ну от есь от неживой-то! От ну… <…> [сплёвывает] Прямо глядеть неохота; Картошки каки' плохи'. Так гляжу, сердце прям захватыват. Ну ладно, чё поде'лашь.* Разновидностью эмоциональной оценки можно считать оценку эстетическую, которая, в свою очередь, может быть позитивной или негативной: *Замазка была – така' хоро'ша! Прям… её помнёшь, она така' мя'гка, замажешь – она засохнет вся – любо посмотреть! Прям красиво. У меня [в]он те окошки замазаны; Ну Колька счас молодец. Он чё сделат – лопаточку насо'дит, ли чё ли – любо посмотреть; [Да пойдём, Вера, посмотрим баню-то!] Там смотреть-то боязно: всё закоптело да всё обвалилось, да прям страшно; И Таня белила. Ой, тут страм глядеть было!*

Часто в дискурсе информанта глаголы *видать, видеть* сближаются с глаголом *знать*: *Ну, я знаю, что она, я её видала, она хоро'ша женшына.* Это связано, вероятно, с тем, что знания информанта получены чаще всего эмпирическим путём. В большинстве случаев, однако, сближение происходит через отрицание (не видеть – не знать): *Ночью их [на фронт] проводили. Ну чтобы никто не видал, не знал; …купили они – рубаху купили, восемь тысяч дали*

– *не знаю каку', не видала рубаху; [Коров не гоняли, не видала?] Я не знаю, не видела.*

Вопросы к собеседнику, видел ли он что-либо, предполагают вместе с тем и наличие определённых знаний: *Ну, чёренькый меленькый такой он [лук], как бату'н – не видала никода', не знашь?*

Кроме того, диалектная ЯЛ иногда использует глагол *знать* в значении ‘воспринимать органами чувств’: *Она же не знат, бе'дна, ни день, ни ночь [о слепой]*. Как отмечается исследователями, у древнерусского глагола *знати* семантика включала компоненты ‘знать’ и ‘видеть’ как равноправные [Глинка, 2003, с. 14]. Видимо, в диалекте сохраняются следы исходной семантики глагола.

Противопоставление восприятия и знания также свидетельствует об их взаимосвязи. Это возможно в случае наличия визуального представления и незнания функции предмета: «*Го'лбчик» звали <…> Наступали как на его, а чё, для чё он был? Я даже не знаю. Видала я их, сама.* Между двумя последними предложениями имеет место уступительная связь (можно вставить союз хотя). Видимо, такая ситуация (незнание при наличии зрительного опыта) осознаётся диалектоносителем как нетипичная.

Представление об одновременности, параллельности протекания процессов зрительного восприятия и мышления также проявляется в использовании глаголов *смотреть, глядеть* и др. и *думать* в качестве однородных членов: *Я стала, в окошке туды' помале'ньку шторку итвороти'ла, смотрю: думаю, хто хоть пойдёт, может; Вы взгля'нете туды' [в окно], я тоже гляжу, думаю, кто идёт; А я вышла на веранду да смотрю, думаю: чё застукало-то там?* Хотя подобные примеры немногочисленны, они, тем не менее, позволяют сделать вывод о наличии в картине мира информанта связи зрительного восприятия с мышлением. Эта связь проявляется и через противопоставление видимого и предполагаемого на основе мышления: *И думала, тебе итдала', гляжу – она [крышка] на печке лежит!* В данном случае факт зрительного восприятия является одновременно опровержением некоторого предположения.

В этом и подобных примерах прослеживается связь зрительного восприятия с категорией достоверности[18]. Иногда диалектная ЯЛ использует ссылку на собственный перцептивный опыт в качестве аргумента, подкрепляющего определённое мнение: *[А там помидоры-то было, однако, один ли два ли яшшычка]. Нет, там много было. Много у ей яшшыков было. В комнате там стояли, я видала; [у односельчанина] Пять шшэня'т. [А чё-то Георгий сказал, вроде четыре.] Нет! больше. Пять ли шесь ли, я видала, то'ко не четыре.* Для ЯЛ наиболее достоверна та информация, которая получена при непосредственном участии в ситуации или её зрительном восприятии. Отсутствие такого восприятия (или его возможности) порождают сомнения в истинности информации. Это проявляется и в критическом осмыслении личностью традиционных суеверных представлений[19]: *«Наверно, не любит это, сусе'д» [о домовом]. А кто видел его?*

Ссылка на зрительный опыт других людей, с одной стороны, используется, чтобы придать сообщению достоверность: *Ну, Поля вчара' видела, она шла. Откэ'дова-то, с сумкой*; *Она смоталась с ём. А он палку взял большу' – Валька Мотина видала – палку взял боль[шу]…: «Я тебя убью!»* В то же время степень достоверности информации зависит, вероятно, от степени доверия человеку, сообщившему её. Говорящий может выражать сомнение в достоверности информации, если сам не наблюдал что-либо и не вполне доверяет человеку, сообщившему об этом: *[Раньше был у вас колорадский жук?] Нет, нет. [Это первый год?] Первый год. Ну, Де'на прошлого'д говорил, что видел, ну не знаю.* В таких высказываниях указание на источник информации позволяет говорящему снять с себя ответственность за её возможную недостоверность.

С этой же целью используются и глаголы *не видеть, не знать,* если субъектом восприятия и знания является сам говорящий: *[А у ей, наверно, дополна' (перца)]. Наверно, не знаю, не видала; [Это кто, Храпов? Или хто это приехал?] Я не знаю, кто привёз, я не видала.* Стремление к передаче

[18] Речевой жанр предположения и категория достоверности в Вершининском говоре подробно анализируются в статьях [Воронова, 2014, Латфулина, 2014].

[19] О взаимодействии рационального и религиозного начал в мировосприятии В.П. Вершининой см. работы Л.Г. Гынгазовой [Гынгазова, 2005, 2007а, 2007б и др.].

достоверной, точной информации является одной из особенностей черт исследуемой ЯЛ [Иванцова, 2002]. Этим, вероятно, и обусловлена частотность сопряжения в текстах глаголов *(не) видеть* и *(не) знать*. Следствием стремления к достоверности является и тот факт, что ЯЛ склонна говорить о своём незнании, даже если речь идёт о каких-либо деталях информации: *[Дом такой же, как у вас?] Нет, наверно… Побольше, наверно, ли чё ли, не знаю, какой. Ну так-то видала, а не приходилось заходить. Я не знаю*. В ответах диалектной ЯЛ на вопросы собеседников глагол *видать* также включает компонент '*знать'*: *[Спит он?] Я не видала. Наверно; [Коровы прошли уже?] Я не видала*.

Глаголы зрительного восприятия в прямом значении противопоставляются глаголу *слыхать* в неперцептивном значении 'знать по разговорам, слухам', а также глаголам речи: *И упала, да горбушка это… И горбушку-то ушибла. Лежит, гыт, всё. Я-то не видала, а Лена ска'зыват; [А на пороге не рубили топором веник?] Ну от спину хто-то лечат, дак лечили. [Как?] Не знаю, я не знаю, чё-то спину, я знаю, топор берут да веник да чё-то там ру'бют спину… не знаю. Только я слыхала это, а так не видала, не знаю; А одна девочка по... по кисте' руки' нету родила'сь. Ну ей тапе'рь уж, наверно… ну, может, года четыре – така-а, гыт, бо'йка, гыт, драчунья! т**а**к этой… культяпкой-то лупит всех... тычет. Аγа. Однако, у правой ли у левой ли, не помню, какой, чё-то слыхала я, ну тоже не видала, не знаю*. Выстраивается своеобразная оппозиция видеть 'знать достоверно' – слышать (что говорят) 'знать недостоверно'. Знание слова противопоставлено незнанию предмета, им названного: *Дубок – этот не знаю, слыхать слыхала, а не видала. Есь дубок.*

В некоторых случаях имеет место номинация одновременно зрительного восприятия, интеллектуальной деятельности и эмоций: *Без Васьки [кота] ху'до было, я прямо… жалко мне его… тоскливо было, как всё ждала его, всё смотрю, думаю, не придёт ли?*; *А я так стосковалась об ём [внуке], думаю. Глаза закрою, так маячит*.

В нескольких примерах из речи диалектной ЯЛ глагол *посмотреть* сохраняет архаические представления о том, что взгляд человека обладает особой силой: *[Тётя Вера! А вот, знаешь?.. Вот у нас свинья опоросилась, семь штук принесла. И пять штук съела]. <…> Говорят, что изуро'чили. <…> [А как изурочили?] Ну, кто посмотрит, говорят, да так…* Сама исследуемая личность, по-видимому, не до конца разделяет эти представления: *Вот я например, я ничё не думаю. Суро'чили, сглазили, посмотрели на игоро'д, вот там у меня не стало родиться. А я никогда не думаю: не посажу дак и не уродится*. В данном случае имеет место культурный компонент значения, не отмеченный в словарях: *посмотреть* – ‘сглазить’.

Диалектные единицы со значением нереального восприятия также включают культурный компонент значения, т.к. с их помощью объективируются народные суеверия: *Я слыхала, говорят, что в зерькало может помая'чить так, показаться; Смо-отрит на меня. Я говорю: «Ты чё на меня смотришь-то? После ночью помая'чу тебе»; Померла', хоть бы хворала… А Валя-то [умершая] всё ей пошто'-то мая'чила. Нюра-то всё… «От, тётя Вера, я чё-то у стола делаю, посуду мою – она стоит у окошка, глядит прямо». Не во сне, Поля! А т**а**к ей как мая'чило. Наверно, к худому это всё.*

Отмечены в речи В.П. Вершининой отдельные приметы, связанные со сновидениями: *Ну, гряды [во сне] к горю. Да. К худому гряды. У нас Василию помере'ть – я во сне вижу: гряда' вот така', и даже лук не со'женый; А я вчара' увидала во сне, у тебя бы – как кто тебе подарил, как Рая бы подарила тебе платок. <…> Я думаю: это к деньга'м, пе'нзия, Елена пе'нзию принесёт… большой платок.<…> Это – это, к этому, ну я и так говорю: наверно, деньги мне принесут – дак я и так, хоть во сне видала, не видала бы… [всё равно принесли].*

Таким образом, обозначения процесса зрительного восприятия образуют достаточно компактное микрополе, в то же время частотность входящих в него лексем (особенно базовых) очень велика, что позволяет рассматривать эти единицы как ядерные для обозначений зрительного восприятия в целом. Кроме

того, глаголы зрительного восприятия регулярно сочетаются с обозначениями цвета, света, размера, что подтверждает их центральное положение в макрополе «зрение». Базовые глаголы зрительного восприятия в идиолекте более многочисленны по сравнению с литературным языком. В идиолексиконе диалектоносителя выделено 5 единиц: *посмотреть, глядеть, смотреть, видеть, видать*, в литературном языке выделяются глаголы *смотреть, глядеть, видеть* [Моисеева, 1998]. Глаголы группы целенаправленного восприятия диалектоноситель использует несколько чаще, что совпадает с выводами других исследователей, полученными как при анализе речи диалектоносителя [Малышева, 1999, с. 184], так и при исследовании художественных текстов Ю. Куранова, Б. Пастернака [Овчинникова, 2009 ; Двизова, 2014а]. В то же время исследователи, опирающиеся на материал литературной русской речи, указывают на преобладание глаголов нецеленаправленного зрительного восприятия [Падучева, 2006, с. 204–205 ; Авдевнина, 2012, с. 11].

Анализ сочетаемости глаголов зрительного восприятия, зафиксированных в дискурсе диалектной ЯЛ, позволяет реконструировать те фрагменты мира, которые актуальны для информанта. Это, прежде всего, человек, а также собственное хозяйство, огород, продукты питания и другие элементы повседневной жизни. Сочетаемость обозначений зрительного восприятия с номинациями неживой природы, а также с абстрактными именами, отмечаемая в идиостилях поэтов и писателей, для идиолекта крестьянки нехарактерна.

Глаголы зрительного восприятия сочетаются с глаголами знания, мышления, а также с обозначениями эмоций. Последнее часто отмечается исследователями художественного текста. Вероятно, для художественной речи это явление более типично, но необходимо отметить, что оно имеет место и в разговорной речи. Чаще всего единицы данной ЛСГ оценочно нейтральны, но в некоторых случаях у глаголов восприятия, которые использует диалектная ЯЛ, выявляются оценочные коннотации.

Рассмотрим далее обозначения цвета, также занимающие важное место в индивидуальном лексиконе.

2.2 Цветообозначения

2.2.1 Общая характеристика обозначений цвета

Цветообозначения активно исследуются в современной лингвистике. Ученых интересуют универсальные закономерности их появления и функционирования [Вежбицкая, 1997], а также особенности системы цветообозначений русского языка в различных аспектах: этимологическом, психолингвистическом, когнитивном, культурно-историческом и др. [Бахилина, 1975 ; Фрумкина, 1984 ; Василевич, 2005 ; Ермакова, 2007 ; Кульпина, 2002, 2007]. Исследование номинаций цвета в диалектной речи [Мошева, 1974, 1979, 1975 ; Баинова, 1999 ; Вейс, 2001 ; Харламова, 2011 ; Тараканова, 2012б и др.] чаще всего предполагает выявление специфики их структуры и семантики, реже – функций. Описаны особенности использования данных лексем в разных жанрах фольклора – пословицах и поговорках [Недельчо, 2000], былинах и якутских олонхо [Башарина, 2000], лирической песне и частушке [Эмер, 2000 ; Дмитриева, 2001]. В словаре «Славянские древности» есть несколько статей, посвящённых обозначениям цвета.

Не ослабевает интерес к лингвоперсонологическому изучению цветообозначений. Их анализ в идиостилях творческих ЯЛ – поэтов и писателей [Мещерякова, 2002 ; Носовец, 2002 ; Бабулевич, 2004 ; Жаркова, 2005 ; Спивакова, 2009 ; Кочетова, 2010 ; Дмитриева, 2012 и др.] позволил установить, что цветообозначения культурно маркированы и могут выступать репрезентантами как национальной картины мира, так и её индивидуальных вариантов.

2.2.2 Обозначения цвета в идиолекте В.П. Вершининой

Система средств, используемых в идиолексиконе диалектной языковой личности для обозначения цвета, включает 180 перцептивов, в том числе 149 ЛСВ, среди которых слова разных частей речи: прилагательные (*красный, белый, беленький, фиолетовый, розовый*), существительные (*краснота, белизна*), глаголы (*краснеть*), наречия (*скрасна'*), слова категории состояния (*красно'*). Кроме того, представлено 16 сравнений с минимальным образным потенциалом (*как кофта*), 12 образных сравнений (*как снег, головёшкой*), 3 метафоры (*снег, цыган/цыгане, смолёный*), 1 фразеологическая единица (*бель белеет/белеется*). Проанализировано 1451 высказывание с номинациями цвета.

Можно отметить диалектные единицы, из которых 3 являются дублетами общерусских (*серый – бу'сый, оранжевый – огонько'вый, голубой – поднебе'сный*), одно означает специфический оттенок цвета (*котёльный* – ‘сине-серого цвета; цвета сажи’). Зафиксированы также пара общерусских синонимов (*синенький – голубенький*) и общерусских антонимов (*белый – чёрный*), в ряде случаев можно говорить о контекстной антонимии. Обозначения *белый, чёрный, красный* многозначны, остальные, как правило, однозначны.

Наиболее частотны обозначения *чёрный* (176), *белый* (133), *красный* (76), *жёлтый* (66), *зелёный* (54), *рыжий* (36), *бордовый* (34), *седой* (34), *синий* (34), *серый* (30), *коричневый* (27). К промежуточной зоне между ядром и периферией относятся обозначения оттенков: *розовый* (23), *голубой* (21), *котёльный* (19), *свети'стый* (19), *малиновый* (17), *кремовый* (16), *оранжевый* (11), *фиолетовый* (10), а также дериваты базовых лексем, как правило, со значением ласкательности: *чёрненький* (25), *красненький* (22), *беленький* (18), *сжелта'* (11). На периферии располагаются обозначения оттенков: *вишнёвый* (7), *стальной* (3), *тёмно-зелёный* (3), *кирпичный* (2), *васильковый* (2), *защитный* (1), *соломенный* (1), *бело-розовый* (1), *жёлто-коричневый* (1), *бордово-коричневый* (1); бо'льшая часть лексем с ограниченной сочетаемостью: *соловый* (2), *вороной* (1), *гнедой* (1), *смугленький* (1), *русенький* (1), диалектные единицы: *бусый* (5), *огоньковый* (1), дериваты ядерных и околоядерных лексем: *седёхонький* (7), *розовенький* (6), *чернёхонький* (3), *ссера'* (1) и др.

Грамматические признаки цветообозначений указаны в работах А.П. Василевича, В.Г. Кульпиной, Е.В. Рахилиной, Р.М. Фрумкиной. Обобщив их, можно следующим образом описать грамматические и словообразовательные особенности цветообозначений разных частей речи в идиолексиконе нашего информанта:

Цветообозначения-прилагательные делятся на качественные (*красный, чёрный*) и качественно-относительные (*вишнёвый, малиновый*); в речи диалектоносителя заметную роль, кроме того, играют лексемы с ограниченной лексической сочетаемостью (*рыжий, седой*).

Качественные прилагательные имеют следующие свойства[20]:

1) краткие формы (*красен, зелен*) для речи информанта не характерны;

2) сравнительная степень употребляется редко; формы сравнительной степени чаще всего образуются приставочно-суффиксальным способом: *Мне пожелте' охота было [краску для пола]*; *А шерсь-то мале'нько тут чёрна, тут как вроде чуточку посере'*. Отмечен один пример употребления бесприставочной степени сравнения: *С осени, мне кажется, она [мука] черне' была, щас беле' стала.* Формы превосходной степени с суффиксом -айш- от цветовых прилагательных не образуются;

3) интенсивность признака передаётся двумя способами: редупликация и суффиксация. Редупликация (*белый-белый)* может сочетаться с префиксацией (*белый-пребелый*, *чёрный-пречёрный*, *синий-пресиний*). Этот способ, очевидно, является самым простым и предпочтительным − так образуются производные даже от плохо освоенных, редких в речи цветообозначений (например, *фиоле'товы-фиоле'товы*). Из суффиксальных образований наиболее типичны формы на -*ёхонек (чернёхонек, белёхонек)*, хотя возможны и усилительные формы с другими суффиксами (-уч-: *красн'ючий,* -ащ-: *румяня'щий*). А.А. Мошева, отмечая существование форм на -*ёхонек* в акчимском говоре, характеризует такие производные как имеющие усилительное значение с оттенком ласкательности

[20] Сходные особенности характерны и для качественных прилагательных других модальностей восприятия (вкуса, осязания, температуры) в идиолекте В.П. Вершининой.

[Мошева, 1974, с. 117]. Образованные от качественных прилагательных наречия также могут выражать высокую степень проявления признака (*черным-черно, бело-белёхонько*);

4) для выражения оттеночности используются имена прилагательные с суффиксом -*оват*-, а также наречия: *Кужура' си'ня у ней [картошки], а она кака'-то желтовата; Ну, тоже она [картошка] так вроде сжелта'*; *Они [брюки] зеленоваты таки' тёмны; Чёрный такой плюш, сзелена', не совсем зелёна, а немножко зелёная.* А.А. Мошева считает, что кроме слабого или неполного проявления признака приставочно-суффиксальные формы обозначают приблизительность, некоторую неопределённость окраски [Мошева, 1974, с. 121].

Таким образом, для информанта характерны специфические формы выражения слабой/сильной/ предельной степени проявления признака цвета. Эта особенность − на основе соотношения с подобными формами в другом говоре (см. [Мошева, 1974]) − может быть объяснена принадлежностью В.П. к носителям диалекта.

Можно отметить, что обозначения сильной степени проявления признака и более разнообразны по сравнению с обозначениями слабой степени проявления признака, и, как правило, более частотны.

5) Велико число производных с суффиксом -еньк-/оньк-, образующих ласкательные формы: *светёт жёлтенькими колокольчиками; фуфаечка, как моя же така', кори'чневенька.* А.А. Мошева называет суффикс -*еньк*- самым продуктивным из всех субъективно-оценочных суффиксов [Мошева, 1974, с. 115]. Для исследуемой личности широкая распространённость ласкательных форм составляет одну из специфических черт [Иванцова, 2002, с. 47].

Для относительных прилагательных характерны следующие особенности:

1) наиболее частотным способом словообразования является образование «по принципу регулярной полисемии», когда относительное прилагательное «относящийся к X» приобретает значение «похожий на X цветом» [Фрумкина, 1984, с. 40]. Из этой группы в речи В.П. представлено 8 обозначений, среди них наиболее употребительными являются *кремовый, малиновый*: *Белоголовник.*

Белый, жёлтый, кремовый такой; Да лохма'ты таки' прямо [грузди], это, как вроде краешки-то, а сами-то сы'реньки, да кре'мовы – ой, каки' краси'вы; Платье зелёно на ей было, платок белый, тоже кремовый, из кашемира; Алёнка тоже свето'чек такой, тоже светёт малиновым; А ленту тода' на ко'су. И там зелёны, и си'ни, мали'новы, вся'ки-ра'зны. Другие употребляются реже: *Седы' [котята] там-ка я увидала двух, седы', это, стального цвета; Только желательно красный [матерьял] не надо. Ну, бордовый либо… да хыть какой. Бордовый ли вишнёвый; Были краси-ивы-краси'вы были у меня [гладиолусы], бордо'вы были таки' были, сире'невы, вся'ки; Было [платье] си'не тако' – хоро'ше прямо, си'не было, да хоро'ше, василько'во тако'; А у меня платье но'во сшито было. <…> Такой, кирпишный цвет. Ну как комод мой; Возьму, соли посыплю, чтобы не линяли, они [шторы] как соломенный цвет, у их там это, как линяют они, бе'лы будут.* Важно отметить, что в при этом в говоре цветовое значение может быть не зафиксировано: например, *стальной, соломенный* в Вершининском словаре отмечены только в собственно относительном значении (‘сделанный из стали’, ‘сделанный из соломы’). На основании такого сопоставления можно предположить, что образное значение цвета они получают в речи информанта спонтанно, являясь своеобразным средством выразительности (хотя в целом такие образования узуальны). Как видно из примеров, относительные прилагательные часто встречаются рядом с другими, описывающими тот же объект (*стальной – седой, вишнёвый – бордовый, васильковый – синий, соломенный – белый*), т.е. используются для более точного обозначения оттенка.

2) Производящие основы для относительных прилагательных и сравнений можно сгруппировать по тематическому признаку. Наиболее полный перечень групп существительных, на базе которых образованы относительные прилагательные со значением цвета, представлен в работе О.А. Гузевой: почва (*землистый)*; металлы (*золотой*); драгоценные камни (*изумрудный*); цветы, плоды (*лимонный, фиалковый*); продукты питания (*молочный*); предметы быта (*кирпичный*)*;* человек (*телесный*) [Гузева, 2006, с. 67–68]. У В.П. нет вовсе

именования цветов по драгоценным камням, почве, человеку; номинации по продуктам питания (*кремовый*) и предметам быта (*кирпичный*) единичны. При описании цветов, оттенков информант в качестве основания для сравнения по цвету чаще всего использует обозначения природных объектов (отдавая предпочтение объектам неживой природы – *как снеговой, как угольный, как ржавчина; поднебесный, огоньковый, соломенный;* выделяется подгруппа обозначений цвета по наименованиям металлов (*как золотой, серебряный; серебристый, стальной*); используются и названия растений – *вишнёвый, малиновый, васильковый, сиреневый*; животных – *как галка*). Сходные производящие основы для образования цветообозначений отмечены в идиолекте С. Есенина (где выделены подгруппы «неживая природа», «продукты питания», «металлы», «вещества») [Жаркова, 2005, с. 13].

Сгруппировав обозначения цвета в речи информанта, получаем палитру из 9 основных микрополей (распределение оттенков по цветовым полям осуществлялось в соответствии с принятым в исследовании В.Г. Кульпиной [Кульпина, 2007]). Порядок описания соответствует постепенному уменьшению частотности основных лексем и обширности поля.

Микрополе обозначений чёрного цвета является разветвлённым, в него входит 26 ЛСВ. Наиболее употребительно наименование *чёрный*, представлены также его дериваты: *Ну все чёрны, чёрны [котята] − кот ходит [к кошке] Анькин чёрный. Как от… чернёхоньки; А он чёрненький, хорошенький такой был платочек; Колька-то жале'т [съеденный молью свитер]. Жалко ши'бко ему, така' хоро'ша! То чёрна-пречёрна была!; А Наталья купила [шубу], сноха – за миллион триста, козью. Черновата, гыт, така' хоро'ша!* К специализированным относится обозначение масти лошади: *Дак женился богатый, все кони были вороные, все чёрны*.

Номинации, характеризующие человека по цвету кожи, волос, выделяются в отдельную группу с общим значением ‘смуглый и (или) темноволосый’: *И вот она на отца походит: чёрна. Та бе'ла, а эта чёрна; Ну они [дочери] непохожи. Машка чёрна-пречёрна − ты знашь её? не видывала путём? Ага'нька бе'ла, а та*

чёрна-пречёрна; Наря'дна! Сама краси'ва така', черня'ва. Хоро'ша [девушка]; *То-олстый такой, краси-ивый, синпати'чный, черноватый; Владимир Прокофьич женился, красивый был, это щас страшненький стал, а так он хороший был. А брат его ешо лучше, чернова'теньки были.* Специализированное *смуглый* отмечено в единичном употреблении: *Така' чёрненька, сму'гленько лицо-то у ей, не бе'ло*.

Чёрный цвет описывается образно с помощью сравнительных оборотов: *От тут от один зуб у меня… и тут от… чёрны как угли, а тут корьни…; От на пятку могу ступить, а на пальцы не могу, совсем. Чё-орны были, как у'гольны [от ушиба], и тут всё – головёшкой. Чёрны; Ну, волосы тёмны. Здесь мале'нько есть [седина], а так-то как головёшка; Брюки Коле [купили] – чёрненьки таки' – как они называются? Чё-орны-чёрны, как галочка. Трико.* Зафиксированы также метафоры *смолёный, цыган*: *Чёрны все [котята], как от смолёны, все чёрны; Фалалеев – ты его видывала, нет? Ну как платье моё. От чёрный дак чёрный! Усы чёрны, волосья чёрны, от смолёны, цыган и цыган.* На основании того, что образные обозначения везде соседствуют с необразными (*чёрный, чёрненький*) можно предположить, что сравнительные обороты имеют усилительное значение, с их помощью говорящий стремится подчеркнуть высокую степень проявления признака. В этом отличие от поэтических идиолектов: сравнение не заменяет однословное обозначение цвета, а дополняет его.

Контрастное микрополе белого цвета – одно из самых обширных, представлено 25-ю единицами. Отмечено отвлечённое название свойства: *Мука ши'бко бе'ла. А моя-то мучка не така'. Она неплоха', не скажешь, что плоха', но белизны-то нету*. Частотными являются обозначение имени поля – *белый* – и однокоренных единиц: *От домик крашеный, бе'ла загородка, ворота зелёны; И лапки бе'леньки, и хвостик мале'нько беленький, а сама чёрненька собачо'шка; Бакча'рка есь [картошка]. Тоже как бы сбела' она; Цветёт [виктория]! Белым-белым-белёхонько. У Татьяны Васильевны тоже. А красной-то не видала ешо; Утром станешь: всё бело'-бело'-бел**о** так [от инея]; Прямо всё бель беле'тся,*

иней-то; Прошлого'д я клала эту, скорлупы мно-ого, натолкла её, решетом насеяла – прям бель белела!

Как и в случае с обозначением чёрного цвета, номинации характеристик внешности человека образуют особую группу, с общим значением ‘светловолосый, со светлой кожей’: *А татарин, если его увидишь – не поду'машь, что он татарин: белый такой, хороший парень; Бе'ленька, све'тленька така' [женщина]; [Сейчас волосы седые, а раньше?] Ну он так же беловатый был.* В это же семантическое поле включены обозначения *седой* и его производные: *Воло'сья седы', да стра'шны да; Седёхонький этот, старичо'нка-то*; а также *светлый* и *белый* в значении ‘светлый’: *То больши' [куртки], то све'тлы, то дороги'. <...> Мне же, Гево'ргиевна, надо тёмненьку, куды' таки' – стальной цвет, куды' её?; Конфеты были «Виктория», с белой начинкой*. В качестве своеобразного усилителя признака используются сравнительные обороты *как снег / как снегово' / как снеговой: Тюль така', худа'. У людей-то, у Поли-то как снег, бе'лы-пребе'лы!* Своеобразным эталоном молочно-белого цвета выступает холодильник (от других обозначений цвета посредством указания на предмет его отличает и фиксированный цвет, который можно описать как бело-жёлтый, желтовато-белый, и регулярность употребления): *А Шарик-то [пёс] не очень белый. Как холодильник, такой*; *Ну там голи'мый песок [картошки]! Как холодильник, прям белый песок!* Палитра оттенков расширяется за счёт использования обозначений **кремовый*[21],**бело-розовый: Платье зелёно на ей было, платок белый, тоже кремовый, из кашемира; А но'нче много было, ро'зовы таки', бело-ро'зовы – так**и** прям, краси'вы [пионы]!*

Микрополе обозначений красного цвета включает 31 единицу: *А Таня-то сорвала ит светка' – одни-то бледненькый… землянички, другу' покрасне'; Ну ягода – от было красно', гыт, брюсни'ки да клюквы, да черники…; А у тебя нету ниток взаймы, кра'сненьки каки'-нибудь?*; *Там клеёнку продают, кра'сна клетка да бе'ла*. Лексема *красный* имеет более широкое значение по сравнению с

[21] Знаком * обозначены цветообозначения, входящие одновременно в разные поля.

литературным языком, охватывая оттенки ‘густо-розовый’, ‘рыжий’, ‘румяный’: *Кра'сны таки' [поросята], ро'зовы, хоро'ши; А уж кра'сна или чёрна не ведётся корова; Румяня'шшый [мужчина], да красню'чий такой*. Выделяется группа обозначений, где *красный* и его производные характеризуют цвет кожи человека: *Тоже… набри'тый, красный [мужчина] – а седина выступает…; Пе'рво кра'сно-кра'сно, а потом пожелте'т [лицо при болезни]; Ну он так… подда'тенькый, но не сильно здесь был. <…> Красно'й-прекрасно'й сидел; А утром [в]стаю – ой! вся краснота, ну прям как пунцо'во всё [рука]*. Для обозначения красного цвета используется логическое сравнение: *Ой, а у его краснота-а! [на раненой руке]. Такой, как твоя кофта всё. Я… да распухло! А я ему взяла, да Вишневского…*

Для характеристики одушевлённых объектов употребляется лексема **рыжий: Рыжий мужи'к был, борода кра'сна така' была; Лысина тут-ка. Рыженькый жеребчи'шка*.

Микрополе номинаций красного цвета наиболее дифференцировано и включает ряд оттеночных обозначений: *А потом посадила, да таки' свели' хоро'ши: и ро'зовы, и мали'новы, и бе'лы – астры-то; Пухо'ва одея'ла. Она так бордо'ва така', вишнёва така' одна сторона, а друга'-то бордо'ва*. Частотными являются обозначение *розовый* для светлой области красного цвета и *бордовый* – для тёмной. От этих прилагательных образуются не только ласкательные производные (*Дак а вот эти рези'новы сапоги, ро'зовеньки-то, носили; Бордовенький битончик был у меня*), но и специфически диалектные наречия: *Ча'лка – конь. Чалый, как вроде и не рыжий, срозова' какой-то; Шторы как вроде сбордова'*. Характерны для них и образования собственных оттенков. Для *розового* это упомянутый выше *бело-розовый*, для *бордового* – два оттенка: *А эта бордово-кори'чнева, краска написано бордово-кори'чнева. <…> А надо покупать жёлто-кори'чневу [краску]; Как от это – мои клетки зелёны, у одеяла, и бордо'вы таки', светло-бордо'вы, это, линолеум*. В последнем обозначении можно отметить некоторую парадоксальность: обозначая *тёмный* оттенок красного цвета, *бордовый* в узусе плохо сочетается с квалификатором *светлый*.

Бордовый цвет обозначается при помощи логического сравнения: *Хоро-оше тако', мамино платье перешито. Бордо'во тако', как кофта ваша*.

Сочетание красного и жёлтого передают номинации **оранжевый, *огоньковый*: *Да гладиолусы, а гладиолусы только огонько'вы, ора'нжевы были; Собаки две было: одна лежала так, друга' сидела собака. Одна была ора'нжева, а втора' была зелёна выткана [на ковре]*. При определении оранжевого заметна некоторая неточность. Это может быть связано с его промежуточным характером: *Красненькый [тазик], ты его возьмёшь. Оранжевый он, жёлтый; Такой жёлтый-жёлтый сварёный [кисель]. Нет, красный он по цвету. Коричневый, как пол, такой [о поле оранжевого цвета]*. Отсутствие лексемы для обозначения оттенка, промежуточного между жёлтым и красным, является характерной чертой диалектной речи [Мошева, 1979].

Несколько обозначений передают сочетание красного и коричневого*: У меня шерсть есь на платьишко. Как кирпишный цвет; Я её [помидорку] посадила, бу'ра уж стала…. ну мало подросла, только ма'ленька она, небольша'; Нарастут [грузди] и так, вроде ржа'вы около корешка; А они [ножки грибов «бычки»] всегда, как… как ржавчина там.*

Микрополе номинаций жёлтого цвета также неоднородно. В него включено 13 единиц. Употребительно обозначение *жёлтый* и однокоренные ему: *Платье дли'нно… Под вид чёрного. А там жёлто… жёлто, вот таки' светы', воротник жёлтый – ну как кукла; [Половики] ткали... Кра'сны, си'ни, жёлты – каки' хочешь; Ой! Они [обмороженные ноги] от таки', как холодильник, даже пожелте'; Така' жёлта [собака]; Вот красный весь сидит [георгин], а в серёдке жёлтеньки; А я садила свои-то карто'шки, вот эти бе'лы-то, а они вроде желтова'ты…; Лежу на этой, на кровати – кажется, задергу'шки гря-азны у меня! Ну они не гря'зны, а как сжелта' стали.*

Специфическую группу образуют слова с корнем -*жёлт*-, характеризующие больные растения: *Он [лук] жёлтый, прям весь почернел; Огурцы у меня чё-то пропадают, не знаю, чё с имя'. Прямо вот все пожелтели-пожелтели;*

Прохладно, прохладно. Парит – и картошки пропадают, желты'-желты'! Номинации дифференцируются по степени насыщенности цвета. Светлые оттенки обозначаются лексемами **кремовый, соломенный: Возьму, со'ли посыплю, чтобы не линяли, они [шторы] как соломенный цвет, у их там это, как линяют они, бе'лы будут*; более яркие, насыщенные – передаются через обозначения **рыжий*, **оранжевый*, **огоньковый* (см. примеры выше). Сильная степень проявления признака подчёркивается через сравнение с эталоном: *У меня жёлта-жёлта краска <...>. Как желток*. Ярко-жёлтый, блестящий цвет описывается сравнительным оборотом *как золото/золотой*: *А е'тот-то был красивый [собор]! Ой, сколько'этажный был! Красивый прям. Как золото горело*; *Они други' как золоты', какой-то цвет такой жёлтенькый у них, а кото'ры кра'сненьки, бе'леньки – это у нас конфеты были [при игре]*. Прилагательное *соловый* имеет дополнительный семантический компонент ‘окрас животных’: *Соловый? Ну как, какой он? Как сказать… А чё, у их соло'ва собачка или что? И не жёлтый он, и не зелёный…*

К этому же микрополю принадлежат цветообозначения **жёлто-коричневый*, **румяный* ‘с золотисто-коричневым оттенком (о пище)’, **коричневый* ‘буро-жёлтый, цвета корицы или жареного кофе’. Последнее образует собственное разветвлённое микрополе: *Как кукуруза там, кори'чневы таки'. А из их пух после летит [о камыше]; А там одна фуфаечка, как моя же така', кори'чневенька; У Юры-то формовка – хоро-ошенька така' тоже, тёмно-кори'чнева*.

В микрополе *зелёный* входит 8 ЛСВ. Данная лексема имеет обширную парадигму однокоренных слов с цветовым значением: *Лонпасе' были вся'ки: и зелёненьки, и кра'сненьки, и бе'леньки они… ну вся'ки хоро'ши; Они [брюки] зеленоваты таки' тёмны; А у меня капуста, она впро'зелень кака'-то, нехоро'ша; Чёрный такой плюш, сзелена', не совсем зелёна, а немножко зелёная; Ну и, прямо, гыт, как-то – даже зеленью обдёргыватся [мясо], сразу: то жар, то в машине, в багажнике… жарко же там; К ка'жному окошку всё берёзы срублены поставят*

в Троицу. Зелё-оны-зелёны зеленёхонько всё! Оттенки не обозначаются, за исключением составного *тёмно-зелёный* и **защитный: Цветёт беленькими маленькими и то редко листья, как берёзовы, зелёны. Как берёзовы и всё, тёмно-зелёные, в избе красиво; Чёрный и зелёный разобрали [материал], как… ну, зашшытный такой [цвет].*

Номинация оттенков, промежуточных между зелёным и голубым (обозначаемых в литературном языке перцептивами *бирюзовый, цвета морской волны* и др.), вызывает затруднения у информанта: *…**та**к зелё-оный-зелёный [плащ], как тебе сказать? Св**е**тлый зелёный. Не знаю, на чё [показать для сравнения]. Красивый свет-то, яркый такой, зелёный. Вот это тёмный зелёный, а этот светлый, прям светлый… ничё у меня такого [по цвету] нету. Как голубой зелёный прямо, краси-ивый; Кастрюля была у меня така' – зелёна, тёмно-зелёна, краси'ва прямо, до сих пор жалко!.. А я говорю это… кака', не голуба'… ну зелёна така', краси'ва. Не как твоя кофта, прям нет тут такого ничё [показать цвет].* Сам цвет получает позитивную эстетическую оценку, однако его обозначение отсутствует в лексиконе информанта (при этом важно стремление найти эталон цвета среди окружающих предметов, чтобы наиболее точно определить оттенок).

Для номинации синего цвета используется 18 единиц. *У тебя нет там бро'сова чё-нибудь синего либо чёрного? Махра'?; Мне вон си'ни бы надо [тряпочки для половика]; Было [платье] си'не тако' – хоро'ше прямо, си'не было, да хоро'ше, василько'во тако'; Синеньким лён светёт, голубой такой; Сголуба' говорили – голубой. Раньше говорили: «поднебесный свет»; Тувале'тно [мыло]. То же, кото'ро синенько-то было. [В гума'жке синей?] И само' си'ненько, голу'бенько оно [мыло].* Обширный пласт употреблений лексемы *синий* связан с обозначением цвета кожи после ушибов или побоев: *Я сильно крови налила, си'не всё было; А он её избил до полусмерти… Вся-то синёхонька, гыт, она! И сотрясенье у ей?*; *Ка-ак я хлобы'снулась! – тоже до сех пор тоже болит. Бок-то – бедро си-ине-пресине! Локоть синий прям был у меня… Зашиблась, тоже.*

Употребительно диалектное **котёльный* ‘сине-серого цвета; цвета сажи’: *Шшека вот э'дака, гыт, рука си'ня, котёльна. Голубой* может также означать болезненную бледность человека: *А така' бле-една! <…> Как кака', гыт, как подсинёна така', голуба' кака'-то [женщина].*

Особую группу внутри микрополя образуют *фиолетовый, сиреневый, лиловый: Фиоле'товы есь, кре'мовы есь, и бе'лы есь, и си'ни прям есь [подснежники]; Така', фиоле'това это, атла'сна одея'ла была, пухо'ва; Она, гыт, сире'нева [ткань]. Никака' она не сире'нева, кори'чнева как-то, ну, цветами; Пово'йник <...> шили его красивый, лиловый, розовый, голубой, ссиня' и фальшо'нка сверху.*

Для обозначения области серого цвета используются 8 ЛСВ. Это обозначение *серый* и однокоренные единицы: *Халва-то? Ты не едала что ли её? Она се'ра, как замазка, се'ра; Шапка се'ренька кроличья, ешо укра'дут…; Нету белой краски у вас? У меня есь бе'ла – она не бе'ла, а… така', как ссера'.* Реже употребляется синонимичное диалектное *бу'сый: Аня навя'ливат, а у Ани знашь каки'? Каки'-то как… бу'сы каки'-то таки' [котята]; Скотина есть така' се'ра, корова, скажут – бу'са.* Расширяют микрополе цветообозначения **седой* ‘светло-серый, с примесью белого, об окрасе животных’ и *стальной*: *Седы' [котята] там-ка я увидала двух, седы', это, стального цвета; Как-то они [пуховики] сголуба' каки'-то вроде, таки', стальной цвет.* Блестящий серый цвет номинируют прилагательное *серебристый* и сравнительные обороты *как серебряный / сере'бряна: Серебря'нка – это, наверно, лису же зовут, кото'ра это, у ей таки' волоски серебри'сты. Чернобурка; Я пойду, она [пила] прямо как сере'бряна там зубы, све'тют только.* Компонент *серый* включается в значения лексем **защитный, *котёльный, *бурый*.

Область коричневого цвета представлена 13-ю лексемами, большая часть которых рассмотрена выше (**коричневый* ‘буро-жёлтый, цвета корицы или жареного кофе’, **бурый* ‘тёмно-коричневый с сероватым или красноватым оттенком’, **кирпичный* ‘коричневато-красный, цвета кирпича’, **как ржавлено /*

ржавчина ‘о бурой окраске растения или его части’; сложные прилагательные **жёлто-коричневый, *бордово-коричневый *тёмно-коричневый)*. Не описанными оказались только лексемы с ограниченной сочетаемостью. *Карий* имеет 2 ЛСВ: для характеристики лошади по масти и для описания цвета глаз человека: *Дак бога'ты одних ко'нев подбирали, Гево'рьгевна. У нас здесь был один, дак только все кони были карие. Ка'ри все кони были, никаких других коней не брали; Ну тоже как вроде темнова'ты таки' [глаза у младенца], ну, не знаю, как му'тны таки', как вроде ка'ри будут.* Цвет волос характеризует прилагательное *русенький*: *А волосы [у ребёнка] так… таки' ру'сеньки, так – тёмны*. Золотисто-коричневый оттенок пищи обозначает ЛСВ *румяный*: *Поставишь в печку [ша'ньги] – они румя-аны таки' испекутся, краси'вы.*

Наконец, для обозначения «цветовой неоднородности» (В.Г. Кульпина) без указания на конкретные оттенки цвета используются 12 лексем. Обозначения окраски с пятнами – первая подгруппа: *А у меня борови'шка пёстрый был; Слепень – под вид мухи, куса'тся только ши'бко, пёстренька така', чёрненька с беленьким, жёлтеньки есь пя'тнушки у их; Я-то собираюсь красить [пол], она: «О'споди, а де облезло-то? Нигде не облезло». А он но'нче там пега'ный был; Рябчик – птички. <...> [Почему называют «рябчик»?] Потому что он ря'бый; А у меня ря'бенька курчонка была, а там, де парник-то был у меня поперёк огорода.* Ряд обозначений разноцветности – вторая подгруппа: *Вся'ки, гыт, краси'вы ши'бко цветны' [гладиолусы]; Не люблю свети'сто. Молода' была, не любила, а теперь куды' светно'?; Костюмчик хороший. Свети'стый такой, разносве'тный. Прям чёрны, и мали'новы там, вся'ки.* К этому микрополю, вероятно, следует отнести и ряд обозначений лошадей по масти: *Все видали, прошла така' кобыла – больша-а была гнеда' тёмна; Ча'лка – конь. Чалый, как вроде и не рыжий, срозова' какой-то; Сивка – сивый, я знаю, что сивый. Сивый – такой как вроде бы серый, сбела' он так.* Они обозначают сочетание цветов, которые не всегда можно разграничить, воспринимаемое информантом как целостность.

Само наименование *цвет*/*свет* (12) присутствует на периферии лексикона информанта: *Они [камешки] други' как золоты', какой-то цвет такой жёлтенькый у них, а кото'ры кра'сненьки, бе'леньки – это у нас конфеты были [при игре]; Голубой. Раньше говорили: «поднебесный свет»*. Обозначение цвета (или сочетаний цветов) конкретизируется в существительных *рассве'тка*, *расцветка* – сочетание цветов, подбор красок: *На вид это я их [сорт картошки] не любила: как репа они, такой рассве'тка у их жёлта; Соболя'тница – под вид соболя, лохма'тенька, соболя'нка. Больше как-то называют их «соболь». [Похожа на соболя] по расцветке, са'мо гла'вно.*

Можно выделить 4 группы слов, с которыми сочетаются номинации цвета в речи В.П. Вершининой. Это названия артефактов, натурфактов, продуктов питания, человека.

1. Артефакты (чаще всего – одежда, ткани). Например: *Така', фиоле'това это, атла'сна одея'ла была, пухо'ва; Кушак красивый, малиновый, чёрный, синий; Было [платье] си'не тако' – хоро'ше прямо, си'не было, да хоро'ше, василько'во тако'*; *Дом большой такой был, зелёный покрашенный.*

2. Названия природных объектов.

Обозначения цвета достаточно часто сочетаются с обозначениями растений и животных: *А потом посадила, да таки' свели' хоро'ши: и ро'зовы, и мали'новы, и бе'лы – астры-то; Блюзими'нка [бальзамин] есть цветы тоже, они вся'ки бывают: и сире'невы, и ро'зовы они бывают, и кра'сны совсем, тоже семя под вид редиски, покрупне' редиски; Он привёз картошки в коробочке, ну там, поди, полведра было, два сорта: одне' кра'сны, други' бе'лы; Одного родила [котёнка], на печке. Чёрный. От такой коти'шше прям; Слепень – под вид мухи, куса'тся только ши'бко, пёстренька така', чёрненька с беленьким, жёлтеньки есь пя'тнушки у их; И на курицу, даже на корову скажут «пеструшка». Хоть на кого скажут. И зовут «пестря'нка», пёстренька. На корову не скажут «пёструшка», а зовут «пестря'нка».*

Среди характеристик животных по цвету особую подгруппу составляют названия лошадей по масти: *Ча'лка – конь. Чалый, как вроде и не рыжий, срозова' какой-то; Метали, а у их была рыжу'ха кобыла, буру'ха, а привязали, она биться, биться – да пропала.* Всего в речи В.П. отмечено 5 лексем, специализированных для характеристики лошади по масти: *вороной, гнедой, карий, соловый, чалый*. По происхождению большинство из них – древние тюркские заимствования, многие единицы имеют общий корень (см. [Кульпина, 2007]).

Достаточно редко цветообозначения характеризуют неживую природу: *Туча зашла. Оттэ'дова, чё-орна прямо, тёмна, тёмна как ночь; Они [камушки] други' как золоты', какой-то цвет такой жёлтенькый у них, а кото'ры кра'сненьки, бе'леньки – это у нас конфеты были [в детской игре]*. При характеристике явлений неживой природы чаще используются качественные прилагательные. Можно отметить, что для традиционной культуры в целом нехарактерно эстетическое восприятие неживой природы [Вендина, 2004].

3. Своеобразную промежуточную группу между объектами живой и неживой природой образуют названия продуктов питания: *Обливны, ро'зовы. Хоро'ши [пряники]*; *А белой-то не было муки. Иржана' была, пшени'чна; Убивают рябчиков, хватают, едят их, мясо очень хоро'ше бело; А у меня окорочка были, лежали – два… две штуки. Знашь чё, они как холодильник пошто'-то, белёхоньки стали – прости меня о'споди, я даже побрезговала; [А по цвету отличали хорошее молоко?] Ну дак а как же. [А как?] Ну дак а оно… то жёлто, то бе'ло, то зелёно. А зелёно чё, как вода. Может, кото'ры воду лили.* В этих случаях цветообозначения нередко несут дополнительную информацию о высоком или низком качестве продукта (белая мука – высшего сорта).

4. Характеристики человека

− по цвету лица/ кожи: *Ну, она не худа' так, ну у ей свет лица, вот у матери лучше как-то, нежне', а у ей какой-то <u>жёлтый</u> такой… конопа'та-то она, сильно; Шшека вот э'дака, гыт, рука си'ня, <u>котёльна</u>;*

− по цвету волос: *<u>Рыжий</u> мужи'к был, борода <u>кра'сна</u> така' была;*

− по цвету глаз: *А он чернобровый такой, да румяный сидит, да глаза-то прямо как искры горят чёрны – ну, красивенькый.*

Лексемы для описания внешности человека закреплены и в литературном языке: это прилагательные *смуглый, румяный, бледный* (о коже), *карий* (о глазах), *русый, рыжий, седой* (о волосах), а также существительные *брюнет, блондин, шатен.* Названные существительные в лексиконе диалектной ЯЛ отсутствуют.

Обобщая всё вышесказанное, в речи В.П. Вершининой можно выявить несколько **стратегий** обозначения цвета в идиолекте.

Под стратегией номинации[22] понимается ментальная операция выбора того или иного способа обозначения.

1) используются готовые номинации цвета (собственно вербальная стратегия);

2) используются образные сравнения и метафоры, часть из которых относится к диалектным (*как желток, как уголь, снег, цыган* и др.) – данную стратегию можно обозначить как ситуативно-образную: чтобы обозначить цвет, говорящий подбирает сравнение, опираясь на имеющиеся в его сознаннии эталоны;

3) особым способом описания цвета является логическое сравнение, сопровождаемое указанием на конкретный предмет, доступный зрительному восприятию говорящего и собеседника: *Ой! Они [обмороженные ноги] от таки', как холодильник, даже пожелте'; А у меня платье но'во сшито было. <…>Такой, кирпишный цвет. Ну как комод мой; Они [поросята] каки'-то были… ну как чё? Как твой халат каки'-то се'ры.* Собственно цвет приэтом может быть не назван в высказывании: *Оно пы'лом-то не спы'хнуло, а так всё горит, всё горит, затлело. <…> Вот было, знашь, како'? Ну вон как кофта изба была [цветом после*

[22] Ср. толкование термин «когнитивная стратегия именования» Н. Д. Павловым: «устойчивая система ориентиров, ответственных за выбор способов решения мыслительных задач для достижения определённых целей (включая весь комплекс конкретных задач речемыслительной деятельности человека, связанных с производством и восприятием знаковых систем и продуктов) [Павлов, 2007, с. 23]

пожара]. Данную стратегию можно назвать вербально-невербальной, или иконической[23], в основе номинации лежит опора на непосредственно воспринимаемый признак предмета (в данном случае – цвет).

2.2.3 Коннотативные компоненты значения номинаций цвета

Одной из особенностей использования цветообозначений в идиолекте является их употребление в контекстах с оценочными обозначениями.

Высказывания о цвете как объекте оценки позволяют реконструировать эстетические представления информанта. «Красивыми», «хорошими» называются предметы различных цветов (кремового, белого, бордового, оранжевого, сиреневого, чёрного и др.): *От такой платок – красивый-красивый бы, кремовый бы; Бордо'ва, ора'нжева, краси'ва така' шерсть!; Один бок жёлтый, а другой... кра'сны таки', краси'вы яблоки; Обливны', ро'зовы. Хоро'ши [пряники]; Бе'лы они [пряники], хоро'ши на вид; Были краси-ивы-краси'вы были у меня [гладиолусы], бордо'вы были таки' были, сиреневы, вся'ки; А но'нче много было [пионов], ро'зовы таки', бело-розовы – таки' прям, краси'вы!; Сумку купила – большу-у чёрну, така' хоро'ша сумка.* Типичным для диалектной ЯЛ можно считать слитность прагматического и эстетического критериев оценки [Иванцова, Гынгазова, 2012, 2013]: *Земля, гыт, така' рассы'пчата, чёрна хоро'ша; Кра'сны таки' [поросята], ро'зовы, хоро'ши!*

Исследователями отмечалось также, что особой ценностью обладает для информанта белый цвет, описываемый с помощью сравнений [Волкова, 2004]. Номинации белого цвета сочетаются с обозначениями позитивной оценки: *Была тода' што'рина хоро'ша, таки'... – на благоустро'енну квартиру продавали бе'лы – краси'ва-краси'ва сто'рина! <...>Белы, как снеговы'; Тот-то уж красивый ши'бко был [кот], как зайчик белый; Люда, племянница моя, приносила,*

[23] В.Е. Гольдин трактует иконичность как «придание говорящими предельного сходства своей речи с тем, о чем в ней повествуется» [Гольдин, 2001].

показывала: как кудель от, хоро'ша, бе'ла, хоро'ша [шерсть]; А шерсь кака' хоро'ша – бе'ла-бе'ла.

Красивыми носителю народной культуры представляются некоторые сочетания цветов, например, традиционное сочетание чёрного с белым: *Бе'лы лапки, грудочка бе'ла, и как бантик полосочка такая. Ой, краси'ва! А сам чёрный-чёрный [зверёк]; Хоро'ша корова… пёстра, бе'ла с чёрным.* Положительную эстетическую оценку получают и другие сочетания цветов, но обязательно контрастных: бордовый и зелёный, оранжевый и зелёный, чёрный и оранжевый, чёрный и малиновый: *Да не поверишь – от… зелёный тёмный [материал], а на ём прямо краси'вы таки' маки, бордо'вы; Как от это – мои клетки зелёны, у одеяла, и бордо'вы таки', светло-бордо'вы, это, линолеум это, вы'сланый пол. Красиво-красиво прям, клетки-то: одна бордо'ва, друга' зелёна, све'тло; У Юры двухко'мнатна квартера. <…> И пол там такой это… така' бородо'ва, све'тла, как вроде бы скрасна', и зелёна, плиточка, да краси-иво так прям, не надо и паласа. Красиво сделано; Собаки две было: одна лежала так, друга' сидела собака. Одна была ора'нжева, а втора' была зелёна выткана [на ковре]; Махры' это, когда покрасим, ими ткать будем [дорожку]. Я тку чёрну, например, за чёрной ора'нжеву, потом голубо'…; Костюмчик хороший. Свети'стый такой, разносве'тный. Прям чёрны, и мали'новы там, вся'ки.*

Эстетическая оценка цвета в идиолексиконе практически всегда позитивна, но есть и исключения. Негативно оценивается цвет, во-первых, нечёткий, во-вторых, неяркий, бледный: *Он [о цветке лиловой фиалки] мне не гля'нется. Низкий какой-то, и свет такой неяркый. <….> Нехороший свет. Ну, белый хоть бы был. А то ни туды' ни сюды'. Как мёртвый;* Недостаточно определённый цвет обозначается шутливым *буро-малиновый*: *Сивый такой как вроде бы серый, сбела' он [конь] так. [Шутит:] Сивый, буро-малиновый.*

С эстетических позиций часто оценивается внешность человека: *Красивый такой мужик, чёрненький*; *Прямо дак от хоро'шенькый, беленькый, хорошенькый мальчик был*. Позитивную оценку получает чёрный цвет глаз, ресниц и бровей:

Ресницы-то густы'-густы', чёрны! Да это, брови-то чёрны-пречёрны, глаза чёрны – ну хорошенькый, красивый мальчик!

Негативно оценивается седина (но, скорее, не с эстетической позиции, а с прагматической: как признак старости): *Я не люблю таки' бе'лы воло'сья; Не любила их. Не любила седых волос; Вся прямо седёхонька, худа'. Не худа' она так-то, по'лна, всё – ши'бко седа'; Воло'сья седы', да стра'шны да; Дак кажется, ста'ра она. То седёхонька!*

Цвет предмета также оценивается по прагматическим критериям. Во-первых, цвет может оцениваться как маркий или немаркий, т.е. с точки зрения удобства использования определённой вещи. Во-вторых, в прагматическом аспекте цвет оценивается с точки зрения уместности, соответствия нормам социума. В соответствии с первым критерием, негативно воспринимаются маркие цвета одежды и обуви: *Хоро'ши сапоги. Мне кажется, даже и про'чны они. Только что бе'лы. Облезут?; Мне же, Гево'ргиевна, надо тёмненьку [куртку], куды' таки' – стальной цвет, куды' её? Де како' пятнышко, будет всё видать на её; У меня есь платки, нема'рки, таки', ну вот этот хороший, Люда мне подарила. Люблю я его, тоже тёмный. Зелёненький ешо есь такой. Кашемировый. Так назывался. А это… бе'лы не люблю, платки; А у меня там – беленька, две кофтёнки… три даже белых. Ну куда их, бе'лы-то?* Подобные примеры весьма многочисленны. Предпочтение тёмных тонов в одежде становится поводом для самоиронии говорящего: *Я не люблю бе'лы [платки], стирать, наверно, ленива, иттого', ага?* Однако в данном случае имеет место некоторое лукавство, т.к. выбор одежды определённого цвета определяется не только соответствием её прагматическому требованию меньше пачкаться, но и одновременно – соответствием норме коллектива.

О.Б. Ермакова отмечает: «Человек постоянно выбирает цвет, и этот выбор осуществляется в соответствии с индивидуальными предпочтениями в рамках той социальной нормы, которой человек принадлежит» [Ермакова, 2007а, с. 25]. Для В.П. Вершининой референтная группа – это пожилые жительницы её села. Коллективная норма предписывает, что одежда пожилого человека должна быть,

скорее, тёмной и, как правило, однотонной: *А… купила платок, кремовый, а Поля гыт: «Она таки' не любит» – ну раньше-то я носила, а теперь какой мне кремовый платок?; Не люблю свети'сто [одежду]. Молода' была не любила, а теперь куды' светно'?; У меня плохая, у меня свети'ста [юбка]. А я не ши'бко люблю свети'сто.*

Эмоциональную реакцию получает несоответствие цвета возрасту: *А она гыт: «Воротничок белый изде'лай, и грудочку так бе'лу вставь, ишлачка' бе'лы, пояс белый изде'лай…». Я говорю: «Ну пионерка буду настоя'шша»*. Обозначение цвета сочетается с обозначением эмоции: *Я говорю: «Я плат**о**к белый не надеваю счас даже, думаю, мне стыдно как-то белый надеть, ей богу!* Информантом осознаётся коллективный характер данной нормы, её нарушение становится темой небольшого развёрнутого рассказа: *У меня платок был – как вроде бы красный, малиновый такой, шерстяной. <…> А я это, надела его да пошла в магазин. А Шура гыт: «Ой, Вера, ты подумай-ка, нарядилась в какой платок!» Это Марусина сестра-то. «От я бы, например, не надела». А я даже и ничё, ни к чему, чё в деревне да чё да? Я говорю… А с тех пор я его не стала носить [смеётся]. Гале подарила. Гале Нечи'нской подарила. Р**а**з надела, она мне наговорила: «Вера-то кака', подумать надо, какой платок надела! А я бы, гыт, не надела!» А я посмотрю – Поля в красном, Гутя в красном…*

Красивые, яркие, светлые наряды более молодых людей оцениваются позитивно*: Костюмчик хороший. Свети'стый такой, разносве'тный. Прям чёрны, и мали'новы там, вся'ки; А она сидит в костюме, Вера-то, бе'ла кофта на ней, да вся наглажена, да представи'тельна сидит; Оделась, чёрна юбка, зелёна кофта, так прибрала'сь – прямо куды' с добром женщына!* В этих примерах совмещаются эстетическая и прагматическая оценка (важно, чтобы одежда была не только красивого цвета, но и опрятна – *вся наглажена*). В то же время отвергается информантом яркая обувь: *Слушай, Лена наша, внучка-то, она собиратся: «Не знаю, чё надеть на танцы. Надену, наверно, галоши я». Ей-боγγ! Я говорю: «Да ты чё, с ума сошла ли чё ли? Пошто' в галошах-то пойдёшь?» – «О'споди, ты, баба, не знашь? Мода!» Дак вот эти рези'новы сапоги, ро'зовеньки-*

то, носили. Здесь все идут, как гуси кра'сны, ноги; Не люблю кра'сно [обувь]. Как гусь. Яркие цвета обуви считаются неуместными.

В идиолекте зафиксированы приметы с номинациями *красный, белый, чёрный.* Именно эти цветообозначения чаще всего используются в фольклорных текстах [Башарина, 2000; Тараканова, 2012б и др.]. В народных приметах цветообозначения получают максимально обобщённое значение ‘нечто хорошее’ – ‘нечто плохое’, т.е. символизируются: *Ну говорили, так говорят кода': если корова идёт вперёд… вперёд, бе'ла – то хоро'ша погода будет. А если идёт корова чёрна, то, значит, пасмурный день будет, это я знаю, говорят; А… дак бе'лы пятнышки на ногтях, то на правой руке – это к обнове, чё-то обнова будет; Я вот во сне вижу кра'сну ягоду – к хорошему.*

Итак, в лексиконе диалектоносителя обозначения цвета представлены девятью микрополями, включая ахроматические цвета (*белый, чёрный, серый*), цвета спектра (*красный, розовый, бордовый, оранжевый, жёлтый, коричневый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый* и др.) и обозначения «цветовой неоднородности» (*пегий, цветной*).

Обширность микрополя цвета зависит от количества включённых в него единиц и их частотности. По количеству единиц наиболее обширно микрополе обозначений красного цвета, наименее дифференцирована область зелёного цвета, что соответствует общеязыковым закономерностям. По частотности самым обширным является микрополе обозначений белого цвета; у′же всего оказываются области коричневого, фиолетового, оранжевого. Ядерными являются обозначения *белый, чёрный, красный, жёлтый, зелёный, серый*, на периферии идиолексикона находятся названия оттенков (*лиловый, бордово-коричневый, оранжевый, фиолетовый* и др.).

Кроме собственно тона, цветообозначения могут передавать такие дополнительные компоненты значения, как блеск (лексема *стальной*, а также сравнительные обороты *как золоты', как сере'бряны*), насыщенность (ср. *розовый* и *вишнёвый* – отличающиеся по насыщенности оттенки красного). Большинство

отмеченных черт являются общими для рядовых носителей русского языка. В то же время система цветообозначений диалектоносителя включает ряд областных номинаций цвета (*бусый, огоньковый, поднебесный).* Диалектная специфика наблюдается и в семантизации некоторых общерусских обозначений цвета. Например, лексема *красный* используется в значении ‘розовый, румяный’, *жёлтый* – в значении ‘цвета сливок’ (в ПСДЯЛ они классифицируются как диалектные варианты общерусских слов). Чаще всего характеризуются по цвету объекты живой природы, человек и артефакты.

Цветовые предпочтения связаны с социолингвистическими характеристиками и индивидуальными чертами ЯЛ. Цвет оценивается с эстетической точки зрения: красивы, по мнению диалектоносителя, чистые, яркие, насыщенные цвета, а также их контрастные сочетания. При оценке цвета используется также прагматический критерий, в этом случае преобладает негативная оценка, ценными оказываются «немаркие», тёмные тона. Именно в критериях оценки цвета (а именно: в наличии прагматического компонента наряду с эстетическим) видится основное отличие от использования цветообозначений в художественной речи. В то же время наличие оценочных компонентов является общей чертой использования цветообозначений в художественном тексте и устной речи.

2.3 Обозначения света

К обозначениям света относятся прилагательные *светлый* и *тёмный,* а также однокоренные им наречия и существительные. И.Г. Рузин классифицирует эти прилагательные как градуальные (наряду с обозначениями размера и в отличие от обозначений цвета). Это значит, что значение лексем определяется не представлением об эталоне, а представлением о норме, «среднем значении». К обозначениям света исследователь относит антонимические пары *яркий/тусклый, прозрачный/мутный*, *светлый/тёмный* [Рузин, 1994, с. 91]. Светоообозначения

исследованы в работах [Рузин, 1995, Мещерякова, 2002, Григорьева, 2004, Кульпина, 2007, Овчинникова, 2009, Кокорин, 2012, Двизова, 2014 и др.]. Во многих других случаях изучаются только цветообозначения.

В речи В.П. зафиксировано 40 лексем со значением света, яркости, блеска. Всего проанализировано 90 контекстов с ними, многие единицы отмечены в единичных употреблениях. Эти обозначения относятся к разным частям речи: имена прилагательные (*светлый, блестящий*), глаголы (*блестеть, сиять*), слова категории состояния (*светло, темновато*), имена существительные (*свет, темнота*), наречия (*впотьмах*). Используется также фразеологизм *как жар гореть* и 14 сравнений (глаза *как искры, как у я'стрепа*). Можно отметить метонимическую номинацию *солнце* ‘свет, излучаемый этим светилом’. Отмечены диалектизмы: словообразовательные (*мути'нка*) и семантические (*мутные глаза* – ‘поблёкшие’).

Отвлечённое обозначение свойства практически не употребляется: *И е'ти, прям, астры, дак совсем не растут. Сколько я их посадила? Давно уж. [Может, света мало?] Наверно, <u>света</u>.*

Можно выделить противопоставления *светлый – тёмный; блестящий – матовый; яркий – бледный; прозрачный – мутный*. Границы между обозначениями этих подгрупп достаточно зыбкие, ср. *светлый* ‘блестящий’*: Нет! Таки' назывались [сундуки], «с зерькалами». Ну как нержавейка <u>све'тла</u> така'; све'тить* ‘блестеть’*: Николай, тот подточит, принесёт пилу… Я пойду, она прямо… как сере'бряна там зубы, <u>све'тют</u> только.*

Наиболее частотны обозначения *светлый* (20) и *тёмный* (18). Эти лексемы многозначны, образуют антонимическую пару. Несколько чаще представлены единицы группы «тёмный» (15 ЛСВ, 52 контекста). Антонимичные обозначения представлены 6 ЛСВ в 30 контекстах. Обозначения *светлый, тёмный* и однокоренные им единицы довольно часто характеризуют состояние природы: *Вот вчера посмотри: <u>светло'</u>, а всё двенадцать часов; А ночью <u>светло-о-светло</u>! Луна большая; А <u>тёмно</u> ночью, <u>тёмно</u>, да мороз; Передают уж сорок с чем-то*

минут восьмого, а темновато; На сколько день-то убыл, намного. В десять уж темноти'шша.

Что касается противопоставления *блестящий – матовый*, то чаще используются единицы, принадлежащие первому из названных полюсов (*блеск, блестящий, блестеть, сиять, перламо'товый* ‘перламутровый’, *све'тить* ‘блестеть, сверкать, отражая свет’, *отсвечивать*). Данные единицы характеризуют артефакты, редко – натурфакты: *Матери хороший сервиз привёз в подарок – знашь, какой? Перламо'товый*; *Риза така' блестя'шша на ём [священнике]; А дожжык пройдёт, бе'лы грыбы' только блестят!* В данном микрополе высока доля образных единиц. Для обозначения блеска диалектная ЯЛ использует 4 сравнительных и 1 фразеологический оборот: *как звезды, как золото, как золоты', как серебряный, как жар горят / горел.* Все они имеют позитивную эстетическую оценку, что отмечено в ПСДЯЛ. Для обозначения матовых поверхностей используются только сравнительные обороты (*как кирпич, как кирпичом намазано, как кирпичом натёртый*).

Признак «яркость» номинируют 6 единиц (*яркий, ясный, как искры* и др.), «бледность» – 4 (*бледный, неяркый, как мёртвый, как покойники*). С помощью этих единиц чаще всего характеризуется внешность человека, реже представлены характеристики других объектов (продуктов питания, цветка): *Чё-то какой-то бледненькый он [мальчик]; Они [булки] бле'дны каки'-то – как па'ски [усмехается]. Аγа. То ли жарко посо'дишь, то ли как?*

Среди обозначений прозрачности (*прозрачный, как слеза, как стеклянный*) и непрозрачности (*мутный, мутноватый, мути'нка*) чаще используются вторые (7 единиц из 10). Обозначения данного микрополя сочетаются, как правило, с номинациями артефактов и пищи, а также характеризуют природные объекты, глаза человека: *Зеркало хочу убрать, чё-то вроде помутилось всё, худо' стало; А эти [огурцы] всё равно, мутятся. Глядишь – уж они замутились; Два года стоят [солёные огурцы], даже нигде никакой мути'нки в их нету!; Нет, прозра'чны*

[крылья у реколо'мки], как у комара; Ну тоже как вроде темноваты таки' [глаза у младенца], ну, не знаю, как му'тны таки', как вроде ка'ри будут.

Коннотативные компоненты значения светообозначений

Для архаических представлений свойственна однозначно положительная оценка света, а также таких свойств, как блеск, яркость [Кульпина, 2007]. В идиолекте В.П. Вершининой при оценке данных свойств сохраняются некоторые следы этих традиционных представлений, сопрягаются эстетическое и прагматическое начала.

С позиции прагматики, как уже упоминалось, положительно оцениваются тёмные цвета: *Ну… а я бы... да и то бы, может, взяла бы: тёмно тако', кори'чнево, и на ём светы' каки'-то таки', как вроде бы… вишнёвы. Ну, хо… хоро'ше… тако' платье, тёмненько***.** С другой стороны, предметы, предназначенные для украшения, приёма гостей должны быть светлыми, вопреки прагматическому критерию: *А тут така' се'ра [скатерть] с кистями [в]он, в шифонере лежит, но'венька. Не люблю таку', тёмну.* Нормой является наличие достаточного света в доме: *Туды' дальше в зал зайдёшь – зал хороший такой, да солнце всё; Сильно он [тополь] меша'т. Солнце заходит кода', солнце идёт в окна-то, а окна-то ни'зеньки у меня – сильно мешает.*

С эстетических позиций положительно оцениваются как светлые, так и тёмные предметы. Типичным (при оценке с эстетических позиций) можно считать оценку тёмного как плохого: *Хотела дверь покрасить, а чё-то она [краска] мне не погляну'лась, тёмна. <…> она темно'… тёмна, претёмна. И я бросила, не стала.* В отдельных случаях обозначение *тёмный* имеет компонент позитивной эстетической оценки: *А Наталья купила [шубу], сноха – за миллион триста, козью. Чернова'та, гыт, така' хоро'ша! Лучше той, гыт. А у ей, гыт, така' темновата, сшита хорошо… хоро'ша.* В приведённом примере разграничить эстетическую и прагматическую оценку не представляется возможным (тёмная

шуба может быть и немаркой, и красивой одновременно). В другом примере речь идёт о предмете, сопряжённом с ритуалом похорон, поэтому эстетическая оценка сопрягается с представлением о норме, традиции, предписывающей, скорее, тёмные тона: *Бордовый лучше, конечно. От это счас гроба' оббивают – ну он тоненько какой-то матерьял, под вид шёлку ли кого ли там какой-то… Ну, краси-ивенький такой! Тёмный, бордовый.*

Положительная эстетическая оценка блеска регулярно выражается в высказываниях информанта. Объектами могут быть, во-первых, ювелирные украшения, во-вторых, предметы домашнего быта: *От такой медильо'нчик. <...> А на ём эти <...> как хруста'льны, бе'леньки – много-много их, подряд прямо! Ну они итлива'ют, краси'вы таки'!; И там всё была эта, брошка ли кто ли она там? <…> Таки', ну как звёзды, эти камушки, прямо от как жар горят!; Он [сундук] краси-ивый был, блестел, как жар горел. А я это… теперь от приржа'вел чё-то; Скрасна' [пол]. Красивый. Са'мо гла'вно, блестит.* Можно отметить, что среди блестящих артефактов высокую оценку получают также предметы, строения, сопряжённые с религиозной сферой: *Нет, была у меня иконка. <…> Открывалась, закрывалась. Там прям всё как золото' было… краси'ва была.*

Матовые поверхности описываются с помощью сравнительных оборотов, имеющих негативную эстетическую оценку: *Я покрасила пол-то, а он не блестит, как кирпичом натёртый. А я думаю, с лаком, может, полу'чче было [бы]…; Она [краска] как кирпичом намазано было, у ей ни блеску, ничё не было, она давно'шна.* В данном случае сравнение обозначает и цвет (ср. *кирпичный*), и отсутствие блеска. О значимости свойства «блестящий» свидетельствует выбор эстетического критерия как более важного по сравнению с прагматическим, что нетипично для информанта из диалектной среды: *Теперь опе'ть мода пошла не блестя'шша [мебель], пыль ши'бко заметна. А я говорю: «Блестя'шша-то лучше».* Позитивная оценка характерна и для описания зеркальных поверхностей, отражающих свет: *Не-ет! Таки' [сундуки] назывались, «с зерькалами». Ну как*

нержавейка свe'тла така'; Хоро'ша стенка. Ну, правда, там зерькало'в нету. Никакого отраженья-то нет, как вроде бы и… некрасиво.

Выделяется группа сравнений, описывающих глаза человека, с общим значением «блестящий, выразительный»: *От этот Лексе'й сидел у меня, <...> да глаза-то как у я'стрепа прям, ясны таки', да взра'чны да…; А Колька, он же хорошенькый так, чёрненькый только. Глаза дак у его прямо как огни горели; А он чернобровый такой, да румяный сидит, да глаза-то прямо как искры горят чёрны – ну, красивенькый.* Сравнение глаз с огнями, искрами, глазами ястреба, как и употребление эпитета *ясный,* восходит, видимо, к фольклорной традиции, где особое внимание уделяется глазам человека как «зеркалу души». Отсутствие блеска в глазах свидетельствует о болезни или о старости: *Глаза-то размиｍ'лы всегда как сияли, а счас каки'-то мутня'шшы таки' [у заболевшего племянника]; Вот у нас у отца были чёрны глаза. А после какие-то му'тны, се'ры стали таки'.* Использование лексем *мутный, мутня'щий* в значении ‘тусклый, поблёкший’ является диалектной особенностью, для литературного языка подобная семантика данных прилагательных нетипична.

Несмотря на отчётливую тенденцию к положительной оценке блеска, в двух примерах эти обозначения не имеют положительных коннотаций. В первом случае речь идёт о блеске вследствие загрязнения: *[Эта кофта немаркая, не скоро стирать.] Угу. Когда заблестит, тогда…* Во втором случае объектом является повреждённая часть тела: *Гли, рука-то кака': блестит [от удара, синяка]!*

Бледность кожи также достаточно однозначно связывается с болезнью, соответствующие обозначения имеют негативные коннотации: *Да было кровью изошла. <...> Бле'дна-бле'дна стала!; Суха', лицо прям худо', бле'дна… худа'; А Нюра заболела, сестра-то её, желудок заболел, бе'ла-бе'ла, воскова', воскова'!* Народный идеал красоты предполагает человека здорового, способного к работе [Иванцова, 2002], поэтому бледность, как и худоба, оценивается отрицательно. В данном случае проявляется яркое отличие народного и элитарного идеалов

красоты: для последнего в большей степени характерна положительная оценка бледной кожи, что связывается, в частности, с аристократизмом.

При описании продуктов питания лексема *бледный* также имеет негативные коннотации, так как это свойство может означать некачественность пищи: *Сырой. Он белый, бледный [хлеб]. Я не знаю, кого тут – пекла, раз испекла, да другой раз. <…> Бледный был у меня, обо'е раза'. <…> Ну не зарумянились, такой белый [хлеб]. Белёхонькый.* Как при описании человека, так и при описании пищи *бледный* противопоставляется *румяному*, соотносимому с народным идеалом красоты, здоровья/полезности. Ассоциативная связь бледный – ‘безжизненный’ актуализируется через внутреннюю форму сравнений *как мёртвый, как покойники*: *Они [не поджарившиеся голубцы] как покойники у меня; Он [о цветке лиловой фиалки] мне не гля'нется. Низкий какой-то, и свет такой неяркый. <….> Как мёртвый.* Данные сравнительные обороты являются ещё одним подтверждением того, что бледность в народной культуре оценивается резко негативно.

При описании прозрачных предметов отмечается позитивная оценка, при этом преобладающим может быть прагматическое начало: *А я люблю тоже тако' <…> прозрачный холодец; А кото'ры простерилизовала [огурцы], те лучше. Прямо как стеклянный рассол! А эти му'тны.* Прозрачность свидетельствует о высоком качестве: *Не мутны [лекарства] – значит, они не испортились.* В других случаях наряду с прагматическим более явно выражен эстетический критерий оценки: *А ки'слица! – ой, пойдёшь – как слеза прямо це'ла ветка*.

Таким образом, обозначения света в идиолекте образуют достаточно компактное поле, употребляются в целом нечасто. В художественном тексте их, видимо, гораздо больше: так, Е.В. Свинцицкой в 3-х романах М.В. Булгакова выявлено 155 лексем со значением света, более 1000 употреблений [Свинцицкая, 2004]. С помощью обозначений света информант характеризует состояние природной среды, артефакты, отдельные аспекты внешности человека (блеск глаз, бледность кожи), а также продукты питания.

Оценочные контексты свидетельствуют о сохранении в сознании информанта некоторых архаических смыслов, свойственных словам данной ЛСГ. Этот тезис подтверждается и высокой долей образных единиц в составе микрополя (около 30%). Свет, блеск, яркость оцениваются практически всегда положительно, противоположные свойства – отрицательно. Выявлена культурная специфика оценки внешности человека: если в элитарной культуре бледность имеет позитивные коннотации, то в народной – только негативные, так как свидетельствует о болезни человека.

2.4 Обозначения размера

Номинации в составе этого семантического поля далеко не всеми исследователями учитываются при изучении лексики чувственного восприятия. Данные обозначения рассматривались наряду с обозначениями цвета, формы и т.п. как на материале литературного языка [Шрамм, 1979, Рузин, 1994, Рахилина, 2008], так и на материале просторечия [Лещинская, 2008а]. Некоторые принципиальные замечания о семантике параметрических прилагательных сделаны также Н.М. Рябцевой [Рябцева, 2000]. Учёные неоднократно обращались к анализу многозначности обозначений размера [Шрамм, 1979, Ташлыкова, 2004, 2005, 2007]. Анализировались также особенности их употребления в художественных идиостилях И.А. Бродского [Мельникова, 2010], И.А. Бунина [Мещерякова, 2011].

Обобщив названные исследования, можно выделить такие особенности обозначений размера в речи, как:

1) относительность: «…*большой дом* и *большая книга* несопоставимы по своим размерам… оценка величины ориентируется на норму, индивидуальную для каждого предмета» [Рахилина, 2008, с. 129];

2) оценочность: «Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько, в некотором роде, их оценочными аналогами» [Рябцева, 2000, с. 108];

3) тесная связь с другими семантическими полями. Например, размер часто связан с формой объекта (см. подробнее [Рахилина, 2008, с. 122, 138]; иногда отнесение слова к одной из этих групп вызывает трудности (*продолговатый*). Обозначения размера сохраняют также словообразовательную связь с обозначениями количества: *крошечный – крошка* [Рябцева, 2000] и пространства: *высокий – высоко*. Некоторые особенности пространственной лексики В.П. Вершининой проанализированы в работе Л.Г. Гынгазовой при описании концепта «Пространство» [Гынгазова, 2007], изучалась также пространственная лексика среднеобских диалектов [Курикова, 2006, Смолякова, 2006].

В идиолексиконе В.П. представлена 221 единица, обозначающая размер. Для обозначения размера в идиолекте используются, в основном, сравнения (*с бычью голову, как тарелка, как мошки, как гво'здики*), часто – имена прилагательные (*большой, крупня'ный, небольшой, минитю'рненький*), отдельные имена существительные (*толщина, вышина, крошечка*), редко слова других частей речи (наречия: *тонко* и др., глаголы: *сву'зить* и др.). Как отмечалось исследователями, при использовании диалектной ЯЛ сравнений чаще всего основанием сравнения служит величина предмета [Волкова, 2004, с. 117].

В составе размерных номинаций отмечены отвлечённые номинации признака, относящиеся к периферии поля: *[Боярка, она вку'сна!] Да я не на вкус говорю, а величиной. Покрупней те; А у меня там ма'ленька [духовка], там койка у меня чтобы вошла – кто, Лексе'й Николаич мне делал по размеру, ма'ленька.*

В лексиконе диалектоносителя можно выделить две группы размерных номинаций. Первую образуют общие обозначения размера (*большой, крупный, небольшой, маленький*), вторую – номинации его частных параметров (*широкий – узкий, длинный – короткий* и др.). Частные и общие обозначения могут вступать в отношения синонимии: *высокий* (о человеке, животном) – *большой, здоровый*.

2.4.1 Общие обозначения размера

К ним отнесены обозначения, описывающие величину объекта в целом, а не отдельного его параметра: *большой, большу'чий, крупный, некрупный, маленький, ма'лесенький*. Микрополе состоит из 116 единиц.

Ядром микрополя является лексема *большой* (750), частотны также обозначения *маленький* (453), *мелкий* (95), *крупный* (53), *здоровый* (48). Редки (от 1 до 5 употреблений) обозначения *порядочный, богатый*, *матёрый*, *корыстный* с общим значением ‘большой по размеру’, а также *громадный, огромный, некрупный, чу'точный, минитю'рненький.* Собственно размерное значение выделяется также у оценочного прилагательного *хороший*: *Я говорю: «А чё? В день калач съись – ничё, не страшно, я съедала. [Калач какой величины?] Ну хороший такой калачик, поди, килограмм-то будет.* Сравнения, как правило, отмечены в единичных контекстах. Общие обозначения включены в синонимо-антонимическую парадигму: *большой, крупный, здоровый – небольшой, маленький, меленький*, *мелкий*. Номинации *большой, маленький, небольшой, мелкий, крупный* многозначны.

На семантическом основании выделяется три группы общих обозначений размера: обозначения большого, малого и среднего размера.

Обозначения большого размера представлены 69 единицами (40 из них – сравнительные обороты), это самая обширная группа: *Ну, а у них больша' квартира-то?; У меня гряда' больша' огурцов; Но'нче они [помидоры] кру'пны, высо'ки – барнау'льски; Доедай! О'споди, дак они коры'стны [разве]? Ма'леньки [котлеты]; Валя идного' ро'стят [поросёнка] – ну они… у Вали поря'дошны таки'. К Новому году будут колоть; Щепёточку сахару, щепёточку соли, и ложку хоро'шу горчицы; Ну, сразу таку' махе'нь [о большом доме] поставить!* Употребляются разнообразные усилительные формы: *А коловорот большущий, вот такой вот вышины; Кружку [браги] налила большу'щу; Кухня большу'ча-пребольшу'ча, там спа'льна, и сенки, и веранда, и кладовка, семь во'кон больших; И всё ходила – вот така' земляника была, кру'пна-прекру'пна!; Да крупня'на-то кака' была! Земляника-то; Шафраны свели', матеру'чи таки' были – вот недавно*

выдергала. Значение ‘очень большой по размеру’ выражается, кроме того, отдельными лексемами: *Ну а здесь здоровый во'стров будет, здесь тальнику' и чё попало нарастёт; Большу'чий, ноги то'лсты, шея… Агрома'дный кони'шше; Ему гыт, «вазу мне огро'мну, гыт, дали, хруста'льну, часы, гыт, большу'чи таки' стеновы' с боем дали, как подарки, премии, и, говорит, столы таки' были – на пятьдесят семь миллионов только набрали»*. Используются единицы с наличием дополнительного оценочного компонента в семантике, так, прилагательное *неиккура'тный* имеет оттенок негативной эстетической оценки: *Я не хотела резать совсем [огурцы]. А они таки' больши' сильно, неиккура'тны*. Часто употребляются сравнения: *Больши' бокальчики, ну, со стакан хороший будет; И перец от такой накла'ла, как банки литро'вы; [В]он у Татья'не курицы каки' хо'дют, как утки, ли гуси; Ну ей [тёлке], наверно, поди, год. Ну она ма'ленька. От у наших год, дак больша-а тёлка, хоро-оша! У Коли-то. Как корова; Кака' больша' [ягода], здоро'ва… как корова*.

Обозначения маленького размера представлены меньшим числом единиц (45): *Я говорю: «Огородик у меня маленький»; [Что здесь растёт?] Ма'лесенькый-то? Перец; Гена здорову'чий, а Валя малю'сенька; Ну луку-то, мелкого луку, совсем мало осталось; Привезли Аксинью туды', а у ей там шишка и небольшой шыра'м; Она [картошка] некру'пна родится, но вку'сна.* Возможен дополнительный компонент ‘изящный’: *Десяточек [вилок] возьму, они похожи, вот таки', минитю'рненьки, купила.* Для характеристики предметов по размеру диалектная ЯЛ использует имена существительные, в том числе метафорические: *Срывала помидорки кра'сеньки <...> ма-аленьки таки'… крошечки; Ве'дер сто накопала я, с мелочью [о картошке]; Кака' там картошка будет? Выдернешь, а там какой-то… горошки таки'. Копала, смотрела.* Часто ЯЛ употребляет сравнительные обороты для обозначения небольшого размера: *Ко-ое-де ягодки, чу'тошны, как... мошки; А но'нче я покопала – там от таки' [мелкие картошки], как мышата кра'сненьки; Ма-аленька, как иголочкой кольну'та, дырочка [в*

бидоне]; А ты ел, Аня печенье покупала? Ме'леньки. Как червончики таки' [о крекере].

Обозначения среднего размера используются редко, представлены всего двумя единицами: *Я так, сре'дня. Худа' ши'бко не была и ни суха' не была, то'лста ши'бко не была; Ну, так сре'дненьки [размером], хоро'ши яички.* Сравнений в данной подгруппе не отмечено.

2.4.2 Обозначения частных параметров размера

Вслед за Е.В. Рахилиной можно выделить 5 параметров размера: высота, длина, толщина, ширина, глубина [Рахилина, 2008]. К этой группе отнесено 105 единиц в речи В.П. Зафиксированы отвлечённые названия всех параметров величины: *А берег там на сорок метров вышины; Така' вот [гряда], ме'тру, наверно бы, шириной, больше, и метра два долино'й; И капуста, и огурчи'шки вот таки' вот, в вилку толшшыной, нарежу прямо ломтями; Прихожу домой, а у меня вся гряда' <...> вот таки' сле'дья, вот таки' глубиной, собачьи.* Для обозначения всех параметров, кроме глубины, используются сравнения: *Георгин был – да вот, поди, с и'збу был вышиной, да букеты вот таки' – вот красный весь сидит, а в серёдке жёлтеньки; Ну вот таку' грядку посадила, с и'збу-то, наверно. Или покороче, может. Маку; А па'ски [куличи] настря'пат [мама] – ой, краси'вы! <...> Хре'стики таки'... ну, от таки' были, поменьше даже. От таки' были хре'стики. Ну, не как мои пальцы, потоньше'; Ну как ит окна, например, до печки, дальше даже, – широкый такой, от такой ширины – го'лбчик [деревянный настил у печки].*

Обозначения дифференцированных параметров размера вступают в системные связи. Так, отмечены синонимо-антонимические парадигмы *длинный, долгий – короткий; толстый – тонкий; толстый* (о человеке), *полный, солидный – тонкий* (о человеке), *худой*. В данной работе рассматривались только лексемы

толстый, тонкий (в том числе в контекстах о человеке); обозначения *полный, солидный, худой* и т.п. не рассматривались.

Наиболее важные свойства для диалектной ЯЛ, по-видимому, высота, длина и толщина: их номинации наиболее разнообразны и употребляются чаще всего.

Обозначения всех трёх групп характеризуют разные типы объектов: человек, продукты питания, артефакты, объекты живой природы.

При характеристике человека отмечается размер отдельных частей тела: *Живот большой у него, сильно большой*; телосложение в целом: *Большой [сын]. Ну больше отца-то он, однако. Поди, больше, Аксинья? [Да кто его знат. Здоровенькый.] Здоровый такой. Ну он с его-то [с отца] будет, счас, наверно, ли побольше ли. Толстенькый. А Лена вовсе высо'кенька; Гена здорову'чий, а Валя малю'сенька*, рост: *Николай [брат] был маленький, так не ши'бко ростом большой был. А я больша', и тя'тя большой был*.

Часто характеризуются по размеру продукты питания: *Больши' таки' четыре пирога состряпала; А он [чеснок] меленький, некрупный; А половина картошек были каки'-то други', – бе'лы да ешо каки'-то, – они быстро в**ы**росли, больши' таки'!* Обозначается также размер артефактов и объектов человеческой деятельности: *Я не знаю, больша' ли нет деревня; Избушка ма'ленька, меньше моей; А холодильники обо'е – больш'учий один, один такой маленькый, как мой, – всё забито; А там же огород богатый, большу'чий*.

Среди природных объектов, характеризуемых по размеру, можно выделить животных, растения, объекты неживой природы: *И там ешо ры'жа собака у них, больша-а така'; Они [комары] прям гудят, малю'сеньки таки' – не дай бог!*; *Ну там ма'леньки бархати'нки таки', ни'зеньки свету'т; Ну а здесь здоровый во'стров будет, здесь тальнику' и чё попало нарастёт.*

Номинации *высокий, низкий, толстый, тонкий* характеризуют прежде всего человека: *Латыши были, здоро'вы-здоро'вы были, прям под потолок. Сильно высо'ки были; Она ма'ленька, ни'зенька, ниже Кольки; Красивый такой мужик, чёрьненький. Высокый*. В меньшем числе контекстов обозначается размер

артефактов: *Стенка така' высочу'шша, во всю стенку прямо, высо'ка!; У меня какой-то низенькый холодильник; Ну я сама поела, сама один ломоть так отре'зала целый тоненькый; Гена у нас любит [блины] как бумажечки: «А чё таки' то'лсты?» А ему тонких двадцать штук надо.* Иногда с помощью данных единиц характеризуются растения, животные: *Ну, там ма'леньки бархати'нки таки', ни'зеньки свету'т. Внизу, как шыфра'ны же, только ни'зеньки они; Кони здоро'вы таки', высо'ки были!; Ма'леньки свини'шки у ей – ма-аленьки, небольши'… таки' [жестом показывает размер] будут, то'неньки.*

Обозначения длины (16 ЛСВ) характеризуют, в основном, неодушевлённые объекты: *Володя стал резать коро'теньки [дрова]. Я говорю: «Мне таки' не надо». А он… удо'брился. Долгу'чи нарезал. Чуть не с ме'тру; Огурцы – нероси'мы, краси'вы таки', дли'нны – маринуем их; Коля взял там один большой, долгый [нож], А пироги эти, наверно, с капустой, *долгеньки;*[24] реже – человека: *Она в е'тем платье долгу'чем стои'т, сама'-то дли'нна; Саша хороший такой! <…> Выше отца, однако. Как струна стоит долгу'чий; А он же [мужчина] коротенькый, маленький, а размер-то [брюк] большой.*

Обозначения ширины (17 ЛСВ) характеризуют артефакты: *Эта лента <…> всё бантами, бантами таки'. А конец – таки' широ'ки ленты до по'лу были; Двухлитро'вы кринки: тут широ'кенько, а тут у'же, знашь, каки'? Не видывала?; А у него у'зенька така' скамеечка, лавочка-то эта;* части тела человека: *А зеркало тут, я взгляну'лась – глаза-то у'зеньки-преу'зеньки, да вся опухла, да гря'зна!;* натурфакты: *Ельцы' таки', и… как их, подъязки, нет, как их зовут-то? Широ'коньки-то таки'? Чебаки'.*

Обозначения глубины используются реже всего (представлено 10 ЛСВ): *Воронка, глубо'ка ямина там; Аксинье голову мале'нько так проломили, – ну у ей такой, мелкый [шрам], как кожа сдёрнута.* Последний пример несколько нетипичен, т.к. в узуальных употреблениях *мелкий* характеризует глубину водоемов [Рахилина, 2008, с. 137].

---

[24] Отнесено и к обозначениям формы.

2.4.3 Коннотативные компоненты значения номинаций размера

Для общих обозначений размера характерны оценочные характеристики. Как позитивную, так и негативную оценку могут приобретать обозначения и большого, и маленького размера. При характеристике даров природы, выращенных собственными руками овощей и ягод, а также многих продуктов питания большой размер – желательное свойство, поэтому он оценивается позитивно: *Раньше мно-ого земляники были, чистой да… <...> Дак траву раздерёшь, она така', как клубника эта, как виктория [крупная]. Ой, кака' хоро'ша!; Огурцы хороши, больши' таки' – какой урожай будет, не знаю; Прошлого'д морковь хоро'ша была, кру'пна; Хоро'ши перчи'нки были у меня. Ну у ей-то [соседки] прям – как банки литро'вы; А виктория наросла от така'. Ой, как яйца!* <...> *Кру'пна, прям кру'пна! Хоро'ша.* То же касается выращиваемых на мясо животных: *Коровка-то шла, кака' хоро'ша, краси'ва-то кака'. Тьфу-тьфу-тьфу [сплёвывает через левое плечо], не изурочить бы! Сы'та, здоро'ва, больша', краси'ва; Валя идного ро'стят [поросёнка] – ну они… у Вали порядошны таки'. К Новому году будут колоть; Ну ей [тёлке], наверно, поди, год. Ну она ма'ленька. От у наших год, дак больша-а тёлка, хоро-оша!*

Положительная оценка значительного размера может быть связана и с удобством пользования чем-либо: *Счас промежуток [между домами] хороший, а тода' ешо больше был* (хороший промежуток – такой, по которому можно свободно пройти или проехать). Позитивная оценка большого размера зафиксирована и в пословице, где прилагательное употребляется в исходном значении: *Катя, ты мне ме'леньку тарелочку дай. [А я большую взяла.] Ну, из большого-то не выпадет; Там де-то побольше ешо есь кастрюля, там на веранде, наверно. В большой вари, не выпадет!*

Большой размер оценивается негативно, если не соответствует представлениям о норме: *Я не хотела резать совсем [огурцы]. А они таки'*

больши' сильно, неиккура'тны; Он [магазин] большой, а там покультурней сделали бы поменьше. Средства' убили, большо' помешшение, как в городе. Негативную оценку выражают и существительные *махе'нь, махи'на: Ну, сразу таку' махе'нь [о большом доме] поставить!* Негативные коннотации присущи также некоторым сравнениям со значением большого размера: *[О слишком крупном печенье]: А ни к чему таки'. Как булки; Ну а огурцов-то тоже… Они как вот таки' вот нарастут <...> как се'менники [о перезрелых огурцах].*

Маленький размер оценивается негативно, если речь идёт об урожае (такие высказывания встречаются чаще всего): *Нету но'нче пошто'-то [смородины]. <...> Ко-ое-де ягодки, чу'тошны, как… мошки; Кака' там картошка будет? Выдернешь, а там какой-то… горошки таки'. Копала, смотрела.* Оценка выражается косвенно – посредством сравнений, метафор. Средством выражения негативной оценки может быть ирония: *Берите помидоры крупня'шшы! [шутливо об очень маленьких помидорах].*

Маленький размер оценивается позитивно с прагматической точки зрения, так как маленькие огурцы наилучшим образом подходят для засолки: *Пошли – только бы, гыт, их [огурцы] как пуговки таки', солить да всё, хоро'ши, гыт, меринова'ть, гыт, прямо хоро'ши.* Позитивная оценка маленького размера может включать не только прагматический, но и эстетический компонент: *Печка как игрушечка была в бане, у меня Николай склал: то ни'зенька, хоро'ша!* (маленькая печь не только занимает мало места, но и красива).

Обозначения размера в устной обыденной речи часто используются экспрессивно, при создании образных средств текста параметры могут преувеличиваться или преуменьшаться. Чтобы подчеркнуть большой размер предмета, часто используется гипербола: *Татьяна Васильевна ро'стит, картошки вырастит с бычью голову; А виктория наросла от така'. Ой, как яйца!* При упоминании маленьких предметов характерно преуменьшение, литота: *Ну, они [помидоры] ши'бко ме'лки, как гнидки; Ну усыпаны [кусты мелкими помидорами], как мошки!* [Иванцова, 2002, с. 250].

Встретился пример негативной оценки размера культового предмета: *Хре'стик, такой тоненькый хре'стик, от такой от <...> [поставили на могилу сестры]. Я говорю: «Ой, хре'стик-то как ребёночку какому-нибудь поставили». Маленькый, не гляну'лся мне.* Недостаточно большая величина креста на могиле, с точки зрения информанта, выражает неуважение к покойной.

Речевой материал показывает, что оценка размера у диалектной ЯЛ часто практическая или гедонистическая (польза, для съедобных объектов – вкус), но может быть сопряжена с эстетическими и даже этическими представлениями.

Оценка присуща дифференцированным обозначениям размера в меньшей степени, чем общим. Обычно в оценочных контекстах речь идёт о внешности человека. Позитивную оценку, по-видимому, приобретает высокий рост (для мужчин): *Высокий, стройный такой, синпати'чный такой, хороший паренёк; Нато'лий. Ну он хороший такой, синпати'чный. Высокый, хороший. Ну, так она ши'бко молода'-то не выглядит, ну така', ху'денька, высо'кенька она – ничё.* Негативно оценивается чрезмерная полнота*: А на лицо-то ничё, а така' толста, неподви'жна. Сильно по'лна; [О молодом мужчине:] И кака'-то толшына на его пошла от така'. От прямо от такой стал, как бочка!*

С эстетических позиций может оцениваться размер отдельных частей тела: *[Как арбуз – это какой?] Хороший. Хорошо выглядит, прямо лицо широ'ко. <...> [То есть не обязательно толстый?] Красивый. Ну толстомордый, конечно; У его ручки коро'теньки таки', аккура'тненьки.* Единичны оценки размера предмета, критерии оценки при этом – и прагматический, и эстетический: *Огурцы – нероси'мы, краси'вы таки', дли'нны – маринуем их.*

В заключение можно выделить стратегии обозначения размера в речи информанта. Указание на размерные характеристики в речи диалектоносителя осуществляется следующими способами[25]:

1) используются номинации единиц измерения длины в сочетании с числительными: *А нога немножко покороче, ну мало, мало. Даже сантиме'тра*

[25] Способы обозначения размера в идиолекте В.П. Вершининой частично проанализированы в работах [Волкова, 2004 ; Иванцова, 2005 ; Гынгазова, 2007б].

нету; Там клеёнку я ей купила два метра; С метру засеяла грядочку это, морковки. В идиолекте используются некоторые устаревшие названия единиц измерения: *Ему [младенцу] гробик там какой – две четверти, поди'; Наснуёшь сте'ну, «стена» называлась десять аршин, это стена.*

2) используются номинации эталонов размера: ‘большой’ (об овощах): – *как корова, с бычью голову, как битюки', как банки литро'вы, как яйца, как дрова, с тарелку; ‘маленький’* (об овощах) – *как мышата, как мошки, как гнидки, как пуговки, как гво'здики; горошки.*

3) В качестве ситуативных объектов сравнения могут выступать:

- дом и предметы домашней обстановки: *Ну вот таку' грядку посадила, с и'збу-то, наверно. Или покороче, может. Маку; А налима-то большо-ого купят! Ну, со стол; По'мер наш рыбак. Угу. Приносил, всегда, со стол шшук принесёт; Ну, дли'нны-то эти батоны. <...> Ой! От со стол длиной;*

- размер тела человека и его частей: *Ну высо'кенька [женщина]. С меня будет она, така' же, наверно; Так не сильно высокий – ну, например, Коли нашего немного выше; А спираль така' то-олста, в палец [у электроплитки]! Она как вклю'чишь её, она прямо всё пыла'т*;

- предметы, предельно близкие к субъекту сравнения: *Дак траву раздерёшь, она [земляника] така', как клубника эта, как виктория [крупная]. Ой, кака' хоро'ша!; [В]он у Татья'не курицы каки' хо'дют, как утки, ли гуси;*

3) размер обозначается размерным жестом, иногда в сочетании с частицей *вот (от)* и местоимением *такой*: *Ноги от таки', эти, следы-то, ма'леньки – тридцать четвёртый, тридцать пятый носила размер; Ма'леньки свини'шки у ей – ма-аленьки, небольши'... таки' [жестом показывает размер] будут, то'неньки.*

Таким образом, размер является одним из наиболее важных качеств, по которым оценивается предмет. Обозначения размера в идиолексиконе диалектной ЯЛ разнообразны: представлены как общие размерные номинации, так и все виды дифференцированных обозначений. Единицы микрополя общих обозначений размера (*большой, маленький*) более частотны по сравнению с

дифференцированными обозначениями размера (*тонкий, низкий* и др.). Сходная ситуация отмечена О. Г. Лещинской и интерпретируется как общая тенденция разговорной речи [Лещинская, 2008а]. Этот факт обусловлен, вероятно, бытовым характером коммуникации, для которой нередко характерна приблизительность.

Характеризуется размер разных видов объектов: человек, животные, артефакты, неживая природа. Чаще объект относится к одному из полюсов шкалы «большой – маленький», редко обозначается средний размер объекта, что отражает характеристики наивной картины мира, где маркируются отклонения от нормы в ту или иную сторону, а сама норма не фиксируется. Обозначения большого размера используются чаще, чем маленького. Здесь наблюдается несовпадение с данными О. Г. Лещинской: в просторечии обозначения маленького размера многочисленнее по сравнению с обозначениями большого, однако эти обозначения не всегда имеют отрицательные коннотации [Лещинская, 2008а].

В отличие от научного дискурса, в обыденной речи рядового носителя языка характеристики размера нередко экспрессивны, они преувеличиваются, преуменьшаются, а также оцениваются, причём оценка зависит как от типа объекта, который характеризуется, так и от ситуации его использования. Можно предположить, что большому размеру в целом присуща позитивная оценка. Этот случай представлен наибольшим числом контекстов, т.е. типичен для информанта. Кроме того, положительная оценочность отчасти заключена во внутренней форме обозначений размера: *хороший, богатый, порядочный*, в то время как денотаты сравнения для маленьких предметов – *гнидки*, *мошки,* за которыми стоят не только маленькие объекты, но и заведомо негативные явления.

2.5 Обозначения формы

2.5.1 Общая характеристика обозначений формы

Обозначения формы в современном русском языке проанализированы подробно в диссертациях Д. Н. Павлова (в сопоставлении с английским языком)

[Павлов, 2007] и Ю. В. Пинжаковой [Пинжакова, 2009]. Это семантическое поле рассматривается также в книге Е. В. Рахилиной [Рахилина, 2008, с. 152–168]. Исследователь делает вывод о том, что значение прилагательного *круглый,* как и других обозначений формы, состоит не в констатации определённого внешнего вида, а в изменении исходной формы данного объекта [Рахилина, 2008, с. 153]. В статье Н. Ф. Спиридоновой дана характеристика некоторых обозначений формы с точки зрения топологических типов, а также анализируется их семантическое развитие [Спиридонова, 2004]. Т. А. Шишкиной исследованы мотивированные единицы диалектной речи, в основу которых положен признак «форма» [Шишкина, 2003].

В лингвоперсонологическом аспекте обозначения формы изучались в текстах И. А. Бунина, при этом упоминаются только номинации геометрических фигур и прилагательные, свойственные книжной речи (*иглообразный*) [Мещерякова, 2011]. Однако, как подчёркивает Ю. В. Пинжакова, в естественной речи подобные обозначения, как и номинации, принятые в геометрии, употребляются редко. В то же время существует обширный класс единиц, заимствованных языком из других лексико-семантических групп для обозначения формы: *кольцо, колесо, брусок, кирпич, звезда* и др. [Пинжакова, 2009]. Такие номинации формы нередко зависят от других характеристик объекта, например, размера.

2.5.2 Обозначения формы в идиолекте В. П. Вершининой

В исследуемом материале представлено 76 номинаций формы, зафиксировано 148 высказываний с ними. Чаще всего используются сравнения, образованные по разнообразным моделям (*шариками, как кольца, под вид колокольчика*). Среди имён существительных, обозначающих форму, есть как наименования геометрических фигур (*круг, квадрат*), так и обозначения предметов, используемые метафорически (*кирпич* хлеба*, шапка* пышных цветов). Отмечены также имена прилагательные (*круглый, квадратненький*), несколько

наречий *(крест-накрест, зигзагами*). Синонимия и антонимия для обозначений данного микрополя нехарактерна.

Наиболее частотны обозначения *долгий* (20), *долгенький* (10), *кругленький* (10), *палка* (9), *аккуратненький* (9), *круглый* (7). Для данного микрополя характерна обширная периферия: бо'льшая часть обозначений употребляется 1-2 раза.

Отмечен в идиолексиконе ЛСВ *форма* с общим значением свойства: *А он мне купил [крючки для карнизов] – совсем друга' форма, и всё, – де-то там один лежит. Кака'-то тут широ-ока така'... ну, крючок тоже.*

Опираясь на классификацию Ю. В. Пинжаковой [Пинжакова, 2009], можно выделить следующие микрополя обозначений формы в идиолекте: обозначения круга, шара и их частей; обозначения квадрата, куба и прямоугольной формы; обозначения продолговатой формы; обозначения треугольника и конуса; обозначения взаимного расположения линий; обозначения другой (уникальной) формы.

К обозначениям круга отнесено 33 ЛСВ. О том, что круг и шар не всегда различаются на практике, свидетельствует такой контекст: *Она: «Тётя Вера, дай, – Валя-то, – дай серёжки поносить мале'нько пофорсить! А ты у меня таки' возьми». А у ей так как вроде бы этими, как их назвать? Кру'гленьки-то, как… ша'ричкими, ага.* Наиболее распространено обозначение формы круга с помощью прилагательного *кругленький*: *А какой-то у его канта'рь кругленький – и хорошо видать цифры, килограммы; [А живое дерево другое?] Друго'. А у его так как круг'леньки листики, таки' больши'.* В это микрополе включены также обозначения

- объектов сферической формы: *Я купила но'нче мясо – у меня ешо счас есь, сколько колобочков накручено лежит; А у него [ребёнка] там, это, косточки бывают в э'тим месте [суставов], ша'рички-то где. Их надо, чтобы ша'рички чтобы были, а у него как обсосаны они. <...> А вот это, а там надо, чтобы шарички были ма'леньки; Счас от свёкла ста'ра лежит там, от э'даки головы;*

- полусферы, обращённой выпуклостью вверх: *Пошто'-то… от жа'ру, видно. Така' хоро'ша сковорода была… <...> А счас пу'пом сделалась, дно-то у ей; В ограде не ви'дют, а та'мо-ка худы' уж стали они [цветы]. А тут знашь кака' шапка была мали'нова, краси'ва; Я пошла по ягоду – це'лу чашку стогом-то набрала…*

- полусферы, обращённой выпуклостью вниз: *У меня те года плохи' <...> по бокам [картошки], как ча'шина [огород]; Нету так удобного места. Был бы так огород ровненькый – где-то посадил бы [ягоду]. Как чашка [огород]. Ска'тыватся с этого боку и сюды'.*

- очертаний вытянутого круга: *Нос такой у него, Де'нин больше, а на Вальку [похож сын]: овал лица-то такой;*

- полукруга: *Колька застеклил там, но'вы рамы, он постекли'л, сам, правда, он хорошо застеклил. Таки', полуци'рквенны у них же, застеклил. <...> [Какие?] Полуци'рквенны. [Полукруглые?] Ну. Я не знаю, гля чё так называют, полуци'рквенны.*

Обозначения квадрата, куба, прямоугольника представлены 15 единицами. Снова можно отметить неразличение обозначений плоских и объёмных предметов: *Она [кладовка] как сенки така'-то, и так квадра'тненька, ма'ленька.* Среди них выделяются:

- обозначения плоской четырёхугольной формы: *Ну и пошла я копать. Квадрат большой иткопа'ла так… от так от, наверно… Наверно, от так, до стола иткопа'ла; У Татьяны Лексе'вны две духовочки своеде'льшыны таки', квадра'тненьки, две подряд; Всё [кринки] в подполье ставили. А поставишь, крышечки таки' ма'леньки: где четырёхуго'льчаты, де обстрогают кото'ры;* в том числе обозначения узора на ткани: *А Коле я купила [рубаху] в клетку. Как вроде чёрны, и зелёны таки' квадратики, пе'шечкими кажется*;

- обозначения почти плоского шестигранника: *«У тебя масло есь?» Я говорю: «Есь». Так больша-а плитка была. Ну, о'бшэм, килограмм, однако; Взял забрал конфеты, пластинку таку', плиточку [шоколада];*

- обозначения объёмных предметов (куб, параллелепипед): *Морковь там. И кубики таки' ма'леньки, маленькими ку'бичкими… [нарезана]; Полкирпича [хлеба] так сухомя'том съел; Бутылку шынпа'нского купили да палку колбасы; С ума сошёл мужик, четыре палки купил [дрожжей].*

Обозначения продолговатой формы[26], примыкающие к предыдущим, представляют 5 имён прилагательных: *Там большой дом, а у Иван Лекса'ныча такой продо'лгатый низенький дом; Он [мыс] длинный, вытянутый; Лицо тако' продли'нно; Они с Вовкой похожи, *до'лгеньки таки' носы.*

Обозначений треугольной формы и формы конуса – 9. Чаще для обозначения этой фигуры В.П. использует сравнения и существительное *клин*: *Огородик маленький, суды' от клин у них; Вставил эту, стеко'лку [в окно]. Чё-то стал делать и тоже так же итломи'л её клином; Гутя пришла. И принесла мне – как вроде, как кли'нушки [пирожки], как с черёмухой…; Половики краси'вы таки' это, косяками.* Отмечено, тем не менее, и обозначение геометрических фигур: *Получали, часто [письма с фронта]. Трёхугольнички писали; Пироги трёхугольны; На Усть-Сосновке, там глина. Они её обстрогают там конусом, не так чтобы круто, а так копают [погреб], конусом, – она не обва'ливатся, ничё…; Подполье, например, у их, они мале'нько конусом, не так что прямо копают, а как конусом мале'нько.*

В микрополе обозначения линий и их взаимного расположения включено 24 обозначения, они весьма разнообразны: *Крестовый [дом] – четыре стены и поперёк одна стена; Зигзаги каки'-то нагородил [об изгороди]; Зу'бчикими приколо'тки специально вязали.* К ним отнесены также:

- различные варианты обозначения загиба: *[О ткацком станке:] А тут-ка вот идёт, вот сюда вот идёт такой загиб; А там таки' огурчики, коро'теньки да это, как с носиком – брошены, два огурца брошено; И огурец в кадке валя'тся в бочке, в воде, и на полу [на земле] тут-ка такой, кругленький, как с носиком; У меня ещё ноготь завернулся… ой как… трубкой [смеётся]; А у меня борови'шка*

[26] Здесь в наибольшей степени проявляется связь с обозначениями размера, но данные обозначения выделяются в отдельный класс, например, в работе Ю.В. Пинжаковой.

пёстрый был. А утром встанет – только уши хлопают, и бежит. Хвос крючком, и бежит [есть]; А у меня от таки' долгу'чи – как рога! От как рога [перец]!;

- обозначения прямой линии и различных видов искривления: *Так ехали, гыт, прямо, просто ехал, и вдруг машина заиграла, заиграла и перевернулась; Чашка разли'виста. Поля-то у ей, как у шляпы. А ла'дочка – попрямей поля; Гря'ду-то извиля'ла, кривая, да'йче говорила; Ну бе'гат [односельчанка], вот така' как веретёшко, согнулась, ноги косы', и пошла рвать!; А туды', вишь, разли'вно идёт, туды' вода-то идёт, Криву'лька-то туды'; Позвоночник весь тут сви'ляный, в сторону. На чижёлой работе; Ну вот как ваза бы так, на ножке высо'ко тут-ка стоит, на но'жкав, а тут така' разли'виста больша' [купель];*

- обозначения волнистой линии: *А потом это, проверили, а у меня это вилю'шкими всякими [кардиограмма]; Лена купила пиися'т крышек. А они большева'ты, каки'-то брако'вошны, видно: завёртывашь-завёртывашь, а там как фонбора' [оборка] изде'латся. Всё равно протека'т;*

- обозначение двух расходящихся в стороны линий: *Да морковь только [в]зошла, вилочкой была.*

В микрополе уникальных обозначений формы входит 21 ЛСВ: *Лист зелёненький [у вьюна] вот как-то так, сердечком; Он на лицо-то его: «Это кукушкины сапожки», ну свето'чки как ковшики.*

Выделяется также периферийное микрополе обозначений, где сопоставление происходит одновременно по форме и размеру: *А ты ел, Аня печенье покупала? Ме'леньки. Как червончики таки' [о крекере]* – круглая форма, маленький размер.

2.5.3 Коннотативные компоненты значения номинаций формы

Обозначения формы объектов в обыденной речи, как правило, нейтральны. Если оценка всё же присутствует, то чаще негативная. Основанием её служит форма нечёткая, недостаточно определённая: *Посадили морковь – как… могилки таки' [грядки], и… там ешо чё-то, свёкла; Они [помидоры «белый налив»] скоро*

пропадают. Они так же могут быть такими, печеню'шкими всякими [разные сорта опыляются вместе, образуя другой сорт]. Получает негативную оценку несоответствие стандартной норме: *А там кото'ры [морковки] от таки' толшыной, да от таки' прям, рогатки. Много такой рогаткой, прям це'ло ведро, уроды*. Здесь отклонение от привычной формы мешает использованию предмета по назначению. Может отмечаться нестандартная форма частей тела: *Сама, гыт, идёт – на уколы ходит – ноги, гыт, косы' – ну у ей так при'кося они были, ну а счас по старости, правда, вовсе…; Она была у меня, прове'довала меня. Ноги колесом, то'неньки от таки'*. Положительно оценивается круг при описании формы лица: *У его лицо кр'угло тако' было, краси'во; Она и счас краси'ва така', интере'сна. Круголи'чень… кофта бе'ла, шапочка бе'ла, сама кру'гленько личико хоро'шенька…; А морда-то кака': красна' да… хоро'ша, кру'гла. Ни моршшынки, никого нет – она пенсане'рка, тоже.* При оценке других объектов круглая форма воспринимается как правильная, сопрягаются эстетический и прагматический критерии оценки: *Кру'глы да краси'вы таки' [картофелины]*.

Обобщая всё вышесказанное, можно выделить типичные стратегии обозначения формы в идиолексиконе:

1) используются готовые номинации формы: *круг, кубиками, конусом, круглый, трёхугольный*.
2) представлены обозначения через конкретно-чувственный эталон (*кольцо* ‘круглый’, *клин* ‘треугольник’ и др.);

Не все обозначения можно классифицировать по стратегии (например, за пределами данной классификации остаются обозначения *как сви'ляный* – о позвоночнике).

Обращает на себя внимание тот факт, что обозначения формы менее важны по сравнению с обозначениями размера, отмечаются реже. В ряде случаев характерна «сцепленность» признаков формы и размера. Используются как обозначения геометрических фигур, так и номинации с помощью эталонов. Выявленные стратегии в целом совпадают с представленными в литературном языке [Павлов, 2007].

Большинство номинаций отмечено в единичных употреблениях, т.е., вообще говоря, информанту не свойственно определять форму объекта через некий постоянный эталон (*кольцо* для круглых предметов, *кирпич* для прямоугольных). Форма объекта воспринимается чаще всего безоценочно. В соответствии с архаическими представлениями, положительно оценивается форма круга.

Выводы

1. Обозначения зрительной модальности – наиболее многочисленная группа перцептивных номинаций в лексиконе исследуемой ЯЛ, проанализировано более пятисот единиц. В составе этого макрополя выделяются номинации процесса восприятия; способности к восприятию; номинации цвета, света, размера, формы. Наиболее частотны в идиолекте обозначения процесса восприятия и размера; обозначения цвета занимают промежуточное положение. Номинации способности к восприятию, формы, света диалектоноситель использует реже. Поле номинаций цвета является при этом наиболее детализированным (включает 180 единиц), поле обозначений света – самым компактным (40 перцептивов).

2. В идиолексиконе диалектоносителя к базовым глаголам зрительного восприятия можно отнести 5 единиц: *посмотреть, глядеть, смотреть, видеть, видать*. Несколько чаще представлены глаголы целенаправленного восприятия. В ряде случаев обозначения процесса восприятия имеют ментальный компонент, неразрывно связанный с перцептивным. Также отмечается, хотя и довольно редко, сочетание глаголов зрительного восприятия с обозначениями эмоций.

3. Среди обозначений размера центральное место занимает микрополе обозначений большого размера (в целом), можно выделить и ряд микрополей дифференцированных обозначений (длина, высота и т.п.). В текстах выявляется общая тенденция позитивной оценки большого размера, но есть и исключения.

3. Обозначения цвета представлены девятью микрополями, из которых наиболее значимы номинации *красный, белый, чёрный*. Обозначения *фиолетовый, оранжевый* относятся к периферии.

4. Обозначения формы делятся на шесть микрополей, самым обширным оказалось микрополе обозначений круга и шара. В ряде случаев отмечается положительная оценка данного признака.

5. Оценочные характеристики более всего характерны для обозначений размера, в меньшей степени – цвета, почти отсутствуют при обозначении формы, а также процесса восприятия. Критерии оценки – прагматические (для размера, формы, отчасти – цвета), реже – эстетические (для цвета, света, отчасти – размера).

6. Для обозначений зрительно воспринимаемых признаков диалектоноситель часто использует сравнения, они представлены в составе семантических полей «форма», «цвет», «свет», «размер». Для обозначений формы и размера сравнения можно считать основным способом номинации признака (их количество больше количества однословных номинаций). Многие эталоны размера и формы являются диалектными (‘большой’ – *как корова, как кулаки, ‘маленький’ – как мышата, как гнидки; вилю'шками – ‘в форме изогнутой линии’*). В микрополе обозначений цвета входят также образные прилагательные (*огоньковый, малиновый*).

7. Вместо вербальных обозначений размера, цвета в отдельных случаях используются жесты (размерный, указательный) и логические сравнения.

ГЛАВА 3 НОМИНАЦИИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Номинации слуха и звука исследуются гораздо реже, чем номинации зрительных ощущений. Как отмечают исследователи, модальность слухового восприятия отражается в двух типах предикатной лексики – в лексике слуха (обозначения процессов слухового восприятия) и в лексике звучания. Как правило, глаголы звука и глаголы слухового восприятия исследуются отдельно друг от друга.

Обозначения звука в русском языке исследованы достаточно подробно, в том числе – в сопоставительном аспекте [Пархоменко, 2000 ; Падучева, 2006 ; Курашкина, 2007, 2009 ; Казарина, 2013 и др.]. Н.А. Мишанкиной подробно описаны метафорические трансформации лексики звучания в литературном языке [Мишанкина, 2002].

Т.А. Агапкина, В.В. Усачёва и ряд других авторов уделяют внимание значению звука в славянской обрядовой культуре. Т.В. Цивьян описаны звукообозначения, используемые в жанре загадки [Агапкина, 1999 ; Цивьян, 1999 ; «Мир звучащий и молчащий…», 1999]. Данные единицы были также предметом специальных исследований на материале диалектной речи [Савельева, 2011 ; Ильина, 2012 ; Вершинина, 2013а, 2013б, 2013в ; Ганичева, 2013, 2014]. В лингвоперсонологическом плане изучались обозначения звука в прозе Ф.М. Достоевского [Соловьёв, 1979], М.А. Булгакова [Свинцицкая, 2004], произведениях И.А. Бунина [Мещерякова, 2011]. Рассматривались также номинации звука и слуха в речи горожан г. Омска [Лещинская, 2008б].

Глаголы слухового восприятия на материале литературного языка подробно анализируются в работе Е.А. Слободян [Слободян, 2007], а также в ряде исследований, посвящённых глаголам восприятия [Моисеева, 2005 ; Авдевнина, 2014 и др.].

Лишь в небольшом числе работ, характеризующихся антропоцентрической направленностью, анализируются оба типа лексики. Так, изучались обозначения звука и слуха в текстах Ф.И. Тютчева [Атаманова, 2006], С.А. Есенина и В.В.

Маяковского [Пархоменко, 2000], Ю.Н. Куранова [Овчинникова, 2009], И.А. Бродского [Мельникова, 2010], Б.Л. Пастернака [Двизова, 2014а]. Исследователи, как правило, указывают, что обозначения звука (*звучать, шуметь* и мн. др.) не только более разнообразны, но и более частотны по сравнению с обозначениями слухового восприятия (представленными ограниченным числом глаголов – *слышать, слушать, внимать* и однокоренными им единицами).

Рассмотрим обозначения слуха и звука в идиолекте В.П. Вершининой.

3.1 Обозначения способности к слуховому восприятию

Микрополе включает 11 единиц. Зафиксированно 89 контекстов с ними. Ядерным является обозначение *глухой* (45): *Она глуха, совсем не слышит; Она ничё бы так, ну она глуха. Сильно с ей надо кричать, кричать, прям ничё не доревёсся. Ей то – она своё; С тубареточкой да с костылями, совсем не ходит. То глуха' ешо!* Глагол *слышать* в значении ‘иметь слух’ (37) чаще используется в отрицательных предложениях, чем в утвердительных (89% против 11%): *На одно ухо совсем не слышит; А потом это, Василий – 21 год был, слышал всё хорошо, в тифу' заболел, осложнение на' уши – тоже не стал слышать; А сама не слышит ничё, а видит, хорошо-о!* Для обозначения способности воспринимать и распознавать звуки информант использует также диалектный глагол *дослы'шать* (4): *Года… тя'тя под после'д-то тоже… лет во'семисять ему… во'семьдесять, наверно, один – ну он тут… как не стал дослы'шать, ну мало.*

Ослабление способности слышать обозначается лексемами *недослышать* (29), *глуховатый* (11): *Недослышал он, болели, с ушами подействовало. Я думаю, может, по породе, у нас мама глуха. По наследству. И вот племянница недослышит; Василий [брат] болел, с тех пор тоже глухой был, недослышал; Так хор**о**ша так**а**, по'лна, всё, только глуховата. Ну она у нас глуховата была, мама-то, тоже…* Полная потеря слуха обозначается глаголом *оглохнуть* (8): *А это… ну тоже не глуха была, после оглохла [мать]; И он заболел, и тоже маленецько*

оглох, не стал дослышать. Можно отметить, что в контекстах часто упоминается потеря и зрительного, и слухового восприятия: *Глуха' стала тоже. Слепы', глухи'.*

Обозначение способности относится к дальней периферии поля, отмечено лишь в одном контексте, в чужой речи: *<…>говорит, этот дяденька-то ей <…> «Как вот слух да зрение, да всё?»*

3.2 Обозначения процесса слухового восприятия

Глаголы слуха в идиолекте представляют собой относительно малочисленную лексико-семантическую группу: 14 ЛСВ. Всего проанализировано 232 высказывания с обозначениями процесса слухового восприятия, основная их часть приходится на долю базовых глаголов слуха: *слушать* (94), *слышать* (42), *слыхать* ‘различать, воспринимать слухом звуки’ (25), *слыхать* ‘можно услышать’ (20). Глаголы *слышать* и *слыхать* рассматриваем как синонимы. Глаголы слуха, относящиеся к ядру и околоядерной зоне, многозначны. Специфика данного микрополя проявляется в том, что ЛСВ глаголов в неперцептивном значении используются чаще, чем в перцептивном: *слыхать* ‘иметь какие-либо сведения, знать (по разговорам, слухам)’ (246), *слышать* в том же значении (44).

Суммарная частотность глаголов нецеленаправленного восприятия *слышать, слыхать* практически не отличается от частотности употребления от глагола *слушать.* Более того, глагол *слушать* регулярно используется в значении нецеленаправленного восприятия: *Сашка приехал, сидим та'мо-ка, а слушаю: баночка упала, с маслом-то*; *Морковь дёргала, в огороде я. Вот слушаю – рё-ов, матерки' там! ругань! Ой! У наших в ограде. <…> Слушаю – как вроде драка.* Таким образом, в речи диалектной ЯЛ не всегда строго различаются целенаправленное и нецеленаправленное слуховое восприятие. Эта особенность является диалектной: в частности, Т.А. Демешкина приводит аналогичные примеры из речи других носителей Вершининского говора [Демешкина, 2000, с. 24].

Субъектом восприятия в большинстве примеров является сам говорящий. При использовании глагола *слушать* «я»-субъект представлен в 93%

высказываний, для глаголов *слыхать, слышать* на долю говорящего приходится 64-65%: *[По телевизору передавали вчера службу.] По радио слушала. Служили, всё поют, всё Рожество' славят*; *Я слышу сёдня, такой шум…; Я говорю: «А чё, т**ы** стукал [в дом]? А я слыхала, говорю, думаю, ветер»*.

Собеседник может быть субъектом восприятия, если говорящий обращается к нему: *Кушай давай! Слышишь? Я велю*. Достаточно часто диалектоноситель использует глагол *слушай(те)* с целью привлечь внимание собеседника: *Слушай! Попей чай с сухарями!; Слушай, Маре'я Петровна, как там Маруся Ермолаева?*

Субъектами восприятия могут быть другие люди, знакомые информанту: *Говорит [ребёнок] так-то всё. Возьмёт радио: «Алла, Алла». И слу'шат. У ей сестра – Алла, у Ольги, в городе, они зв**о**нят по телефону туды', разговаривают. А он-то перенял; И Миша не слышал, лежал тут-ка.*

Глагол *слыхать* употребляется также в модальном значении ‘можно услышать’: *[Стучат в подъезде]. Это так у тебя слыхать?* Редко субъект при глаголе слухового восприятия является обобщённым, в частности, при использовании жанра приметы: *Подбородок не знаю, к чему [чешется]. [А ухо?] Ну кого-то слушать будешь.* В редких случаях субъект восприятия – животное: *Она [кошка], видно, услыхала, что я [в]стала – ну, часа в 4 или в 5 в пятом… в пятом! Она: «мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу»; Мо'жеть, она [кошка] кота там услыхала, кошку – замя'вкали.*

Единственный пример, где субъектом восприятия является предмет, отмечен в реплике о магнитофоне: *Это не говорит [магнитофон]? Ничё, там не мота'т? Ага… Не слу'шат, не мота'т?* В данном случае прибор, фиксирующий речь, уподобляется человеку. Показательно в этом примере и употребление глагола *говорить,* который в прямом значении относится к способности человека. Для диалектоносителя речевая деятельность тесно связана с человеком, магнитофон же является для неё малопонятным предметом. В результате теряется различие между воспроизведением речи и её производством (говорением), а также между фиксацией речи и её восприятием (слушанием). Наличие у прибора атрибутов человека служит основой для метафорического сближения.

Объектами слухового восприятия часто являются ситуации, включающие разнообразные звуки: *Слышу – кто-то сту'кат, ворота' стукнули так…; А это, я слышу, что он ножовкой, это, режет, и колотит там, всё это скола'чиват; Слушаю: буль, буль, буль! – он [лук] сварился у меня!*; *Слышу, ревут [коровы], и всё – не [в]стаю.*

Объектом восприятия очень часто являются радиопередачи: в сочетании с обозначением *радио* глагол *слушать* употребляется в 40% примеров: *Всё время радио слушаю.* Формально объект восприятия «радиопередачи» может быть не назван, а заменён указанием на содержание информации: *Надо включить мне радио, погоду мне надо слушать; Ну, слушаю лежу, слушаю… передают: «Моско'вско время три часа»; От я говорю: о'споди... по радио слушаю, передают: задавили мальчика, семилетнего, сбила машина; Поют, всё слушала-слушала… [по радио].* Иногда указывается также источник информации: *Проздравля'ли. Я и Москву слушаю, и тут…; Это, обмен денег будет, дак… Ельцин сколько раз выступал, я слушала всё – что никакого, ди'скать, это.. чёрт-ё знат, чё будет.*

К ЛСГ «процесс слухового восприятия» относится также ряд приставочных дериватов ядерных глаголов. Лексемы *послушать* (14), *услыхать* (13), *услышать* (6) можно отнести к промежуточной зоне между ядром и периферией: *А я пошла, ну, послушала, кода' она говорила тут, рассказывала; Я думаю: не умерла ли? Послушаю – нет, дышит; Пожар-то нача'лся, а там кто-то услыхал, да гыт: «Лексе'й, Лексе'й!»; Постукай [в окно], Катя! Может, услышит.* Остальные глаголы начитывают 3 и менее употреблений, относятся к периферии: *Всё прислушиваюсь, думаю, дож; Кать, постукай, прислу'шашь, где… [мыши скребутся] ладонью так по стене постукай, либо чем-нибудь; А чё, де самолёт опе'ть разбился передавали? Упал в море самолёт. То ли семьдесят, я тоже прослушала, восемьдесят ли пассажиров – все погибли; Много таких случа'ев, я наслушалась в больнице с Мишенькой; А я думала, Наташе [купила молоко]. Чё-то послышалось мне как «Наташе».*

Данные единицы уточняют значения исходных глаголов в аспекте нерезультативности (*прослушать* ‘пропустить’), длительности (*послушать)* или многократности действия (*наслушаться*), ирреальности восприятия (*послышаться*) и т.д.

Некоторые дериваты глаголов слухового восприятия значительно отличаются по семантике от исходного слова, передаваемые смыслы являются при этом общерусскими (*подслушивать, послушаться* и др.).

3.3 Звукообозначения

В идиолекте В.П. Вершининой насчитывается 196 перцептивов, обозначающих звук. Зафиксировано 800 контекстов с ними.

Для номинации звуковой сферы диалектоноситель чаще всего использует глаголы с общим значением ‘издавать звук’ (*кричать, мяукать, трещать*) и междометия (*гав, скыр-скыр-скыр, зю-зю*), реже употребляются отглагольные существительные (*шум, треск* и т.п.); немногочисленны в идиолекте звуковые фразеологизмы и сравнения (*дурни'ной реветь*, *на го'лос, лихим матом* и др.), крайне редки прилагательные, наречия, слова категории состояния (*громкий*, *громко, тихо*).

Обозначения звука включены в синонимические отношения: *реветь – выть; смеяться – хохотать*; *зы'кать – стукать; зы'каться – стукаться.* Отмечено большое количество диалектных единиц, многие из которых обозначают звуки животных: *бузова'ть* ‘мычать’, *хра'пать* ‘издавать звуки, напоминающие хриплое сопение, лёгкое ржание (о лошадях)*’, га'кать* ‘кудахтать’, *громото'к* ‘грохот, шум’, *стукото'к* ‘частый, дробный стук’, *шуруди'ть, шебарчи'ть* ‘производить шорох, шум’ и др.

Можно отметить многозначность отдельных звукообозначений, в результате чего они одновременно характеризуют звучание нескольких сфер или совмещают звуковое и незвуковое значение: *реветь* 1. Издавать протяжные,

громкие, низкие звуки (о животных, птицах). 2. Плакать. 3. Кричать; *шум* 1. Громкие звуки. 2. Ссора, скандал. Для сферы звука типичен перенос звуков с одним источником на другие, при этом номинации сферы животных, используемые для обозначения звуков человека, носят явно сниженный характер; если звук человека или животного переносится на звучание предмета, речь идёт об олицетворении как разновидности метафоры.

Наиболее общие обозначения звуковой сферы представлены существительными *голос* (20), *шум* (5), *звук* (2)*: У меня голосу нет, перехва'тыват у меня, простыла; Ну и иду это, переулочком-то, а кричит женшына: <…> «Ты рабо'ташь сёдня» – так от, на полголоса больше так: «Ты рабо'ташь сёдня?»; Она [кошка]: «Мя! Мя! Мя!» – голосом лихим прямо; Она легла, легла да говорит это, дочка-то говорит: «Мама, чё звук [у телевизора] выключим, мале'нько убавить?»*

Базовым можно считать обозначение *голос*, так как, во-первых, оно является самым частотным, во-вторых, характеризует различные по источнику звуки: чаще всего человека, но также животных, в одном случае – предмета (см. примеры ниже). По частотности выделяются также номинации *петь* (65), *стукаться* (64), *лаять* (43), *стукать* (41), *хохотать* (40), *смеяться* (24), *зы'кать* (18), *зы'каться* (18), являющиеся ядерными в соответствующих микрополях. Высокая частотность данных единиц объясняется их культурной значимостью (*петь*) или же частотью ситуаций, в которых востребован данный звук (*стукаться*, *стукать*, *зы'кать*, *зы'каться*, *лаять* а также отчасти *петь*).

Специфика обозначений звука состоит в том, что они классифицируются по источнику ощущения (в отличие от других перцептивов, для которых возможна классификация и по семантическому основанию). Все представленные обозначения звука по источнику слуховых ощущений можно разделить на поля: звуки человека; звуки животных; звуки предметов и неживой природы. Именно так выстраивается их иерархия в речи диалектоносителя. Далее вслед за Н.А. Мишанкиной [Мишанкина, 2002] звуки человека дифференцируются на: шумовое

звучание, порождённое с участием человека (*топать*); неголосовые звуки человека (*чмокать*); голосовые неречевые звуки (*визже'ть*). Рассмотрим выделенные микрополя в идиолексиконе диалектоносителя.

3.2.1 Обозначения звуков человека

1) **Шумовые звуки, порождённые с участием человека.** Микрополе включает 33 номинации. Проанализирован 261 контекст. Ядерными являются обозначения *стукаться* (64), *стукать* (41), *зы'кать* (18), *зы'каться* (18). Многочисленны обозначения звуков, подаваемые человеком как сигнал: *Вышла – кто-то сту'кат<u>ся.</u> <…> Вот я сидела-сидела, он всё <u>зы'кался-зы'кался, зы'кался-зы'кался</u>; Шшучку принёс Комар-то утром. <u>Сту'кат, сту'кат</u>, я думаю: чёрт с им, <u>посту'кат</u> да уйдёт; Куда она ешо пошла? Не могла её <u>стукнуть</u>-то [постучать, позвав, в окошко], Катя? Куда она отправилась?; Он на последний пошёл [автобус]... на восемь пошёл. Ага, потом слушаю, <u>сара'пат</u>ся [в дверь]; А автобус-то пи… <u>пи'кат, пи'кат</u>, а он не слышит; «А я пойду, может, кролики… кролики побегут, дак ты мне <u>посигналь</u>». <...> Он <u>посигналил</u>, и она прибежала.*

Номинации различных действий, сопровождаемые специфическим звуком или шумом, также довольно разнообразны, но низкочастотны: *Рыбу-то эту наре'зала я, да грыбы'-то… Ой, она всё упива'т да <u>хромусти'т</u>, упива'т да <u>хромусти'т</u>!* (хромустеть – есть с хрустом); *Хожу как овечка <u>топаю</u> ногами* (топать – ходить с шумом); *Кто-то у нас был, дверь открыл, <u>хлопнул</u> и ушёл* (хлопнуть – с шумом затворить дверь); *Дак он бы убил [кошку]. От так подня'л, как <u>бахнет</u>! На' пол. Серьдитый он* (бахнуть – бросить с шумом). Редко обозначается собственно производимый человеком звук: *Как в железном ряду <u>стукаю</u>, <u>брякаю</u> [железной посудой].*

2) Микрополе обозначений **голосовых неречевых звуков человека** включает 28 единиц. Проанализировано 138 контекстов с перцептивами данного микрополя. Ядерные обозначения – *хохотать* (40), *смеяться* (24), *выть* ‘громко плакать’ (21).

Глаголы голосового невербального звучания, как отмечает Н.А. Мишанкина, нередко служат обозначением эмоционального состояния [Мишанкина, 2002, с. 17]. Можно отметить, что именно эта функция присуща им в идиолексиконе В.П.: *Пла'чу и смеюсь, и всё вместе; Дак Катя расска'зыват, всегда хохочет прям, хохочет; А он захоха'тыватся, он хохочет! <...> Похохатывал; А она кричит лихим матом*; *От она, поди, поорала там, повижже'ла [когда избивали]!* Кроме того, единицы данного поля могут обозначать проявления болезненных состояний: *Лежу, от так лежу ночью, прямо болит голова, я стона'ю так. [Усмехается]: Думаю: чё стона'ю-то, не надо стонать; Невтерпёж как болит. Простонала, ногу больно.*

3) **Пение.** Обозначения пения можно выделить в отдельное поле, так как они представляют собой совмещение музыкального и вербального звучания. Представлено 11 единиц, в том числе фразеологизмы (*аж деревня ко'лется, а'жно деревня раска'лыватся*) и сравнение (*как арти'ска*). В речи информанта зафиксировано 120 контекстов с номинациями пения.

Обозначения пения сопряжены с культурными представлениями информанта. Песня связывается с типичными для крестьянского традиционного социума формами досуга, отчасти утраченными, что вызывает сожаление информанта: *А раньше праздник какой – гуляют, хо'дют, по домам, поют, и танцуют и, и в гармонь играют, и всё… А теперь чё? Кто всё вы'пет да… дома, да за углом да.* Чаще же песня осознаётся как благо, то, что объединяет людей, как часть праздничного ритуала: *Выпили да и это, сидели, даже пе**с**ни пела я! <...> А у Раи хоро... хороший голос-то, она там подтя'гыват, поём. «Сронила колечко» мы пели-то <...> Ну, вся'ки пели песни.*

По народным представлениям, если случилось несчастье, нужно отказаться от пения в праздники: *Катя-то уж [в]он кака' была пе'сельница да плясунья – чё её, заставишь счас [после смерти дочери] песни петь или сплясать?; Я, от как Миша у меня разбился, я никода' не пела, ничё. «Отца, гыт, убили, а я пойду там плясать да петь [в День Победы]»?* Зачастую песни являются объектом слухового восприятия: *Песня-то поётся: «С гор вода покатилась»; Сёдня песню*

пели: «Хлеб всему голова»; А её одноё заставили песни петь. Стари'нну песню; «Тёть Вера, а ты каку' песню любишь?»

По воспоминаниям диалектоносителя, пение в её жизни сопутствовало и труду: *Давно, раньше мы всё пели с Аксиньей. ... Долбили лёд ходили, дак мы встаём прямо рано и поём – а'жно деревня раскалывается.* Умение петь воспринимается как талант: *У Аксиньи голос хороший. Я начинаю, она вытя'гиват, поёт; Поёт здорово, как артистка; У Маруси это голосу-то нету – она песельница, бо'йка така', а песни тоже поёт зо всёй силы – высоко' так начинат поёт!*

Пение связывается с обрядовыми действиями: *Эта невеста вот сидит она. Поют ходят, шьют, вяжут.* Молитвы тоже исполняются особым образом – поются: *«Сушшо'ю Богородицу тя велича-аим!» – так на поми'нкав поют; Рожество' прославют – «Рожество' славим, Христе' Боже наш» – прославют его, пропоют; «Достойно» пели. От ишь, я уж не пою счас, и забува'ю всё. Кода' так, те года, дак хоть где кого хоро'нют, я пойду, подпеваю, а счас…* С церковным пением связаны воспоминания диалектной ЯЛ о матери: *Она на кры'лосте пела, – кода' в церькви-то поют там, пе'вчи-то – ты не видала? ну вот, она пела там.*

4) **Обозначения неголосовых звуков человека** включают 20 единиц. Проанализировано 66 употреблений данных номинаций в текстах диалектоносителя. Ядерная единица – глагол *кашлять* (11), отмечены и однокоренные ему лексемы (*кашель, ка'шлянуть, ска'шлянуть, прика'шливать*), диалектный синоним (*кахы'кать*), звукоподражания для передачи данного процесса (*кахы', кх, кха, кхе*).

Данное микрополе часто пересекается с полем «болезнь» т.к. наличие физиологических звуков обычно связано с изменением состояния организма человека: *Хвора'т, ши'бко хвора'т. <…> Ка'шлят так: «Кха! Кхе!» Я говорю, может, туберкулёз либо… Кашляла. Вчара' плохо спала; Ой, боюсь, как отрыгнуть, ли чихну'ть, ка'шлянуть – так край! [больно]; Маринка-то, дочка,*

ставит ей уколы. Наркотики. Поставит, она уснёт. Зубами, гыт, скрычега'т ши'бко; Ну она, мне кажется, ешо простыла, у ей ит простуды в носу чё-то изде'лалось. Сопит так; Шура у нас ши'бко простыла. Прямо – ш-ш! – ночью свистит; «У вас, гыт, в породе нет туберкулёзников? никого? Чё-то у тебя так... хрып большой да всё»; И захрыпе'ла, захрыпе'ла, гыт, умерла. В других случаях обозначения неголосового звучания человека не связаны с болезнью, но могут восприниматься как нарушение этикетных норм: *«**Ы**-э! **Ы**-э!» – икать [начал]. Она: «Хватит тебе рыгать-то... икать-то!» – она на него; Ой, заикала; О'споди, чё-то заикала?*

К периферии микрополя относятся в идиолекте звуки, издаваемые органами и тканями человека: *Вот итойдёт [сердечный приступ], как это так: «тук!» – сердце как… прямо даже почувствую я. И сразу легче станет; Ну у него была, как её называют-то? Саркома, кости'. Нога отпала. Угу, угу. Даже кода' по'мер, прямо гыт слыхать было, как треснула; А он де-то его полосну'л. <...> Кровь, гыт, «буль-буль-буль-буль-буль» бежала из него. И кровью истёк.*

3.2.2 Обозначения звуков животных

Данное семантическое микрополе уступает предыдущему по объёму, но тем не менее предстаёт весьма обширным: выявлено 64 номинации. Зафиксировано более 225 контекстов с обозначениями звуков животных.

Звуки домашних животных обозначают 50 единиц, отмечено более 200 контекстов с ними. Самыми частотными и разнообразными среди них являются обозначения звуков кошки и собаки: *лаять* (43), *мявкать* (25), *мяу/мя* (23).

Кошка как единственное животное, проживающее в доме, чаще всего попадает в поле зрения говорящего. Микрополе обозначений звуков, издаваемых кошкой, включает 18 лексем, в большинстве случаев это диалектные или просторечные варианты общерусских слов. Наиболее употребительны глагол *мя'вкать* и однокоренные ему: *Кышшо'нка мя'вкат и мя'вкат, на улице осталась;*

Даже не мя'вкнула [кошка] и домой; Я ему [коту] давала мяса, ну немного, а он всё равно мяу'чит бе'гат; А она замя'вкала, кы'ска-то опе'ть при мне же; Коробку поставила там, тряпку поло'жила, и в баню упёрла [кошку]. Она ешо помя'вкала мале'нько, и я легла. Часто используются звукоподражания: *Она «мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу» – ну никакого споко'я нету.* Представлены и другие единицы, используемые также для обозначения звуков, издаваемых человеком: *Ой, посты'ла-то кака' [кошка]. Так будет вя'кать и вя'кать; А сёдни кы'ска в и'збу попала и давай Ваську [кота] тут лупить. Он давай вижже'ть, орать.*

Среди номинаций звуков собаки самым частотным является общерусское обозначение *лаять*: *Шарик лает, я вышла.* Используются также однокоренные глаголы с дополнительными семами начала или продолжительности действия: *Встала, собака залаяла, я думаю: или он ходил на улицу? – не слыхать было; Так-то всё время он лает. На Ивана Комара опе'ть полаял [пёс].* Другие единицы, обозначающие собачий лай, используются реже: *Я взяла его, да хотела за шею-то взять [пса], а он так от на меня: «Гав-гав-гав» – за' руки прям; Чё-то всё время собачонка тоже там… вя'кат; Как не надоес тявкать таку' беду. Тя'вкат, тя'вкат [пёс]!* Сильный, истошный лай описывается при помощи глаголов со значением интенсивного действия: *Шарик чё-то но'нче лаял. Там ходят по берегу, и он лает без ума, надсажа'тся, надрыва'тся; Я думаю: может, Макарьич, поди сту'кат.ся. А Шарик рвёт! Рвёт, лает.* Для номинации звуков собаки так же, как и в случае с кошкой, может использоваться обозначение звуков человека, таким образом снимается граница между миром человека и животных: *Я только хотела [подойти] – «гав!» – закречи'л на меня [пёс].* Обозначается не только лай, но и рычание, вой как звуки, характерные для собаки и вместе с тем имеющие специфический характер звучания: *А я его [пса] стала брать, он прямо рычит, рычит, я его за это место взяла, за ошейник-то его – ну, думаю, тут он меня не достанет, – он как поверьнётся, как меня тяпнет!; И тут Лёню-то как забрали, собаки-то прямо выли, увезли...*

Среди других звуков животных достаточно часто используются обозначения звуков коровы: *А она говорит это… ну, про коров, корова де-то ревёт, я говорю: «Ваша ли чё ли?»; Вчара' Лена у нас, там телчо'нка – прямо рёвом ревёт*. Отмечена также диалектная номинация: *Вон ходит [бык] какой-то бузу'ет. [Что значит «бузует?»] Ну, кричит ли как ли. Так и говорят «бузу'ет».*

Номинации звуков кур, цыплят, петухов также частотны и отличаются разнообразием (что соответствует системе литературного языка): *Так а е'то га'кала [курица] – так она, может, там чё-нить де-нибу'дь увидела; Пару'ня – курица па'рит. Клохчет курица, и её называют «пару'ня»; А петух на эту, на коню'шну залетел: «Ку-ку-ку-у!», – там поёт; Она гыт: «Я пошла сено давать, а там: «Кок! Кок!» – курица»; Я говорю, гладишь – вытянулся, «пи-пи» − и пропал, гыт [цыплёнок].*

Номинации звучания других домашних животных и птиц единичны: *[Как купленный поросёнок?] Коля говорит: «Рю'хат»; Стала, и накладываю дрова. Вдруг как у меня конь – хра'пат, хра'пат прямо!; Хотела, думаю: «однако я куплю овечку ма'леньку да буду ро'стить да и заколю зимой» – а будет тут орать; Ну а он выпустил его [барана], Владимир-то: заскакал, гыт, ревёт прямо, ревёт…; Гуся', гусака да гуси'цу до'ржит. Они ходят по ограде, ревут тут-ка, в загородке.*

Периферию поля составляют обозначения неголосовых звуков тех домашних животных, для которых представлено и голосовое звучание: *А у меня борови'шка пёстрый был. А утром встанет – только уши хлопают, и бежит; Ночью усну кода', она [кошка] с печки вот отсэ'да как бахнется на пол, прям и сразу пробужусь.* Шумовой звук, произведённый животным, может непосредственно воспроизводиться диалектной ЯЛ: *Я рыбу поставила потаять [в буфет], а так стул... [около буфета]. А от так откроется, дальше не открыватся [дверца], а там рыба в чашке стоит. А кыска-то это… об стул [стучит дверцей]. <…> [Усмехается:] У тебя-то воры, а у меня... свои. Вот так: [стучит дверцей буфета] – ой! Я думаю: окошко кто-то выдират!*

Многочисленны номинации звуков вредителей – мышей и крыс, своеобразной подгруппы животных, которых называют домовыми, в отличие от домашних. Своеобразны и звуки этих животных – они также являются шумовыми, а не голосовыми. Для их номинации используются преимущественно диалектные единицы со звукоподражательной основой: *От я [в]стала, села, сидела-сидела – шебарча'т прям! А крысы, наверно, ходят; Ну, но'нче на печке чё-то шуруди'ло. Яйца там, скорлупа-то лежит, яи'чна. <…> Кто-то у меня сидел, Физа, однако? «Чё-то, гыт, шуруди'т на печке». Я пошла. Ну, там, наверно, мышь; Грызлись [крысы] – прям не дай бог, только стукото'к стоит… хрумото'к; А потом это у меня как мыши заходили, как заскреблись!* Востребованность диалектных единиц в данном случае объясняется, вероятно, отсутствием соответствующих номинаций в системе литературного языка, в котором представлены обозначения голосового звучания мышей (*писк, пищать*), в речи диалектоносителя они не отмечены. Своеобразно и собственно звукоподражательное обозначение звуков, свойственных грызунам: *А там у меня сухари были, мешочек сэлофа'новый, насушенный и там положено. Слушаю – там: «скыр-скыр-скыр-скыр!» Пошла – там уж дырку прогрызли. Мыши.* Представлена также невербальная имитация звуков мышей и крыс: *А потом слушаю: [скребёт ногтями по дверце буфета] т**а**м, т**а**м скребутся мыши.*

Звуки остальных животных информант в своей речи упоминает гораздо реже. Отмечено 13 единиц, 26 употреблений. Среди них выделяется микрополе звучания насекомых, причём для их номинирования обычно используются обозначения широкой звуковой семантики: *Мухи поют, пчёлы поют, и никого. Гудела, гудела муха; «Откэ'да-то муха, говорит, я её убить не могу, и она шурчи'т…»; Ну и ночью у меня шумел всё [комар],* реже – специальное обозначение: *Ну и ночью у меня жуже'л всё [комар]*.

Лексемы, обозначающие звуки диких зверей и птиц, немногочисленны: *Де она [рысь] сидела-то? Я не поняла. На дереве, зашипела, гыт; Нет, она [кукушка], может, тут она кукует? Может, одна ли две ли там прилетели.*

Мало их. А раньше-то. «Ку-ку, ку-ку…» – ой, немыслимо!; Раньше от едешь с полей, <…> а они [волки] за Чистым та'мо-ка воют-воют! Для многих упоминаемых диких животных (медведь, лиса, лягушка, змея, воробей, ворон и др.) звуковые характеристики отсутствуют, хотя в русском языке существуют номинации их звучания, а информант сталкивался с этими животными в жизни.

Не представлены номинации звуков растительного мира. Единственный контекст, в котором обозначен звук растения, представлен в пословице. Ассоциативно звук переносится на человека: *«Скрыпи'т, мол [усмехается] да стои'т. Худо' дерево, гыт, скрыпи'т, да стоит, а хоро'ше дерево раз, да упадёт. Правда в пословице говорится. Скрыплю', да живу. Чижело' так жить, всё равно.*

3.2.3 Обозначения звуков артефактов

Объём микрополя – 66 единиц, около половины из них – звукоподражательные междометия. Отмечено 3 метафоры (*голос ‘скрип двери’, икать, заикать ‘о помехах в звучании радиопередач’*). Представлено 109 контекстов.

Часто обозначается звук работающих двигателей механизмов: *Гляжу, он заходит. Привёз. Тарахтит машина; А он [трактор] у его ши-ибко заводится, так «тыр-тыр-тыр!»; И тут-ка на железя'гу залетел на трубу, всю ночь буксовал тут сидел «тыры'-тыры'-тыры'»! Молотилка – ма'ленька она такая, трешшотка трешшыт ши'бко, и называют так её; А у ей машинка [калькулятор], она чик-чик-чик-чик! – машинкой почикала-почикала, отдаёт мне, вот столько-то [денег].* С помощью звукоподражаний передаётся звук быстро едущей машины: *Идут машины – «ту-у! ту-у!» – кажется, ши'бко гремят тут-ка; Ой, сколь машин было! Сколь машин! уйма. Всё поехали, где там, а тут всё: фю-ю! фю-ю! фю-ю! – машины всё; Только мы из зау'лка-то, как переулка-то выезжать, а Илья на тракторе – «жжють!» – проехал; Он только около её –*

фю-фить, задавил бы, гыт, задавил [быстро проехав на машине]! В речи диалектной ЯЛ форма звукоподражания варьируется[27]. Примечательно, что при передаче детской речи используется иной ЛСВ: *Говорит [годовалый ребёнок]. Ну не всё. <…> Серёжка едет – «Дядя едет! Дядя едет! Ж-ж!» Не говорит, что «пи-пи», а…*

Среди номинаций звучания техники частотно безличное обозначение сигналов точного времени*: Я пошла-то в шесты'м часу: пропикало сколько, ну минут… ну пусь пять было…; Пять часов уж пикнуло [по радио]*. Представлены в идиолекте и некоторые другие обозначения звучания техники: *Хороший шофёр: на автобусе с ём едешь, ни одна гаечка нигде не скры'пнет, не болтнётся; Чё это гудит-то? Холодильник ли чё ли?*; *Это провода загудели ли чё ли?* Среди других звуков многократно обозначается звук выстрела: *Он выскочил с ружьём: «Бах! Бах!»; Ой, выскочил с ружьём-то за ворота', да так хып! хып! − вверьх-то стреля'т; И он пошёл, только гыт выстрел раздался. И сам застрелился.*

Несколькими единицами обозначается скрежет, возникающий из-за трения железных частей кровати о стиральную машину: *«Там чё шурчи'т-то, гыт, у тебя чё-то?» [о стиральной машинке под кроватью]*. Форма междометий, называющих данный звук, варьируется информантом: *Вчара' легла, а там [под кроватью] у меня «Малютка» стоит. Она же чажёла. <…> Придавила, она там «зю-зю, зю-зю»; Машина та'мо-ка – вишь, у меня «Малютка» де стоит [под кроватью]. <…> А она легла, ну чё же – от така' толшыной! То'лста. Она её там-ка, на её ля'гет… она станет навора'чиваться, она [машина]: вж³ж³! вж³ж³!; А там – «скыр-скыр!» эта машина-то [стиральная задевает за сетку кровати]*.

Номинируется также звучание разнообразных бытовых объектов – орудий труда, предметов быта, и даже пищевых продуктов: *Прихожу – они [дрова] все погасли, шипят да шшелка'ют; Сено грёб, дак… только грабли посту'кнут, так «чик! чик!» – ну чё, он не уме'т, ли чё ли? Чё-нибудь мале'нько неладно, он*

---

[27] В русском языке для обозначения быстрого действия используется междометие *фить,* зафиксированное в словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000].

подправит; Таня говорит тоже: «Я прямо дивлюсь, как вы без воды. У нас моешь, дак поскри'пыват посуда»; На полку залезла [кошка], оттэ'дова валенки уронила, да кастрюльки там загремели; Всё говорили «го'ньшык». Почту возит он. Знашь, как… С колкольца-ами, колкольцы' гремя-ат…; Наверно, горит рыба [на плите]. Пошша'лкыват; А у тебя де, газета ли чё ли там [на кровати] была? От ты пошевелисся – де-то газета шурчи'т там у тебя. Шурче'ла! Отмечены обозначения звуков падения, разрушения: *Лыжи-то повалились, а там листы, ну такой громото'к!*

Представлено несколько метафор, основанных на использовании звуков человека для обозначения звука неживых объектов: *Уа-а-уу! Голосом ревёт [дверь]; погоду-то хотела [узнать], а радио заикало, заикало, заикало, да так и … не послушала; Радио всё ика'т, ли чё ли?*

В идиолекте представлены упоминания отдельных музыкальных инструментов, типичных для народной культуры (*балалайка, баян, гармонь*), обозначение их звучания отсутствует, как правило, речь идёт об игре на музыкальном инструменте, сопровождаемой пением: *А они тут песни пели вся'ки-ра'зны, в гармонь играли*. Сема звука и слухового восприятия имеет место на периферии. Музыка в данном случае имеет вспомогательный характер, она предназначается не для слушания, а для исполнения вокальных произведений под аккомпанемент – в этом проявляется специфика народной музыкальной культуры.

Общие обозначения организованного музыкального звучания единичны: *концерт* (6), *музыка* (4), *оркестр* (4). Их упоминание связано как с обрядом, так и с досугом: *А кого и с музыкой хоронят, с духовым; Хорошо хоронили. Прямо, гыт, <…> духовой оркестр играл; Всё… по радио то молитвы, то музыка…* Для В.П. Вершининой эта сфера жизни не актуальна: *Я говорю: «<…> не пойду я. Кого пойду я там делать? Кто меня там не видывал? Кого пойду?» – «Концерт будет, я'рски будут концерт тут ставить».* Упоминания *музыки, оркестра, концерта* обычно воспринимаются как нечто чужое (в отличие от песни, которая является наиболее освоенным видом искусства для диалектоносителя).

Особое микрополе образуют номинации звуков, слышных при пожаре. Ситуация пожара предполагает взаимодействие натурфактов и артефактов. Звуки, издаваемые при горении, занимают промежуточное положение между сферами звучания артефактов и природных объектов. Анализ языковых единиц не позволяет сделать вывод о том, что именно осознаётся говорящим как источник звука. В одних случаях используются номинации артефактов, в том числе в позиции субъекта звучания: *Закрываюсь, закрываюсь [в одеяло], а там: пух! пух! – шифер-то; Ну и это… загорелось там. <…> А шифер-то трешшы'т!* В одном ряду со звукообозначениями используется номинация природной силы: *Я и говорю: как это Татьяна-то выбежала, в огонь-то не упала. Така' гыт трескотня', шшэлкотня', ветри'на, шум. Прямо горело.*

Для обозначения звуков этого типа используются разнообразные средства: *А чё-то телеви'зер шёл, видно, да и… а они де-то спали. Чё-то, гыт, пробужа'ются – шшелка'т. Дак она кое-как парнишек-то разбудила, да сгорели они прошлого'д. Сгорело всё у них*; *Поди, рёв и трескотня', и всё – дом сгорел! да всё – никого, ничё [не услышали, что у соседей пожар]; О'споди, слушаю – как кто стреля'т! <…> А там загорелась конбаза. <…> А там – пух! Пух! Пух! <…> Вот только подыму голову – пух! Пух! – как стрельба кака'-то чё-то…; Аня гыт: «А слыхала, конбаза-то сгорела?» <…> Я говорю: «Ну я слышала, чё, шум-то. Стрельба кака'-то.* Всего в идиолекте отмечено 10 единиц для обозначения звуков пожара и 25 контекстов с ними.

3.2.4 Обозначения звуков неживой природы

Номинации звуков неживой природы немногочисленны, микрополе включает 12 единиц. В текстах В.П. Вершининой насчитывается 25 употреблений данных номинаций. К звукам неживой природы можно отнести звуки воды, воздуха, грома и других природных явлений. Относительно часто источником звука является текущая и/или бурлящая вода: *На Томи. Она не застыла путём, а там, видно, ешо' де стрежь-то, она бури'т, вода-то; «Яков Му'рза говорит это,*

что у тебя там чё попало [в сеть], перемёт ли чё ли, гыт, ши'бко бу'лькат». Для номинации звуков воды диалектоноситель активно использует звукоподражания: *Налью воды только – кап, кап, кап [умывальник]!*

Употребительны также обозначения звуков грозы: *Мо'лоньи сверкали – вчара' ли позавчара' ли. Это… гром гремел; Погря'мыват ешо [гром]; У меня хоро'ша икона была. Ка-ак гром грянет, она упадёт – всё изломалась.* Источниками звука могут выступать также ветер, дождь, снег: *А ветер был! Ветер сви'шшэт, оборвало провод где ли кого ли – в о'бшэм, не было света; Сильный пошёл [дождь]. А я думала, град прямо стукал. Шифери'шка тут, как крыша дак… зы'кал; Выйду на улицу, де он [муж] думаю, не идёт ли, не слыхать ли? Снег не скрыпит ли где, послушаю, тода не глуха' была, счас-то не слышу я.*

3.2.5 Обозначения отсутствия звука

Обозначается также тишина как отсутствие звука ветра, движения воздуха: *Тихо на реке. Ветру-то не стало.*

Тишина как особое состояние окружающего мира обозначается в речи личности словом категории состояния или фразеологизмом: *Ти-ихо, ни ветри'нки, ни шуми'нки, никого нет; А у меня коромысло там лежит в се'нкав-то, чёрт сбросил – упало. И больше ни стуку, ни звуку не было.* Особенность использования этих лексем в речи личности – их употребление преимущественно в тех ситуациях, когда звук сменяется тишиной. Само по себе отсутствие звуков не привлекает внимание информанта. Зафиксированы также 2 глагола со значением ‘перестать издавать звуки’: *Кода' криче'ть стали, ешо лу'чче мне. Потом затихло всё; Поти'х же, сволочь! А то гры'зся без ума [о мыши].*

3.2.6 Коннотативные компоненты значения номинаций звука

Номинации звуков животных, в отличие от других звукообозначений, в речи информанта могут сопровождаться их интерпретацией. Общую модель интерпретации можно представить так: звук – знак чего-либо. При этом различается характер связи звука и его смысла, связь может быть как реальной, так и условной, символической. Термин «символическое значение» используем в качестве рабочего, подразумевая, что звук может быть символом абстрактной сущности.

Лай собаки имеет для деревенского жителя утилитарное значение – сообщать о приходе чужих, оберегать от воров: *Уснула – слышу, кто-то сту'кается, Шарик лает; А это, хоро'ша собака. Если так хоть кто пойдёт, дак не дай бог. Уви'дют дык отсту'пются, убегут. Большой, да как рявкнет, лает-то*; *Я и так его [пса] худо кормлю, не ши'бко хорошо. А зачем он? Кода' лает, кода' совсем не лает.* Такие интерпретации регулярно встречаются в текстах. Как отклонение от нормы расценивается и отсутствие необходимых звуков этого животного, и наличие ненужных: *<…> уташшы'ли [воры] весь конбико'рм и… все мешки. [Собаки нет?] Есь собака, гыт, не лаяла даже. Ма'ленька собачонка. Не лаяла; Надоел кобель, никакого толку [нет от него]. Не лает. Не лает, не кусает, в дом не пускает; <…> по берегу там собачонка ли овечка ли, конь ли, корова – он [пёс] будет лаять, надсажа'ться прямо*. Иногда диалектоноситель интерпретирует лай как просьбу о пище: *[Куда пошли?] Шарику дать [поесть], лает он.* Рычание означает проявление агрессии, угрозы: *его [пса] только берёшь, а он так за руки хвата'т. <…> А… счас мале'нько, как-то помале'нечку, и то – «р-р-р…» – я привязываю его. Не желает.* В данном случае животное представляется как «потенциально опасное» [Мишанкина, 2002].

В то же время в легенде о «хлебе на собачью долю» вой собак передаёт страдание животных и одновременно выступает как просьба, обращённая к высшим силам: *Ну и вот, оспо'дь бог, гыт, прогневался, и голод созда'л. Хлеб, чтобы не... не было никого. Собаки, гыт, воют всё! – это мама рассказывала. <…> Ну и, говорит, собаки воют, гыт, все, это… прям голод! А потом бог, гыт,*

послал – соба'ччу долю. Мама всё говорила: «Собак корьмить – это на соба'ччу долю счас едим». Вот это говорила, я помню. [А что бог послал?] Ну, хлеб послал. Три года хлеба, гыт, не было. Дак собаки все пропали бы, если так. Если хлеба-то не было. <…> А потом… выли собаки и просили. В другом варианте этой легенды наряду с обозначениями звуков животного использованы обозначения звуков человека: *И, гыт, так, гыт, плакали, собаки выли, гыт – прямо, гыт... выли!* Наличие в фольклорных текстах противоречивых представлений о собаке (которая может сотноситься и с врагом, и с другом человека) отвечает и общеязыковым закономерностям: «с одной стороны, это прирученное существо, с другой – хищное и потенциально опасное» [Мишанкина, 2002, с. 8].

Фольклорные тексты, в которых упоминались бы звуки кошки, в речи информанта отсутствуют. Интерпретации звуков кошки разнообразны, но носят сугубо бытовой характер. Чаще всего мяуканье расценивается как просьба о пище: *Чё ты заря'вкал, замя'вкал? Вон там у тебя есь питание – и ешь.* Звуки кошки часто интерпретируются также как проявление болезни или определённого физиологического состояния: *Этот раз мя'вкала [кошка] – она, видно, боле'т. Мя'вкат, мя'вкат ночью! Я думаю: наверно, котиться будет. Не знаю. Перестала; Так он, заденешь [хвост кота] – он так – «а'у!» прям сразу ревел. А теперь он зажил у него.* В определённой ситуации такие звуки воспринимаются информантом как просьба впустить в дом: *[В]стала, кы'ска – ну прямо от рёвом ревёт, просится, – а она на улице была.* В редких случаях животному приписываются эмоции, проявлением которых служит звук: *Она [новая кошка в доме] видит, что чужо', стала прямо… Она: «Мяу, мяу!»;* [У кошки утопили котят]: *Теперь будет це'лу неделю за мной ходить, пишша'ть.* Интерпретация тесно связана с оценкой, в большей части примеров она негативна. В отдельных случаях эмоция, вызванная звуком, обозначена лексически: *Мя'вкат – и – ой! «Мя-ау, мя-ау» – вот э'дак вот ходит [кот], надоел.* Средством снятия негативных эмоций становится ирония, создаваемая через уподобление звука животного звуку человека: *[Коту]: Брысь, не стона'й! Надоел.*

«Мышиные» звуки являются свидетельством существования животных, если они не видны: *[Мышей много?] Я не знаю, много ли немного, ну царапались. Даже от тут от, я клюшку взяла там, подпиха'ла туды' под низ-то, а там сара'патся, а потом выскочил мыш отсэ'дова.* Звуки мышей, как и сами животные, издающие их, оцениваются отрицательно: <…> *ладонью так по стене постукай, либо чем-нибудь. Может, не будут [скрестись мыши]. Я постукаю кода', дак они перестают. Прям неприятно как-то.* Звучанию мышей приписывается отрицательное символическое значение: *Говорят, к худому от эти, мыши грызутся.* В речи информанта негативные последствия звука сформулированы обобщённо. Шум мышей под кроватью, по некоторым приметам, предвещает покойника [«Славянские древности…», т. 3, с. 348].

Негативный смысл придаётся и пению кур «по-петушиному», которое расценивается как ненормальное и потому – как дурная примета: *Курица кода' поёт – «ой, говорят, к плохому», как-то неприятно было, кода' курицы пели. А бывает, пели курицы.* В данном случае символическое значение и непосредственное эмоциональное впечатление от звука («*неприятно было*») тесно связаны друг с другом.

При гадании на женихов согласное кудахтанье курицы и петуха, напротив, воспринимается положительно: *И выпустят петуха с курицей. Кото'ры подерутся курица с петухом, дак, значит, мужик будет бить жену. А если не будет, дак тода' дружно – если попьют, да наговаривают: «Ка-ка-ка-а, ка-ка-ка-а…» – «Ой, хороший муж будет, хорошо будем жить!»* В приведённом примере важна не принадлежность звука определённому животному, а характер этого звука. Со звуковыми подражаниями курице связаны многие обряды народной культуры, подражание другим животным используется реже [«Славянские древности…», т. 3, с. 296–299].

Со звуками петуха связано и представление о членении времени, что находит отражение в жанре анекдота: *Как, гыт… петух – из Америки петух пришёл, слыхали? Некдо'т. Говорит, пришёл – ну, в Советский Союз-то. И обратно вернулся. «А ты чё обратно?» – «А я там не знаю, как петь. Всё время,*

гыт, часы перевёртывают, перевёртывают, подвёртывают, да убавляют да прибавляют. Я не знаю, как и петь».

Несколько народных примет связано со звуками диких птиц. Так, сорока по традиционным представлениям – вестник гостей: *Катерина Вадимовна, наверно, сорока начикота'ла на твои'м дворе <…> Чико'тит кода' сорока-то, говорят, к гостям.* Сам звук сороки при этом воспринимается нейтрально. Звукам кукушки в соответствии с народной традицией придаётся отчётливо негативный смысл: *А кукушка кукует или нет? Говорят – на голый лес, как рано кукует кукушка – худо.* Пение на голый лес (т.е. до появления первых листьев, раньше срока) как прогноз неурожая – славянская примета [Агапкина, 1999, с. 38]. В речи диалектоносителя и сама птица воспринимается негативно, что связано с другой приметой: появление кукушки у дома – к смерти: *А кукушка-то прилетела, а сосед-то возьмёт палку <…> да палкой по антенне-то хво'шшэт! – Она всё равно кукует. Говорят, к худому, что она кукует, кукушка, а черьт ё знат, где к худому, может, правда, где, а может, так. [Если к дому прилетает или в лесу тоже?] К дому, к дому. К дому, она к им на антенну прилетела. <…> Он ружьё-то взял <…> в антенну как стре'лил! – кукушка-то упала да прям на неё, на Нину-то на эту.*

Звуки диких животных вызывают страх: *[волки] за Чистым та'мо-ка воют-воют! Ой, так прям: «У-у-у!» – жутко прямо даже*. Негативная эмоция связана с представлением о самом животном как опасном. В то же время приведённый пример согласуется с тезисом Н.А. Мишанкиной о том, что звуки леса чаще всего воспринимаются как маркер чужого, а значит, опасного пространства [Мишанкина, 2002, с. 8].

Звук грома – единственный из всех звуков неживого мира, получающий символическую интерпретацию. Особую значимость приобретает первый гром: *Ну я слыхала, Матрёна от говорила: первый гром как грянет, надо перевёртываться через голову так, чтобы спина не болела <…> Да в какой стороне [гремит первый гром]: если на южной, дак тепло будет, лето тёпло*

будет, а де-нибудь там, с северу, дык холод будет. Подобные приметы широко известны в славянском мире [«Славянские древности…», т. 1, с. 560].

Своеобразной чертой интерпретации звукообозначений в идиолекте можно назвать также случаи ошибочного восприятия. Так, звуки человека могут восприниматься как звуки животного: *Это, пойдём дрова резать, с ём [односельчанином], а он это, режет, а у его чё-то свистело, это лёгки, ли чё ли так. Там: ф-ф-ф-ю! Режем [дрова], а я всё думаю: где пташки поют-то? Кода' режем, а у его там: «ф-ф-ф-ю!» – свистит.* Возможна и обратная ситуация (звуки животного ошибочно принимаются за звуки человека): *[Кот стучит лапой] Так ночью засту'кат, я думаю, кто сту'кается [в дом].* Звуки артефактов могут быть восприняты как звуки природы: *Ночью от так от машины идут, я думаю: гром ли чё ли гремит?* Такие примеры ярко отражают целостность восприятия мира, характерную для диалектоносителя [Иванцова, 2014, с. 343–344 ; Гынгазова, 2007, с. 7–9 ; Гынгазова, 2010, с. 105]. Возможно, подобные примеры имеют фольклорную основу, т.к. они близки приёму отрицательного сравнения.

Выводы

1. Обозначения слуховых ощущений занимают значительное место в лексиконе информанта: к сфере звучания отнесено более двухсот единиц.

2. Если для модальности зрительного восприятия важны как прилагательные, так и глаголы, то для слухового восприятия характерно явное преобладание глагольной лексики. Преобладание среди звукообозначений глаголов свидетельствует о том, что звучание воспринимается как процесс. Такая особенность является, по-видимому, общерусской: преобладание глаголов в лексике звучания наблюдается и в поэтическом идиолексиконе [Атаманова, 2006, с. 15], и в городском просторечии [Лещинская, 2008б, с. 125]. Специфика перцептивной картины мира диалектоносителя проявляется также в широком использовании звукоподражаний, среди которых есть как индивидуальные, так и узуальные. Данные единицы диалектная ЯЛ употребляет для номинации звуков

разных типов – звуков человека, живой и неживой природы, артефактов. Использование звукоподражаний является проявлением иконической стратегии.

2. В поле «слуховое восприятие» гораздо шире представлены обозначения звука (более 200 единиц), чем обозначения способности к восприятию и процесса восприятия (11 и 14 ЛСВ соответственно). Особенность фрагмента перцептивной картины мира – смешение целенаправленного и нецеленаправленного восприятия.

3. Акустические явления мира достаточно чётко дифференцируются по источнику звука (звучанием наделены человек, артефакты, живая и неживая природа). Наиболее обширны поля «звуки человека» и «звуки животных», что свидетельствует об актуальности этих сфер. Соотношение «ядро-периферия» совпадает с общерусским [Пархоменко, 2000] и не совпадает с представленным в художественной речи (в поэтических текстах С. Есенина, Ф. Тютчева самое обширное поле – «звуки природы») [Пархоменко, 2000 ; Атаманова, 2006].

Среди номинаций звуков человека чаще всего упоминается пение, важно также производимое им шумовое звучание и обозначения неречевых звуков, транслирующих эмоциональное состояние. В меньшей степени характерно внимание к звукам физиологической сферы. Среди животных выделяется подгруппа домашних (кошка, собака, мыши), номинации их звуков более разнообразны по сравнению со звуками других животных.

Неактуальна для информанта также сфера музыки, которой в художественном тексте принадлежит заметное место [Атаманова, 2006, с. 18 ; Овчинникова, 2009, с. 126 ; Двизова, 2014а и др.].

4. Существительные с абстрактным значением (*звук*) относятся в лексиконе диалектоносителя к периферии поля «звук» (кроме существительного *голос,* употребляемого чаще всего по отношению к человеку, но в отдельных случаях также – к животному или предмету).

5. Поле обозначений звука пересекается с полями «эмоции», «болезнь»/

6. Часто звуки являются сигналами: стук в дверь, лай собаки сообщают о приходе гостей, физиологические звуки человека могут быть признаком болезни, голосовые звуки транслируют эмоциональное состояние. Специфика народно-

речевой культуры проявляется в наличии символического компонента у обозначений звуков животных.

7. Номинации слухового восприятия и звука, как правило, оценочно нейтральны. Достаточно редко используются образные номинации звуковой сферы.

Чаще используются обозначения громких звуков, номинации тихого звучания и тишины как отсутствия звука диалектоноситель использует редко. Отсутствие обозначений звучания растений (кроме единственного примера в пословице) также связано, по-видимому, с тем, что эти звуки, во-первых, чаще всего тихие, во-вторых, не значимы в практическом или культурном плане. М.Г. Вершинина отмечает наличие некоторых звуков растительного мира в пермских говорах [Вершинина, 2013б]. В идиолектах писателей, принадлежащих к элитарной речевой культуре, обозначения тихих звуков часто являются востребоваными [Пархоменко, 2000 ; Атаманова, 2006 ; Мельников, 2010 ; Мещерякова, 2011].

Глава 4 ОБОЗНАЧЕНИЯ ДРУГИХ ТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ

В данной главе рассматриваются перцептивы со значением осязательно воспринимаемых свойств и процессов, а также вкуса и запаха в идиолекте В.П. Вершининой.

В СП «осязание» в настоящей работе включались номинации качества поверхности, температурных ощущений, веса, сухости/влажности, относимые к осязательным большинством лингвистов. Наиболее частотными, ядерными в данном поле можно считать обозначения температуры.

4.1 Номинации температурных ощущений

Обозначения температуры изучались на материале литературного языка в целом [Рахилина, 2008 ; Быкова, 2014] и художественных текстов конкретных авторов [Свинцицкая, 2004 ; Овчинникова, 2009 ; Мельникова, 2010 ; Мещерякова, 2011 ; Двизова, 2014а и др.].

В идиолексиконе представлено 77 единиц, обозначающих температурные ощущения. Отмечено 532 высказывания с ними. В частеречном аспекте специфика их состоит в том, что наряду с именами прилагательными (*жаркий, горячий, тёплый, холодный*), широко представлены существительные (*жар, теплота, мороз*), слова категории состояния (*жарко, тепло, холодно*), глаголы (*нагреться, замерзнуть*), отмечены также субстантивированные прилагательные (*горячее, тёпленькое*) и наречия (*жарко, впро'горачь*). Зафиксировано 6 сравнительных конструкций для обозначения температуры (*как на солнце, как в бане, как на улице, как лёд, как ящик*).

Номинации температурных ощущений образуют синонимо-антонимическую парадигму: *мороз, холод, холодно – тепло*. Лексическое разнообразие единиц со значением температурного восприятия подтверждает идею о том, что «противопоставление тепло/холод – древний архетип, воплощающий идею жизни и смерти» [Григорьева, 2004, с. 70].

Наиболее употребительные единицы: *тепло* ‘о высокой температуре воздуха’ (120), *горячий (85)*, *жарко* (69), *холодно* ‘низкая температура воздуха’ (64), *мороз* ‘лёгкий утренний или ночной холод весной или осенью, заморозки’ (59), *мороз* ‘холод, зимняя стужа’ (51), *жара* (47): *жар, жара*, *тепло* (сущ.), *теплота*, *мороз* (сущ.), *холод*: *Моюсь, жар не могу терпеть, спина чешется, поддам, пова'дилась, не могу терпеть; И топить… в бане надо топить, а тут в избе – тоже жара будет; Погода-то но'нче кака': нет тепла и всё; Мале'нько уходила в сени, дак теплота така'; Мороз. Мо'кры руки прямо прихва'тыват; [О зубах:] От холоду болит, от жа'ру болит, и всё болят; Дак у печки сидели, чай пили, замёрзли. Морози'шше был; Жари'шша. Ишь он [пёс] залез в кунуру' даже.*

Общее обозначение свойства – *тенпературу'ра* (2) – относится к периферии поля: *Вечером посмотрю, кака' тенпера'тура [воздуха]*.

В организации данного семантического поля легко заметить два крайних полюса: *горячий, жаркий* (имеющий высокую температуру) – *холодный, мороз* (имеющий низкую температуру). Номинаций низкой температуры – 27 (включая 4 сравнительных оборота), высокой – 20 (из них 2 сравнения). Отмечено также 10 единиц с семантикой среднего температурного значения: *Нюра-то была здесь – прохладненько было здесь, сёдня тепле'. Она это: «Ой, пойдём за солнце, пойдём за солнце!»; Сегодня, наверно тепло будет опе'ть, хорошо, ветерок, прохладно; Пойду тряпочку [стирать] в баню… баня тё-опленька, там водичка…; Ну только мне надо горя'че, а он [суп] тепловатый был.*

Выделяются три микрополя обозначений по типу объекта: характеристики температуры среды, характеристики предметов, ощущения человека.

1. Температуру воздуха характеризуют имена существительные, слова категории состояния, имена прилагательные: *Жа'ру-то нету ши'бко. Двадцать градусов; Такой морози'на был кля'шшый; Мороз был – плёнкой покроешь [огурцы]; А, наверно, холод будет сёдня; Мороз, дак два раза топлю [печь]. А тепло, дак раз; Сёдня как-то пасмурно погода. Вчара'-то уж ши'бко жарко было; Прохладно, прохладно. Па'рит – и картошки пропадают, желты'-желты';*

Тепло было, вот они [помидоры] и тянулись; Ну сёдня, наверно, топить буду. На улице холодно; Думаю, поморозне' будет, может шинковку возьму пошинкую [капусту]; Ну, ко'сют его [сено], дня три полежит оно, если погода жаркая; А погода тёпла была тода'.

В данном микрополе можно выделить ЛСВ, обозначающие температуру в помещении, которая также воспринимается человеком: *Она [баня] жа'рка, ма'ленька; В избе жари'на; Печку натопила большу', дак жарко; Просила приходила печку потопить. <…> Они приедут, чтобы изба тёпла была; У их в избе мороз! Там-то морози'на лютый прямо! У Моти. Сильно холодно; В избе морози'шша, холоди'шша. А у Гути прохладно прямо. Прохладно, ешо так раздетой-то <…> Мало топят, наверно.* В этом случае часто речь идёт об относительных температурах. Используются выразительные метафоры и сравнения: *Но'нче я заходила [в избушку], ну, Гутя! Баня! [Баня, баня.] Баня. Зачем так [топит]? [С: Прямо веник, и париться можно]; Придёт ночует у меня – тепло. «Ой, я как на солнце ночевала»; От в избе тепло, а пойду туды' [в подполье] – там прям… как на улице. Морози'на.*

2. Температурные характеристики предметов и веществ (воды), которые ощущаются при прикосновении, обозначают имена прилагательные: *А я воду, тут была тёпленька вода, я пошла их [табуретки] обмывать; А потом ягоды кладут и в ру'сску печку ставят, не сильно жа'рку*. Для этих целей используются и сравнения. Два из них образные: *Хожу к нашим в баню, а у их пол холодный – как лёд! Холодно; А там как всё равно на снег стаёшь. Ши'бко холодно. Пол холодный у их. Я не знаю, пошто' такой холодный.* Используется также ситуативное сравнение, сопровождаемое жестом: *«Я, гыт, топила» – а я печку-то пошарила, она… как яшшык, така' холо'дна [дотрагивается до сундука, обитого жестью].*

Особенно часто в контекстах речь идёт о еде и напитках: *Попей, тёпленькый чаёк и молоко там, в банке; На полях рабо'ташь кода', чай скипятят в ведра'х, потом вёдра стоят с чаем это – ну не ши'бко горячий, и не тёплый,*

тёплый я не любила, а впро'горачь; Чё это мне, погреть пироги надо? Холо'дны-то они; Айда'те, поешьте карто'шки, пока тёпленьки; Рыбы поели бы, пока горя'ченька.

3. Температурные ощущения человека описывают 19 единиц, часто это слова категории состояния: *Я надену корсет [лечебный], он прижмёт, мне лихо, тошно, жарко; Ну, да чё, тепле' будет [в кофте]. А то вдруг в автобусе холодно*; *Сёдня, наверно, тепло будет спать, хорошо ветерок, прохладно; Ну тебе кажется, холодно у нас? А мне кажется, тепло*. Изменения температуры тела могут быть описаны с помощью глаголов: *Чё-то мёрзнется мне. Замёрзла. Пришла на базу – мороз-мор**о**з был! <…> Вся призноби'лась!; А он: «Ага! Примени'ла Колю! Коля сидит в тепле, а я так намёрзнус**ь**, да ешо каки'-то пимы' буду подшивать тебе!»; Гыт, ноги помёрьзли мале'нько, вот и приехала, и заболела; Да пойдут – па'рются-па'рются, да вы'скочут, в снегу катаются-катаются, да опе'ть в баню. Ну, о'бшэм, нагр**е**лись напарились закалились; Я сижу-сижу – печку тоже не топили, холодно – я приду к Коле мале'нько погреться; Наливайте! Пейте горяченького. Отогревайте своё тело.* Используются сравнительные обороты: *[Соседу:] Пойдёшь, де-нибу'дь замёрьзнешь, руки… <…> Счас отошли мале'нько, а то как грабли холо'дны были; Сняла бы, Гутя! Правда, как в бане будешь сидеть, преть в одёже-то*.

Коннотативные компоненты значения номинаций температуры

Отрицательно оценивается как чрезмерно высокая, так и чрезмерно низкая температура: *Ой, однако, сёдня жара будет престра'шна; Морози'на [был], а счас опе'ть тепло, слава богу*. Температуру воздуха на улице информант часто оценивает с точки зрения благоприятного или неблагоприятного влияния на растения: *Светки' у меня все пропадают, погибли. Наверно, жар не лю'бют, наверно, из-за т**о**. Как жара пойдёт, они как-то... сохнут, а счас...*; *Так бывал жар, жар! Потом дож прольёт. А тут жар и жар и жар и жар. Всё сгорело;*

Хоть бы не было морозу, всё зани'кнет; Тапе'рь бы дож прошёл, тепло бы, дак тут чё, росло бы каку' беду. А чё, холодно; А ветри'на, морози'на, свет-то весь оббило [у огурцов].

Высокая температура воздуха оценивается с точки зрения влияния на самочувствие, работоспособность: *А при таки'м возрасте на жыру' [на жаре] тоже ху'до. Мотя, дак она вовсе бы не вышла на улицу; Печенье стряпала, потом она… хворосты – я говорю… а в избе жарко было! я прямо не знала, куды' деваться, мне-то чижело'; И'жно боюсь, как жарко-то; Ешо голова болит, жарко; Если мне чё делать надо, а я – солнце, жарко, я не могу, потею ши'бко.* Показателен контекст, в котором противопоставляется влияние погоды на растения и на человека: *Ну, хорошо было, правда. Ну так-то жарко ши'бко, правда, было. Гля картошки хорошо, а так-то... ху'до.*

Как наиболее комфортная для работы оценивается средняя температура: *Сегодня, наверно тепло будет опе'ть, хорошо, ветерок, прохладно.* Желательным ощущением является ощущение тепла, что подтверждается высказываниями В.П.: *Люблю тепло. Мороз не люблю я; Чаю напилась горячего, дак… Я не люблю мороз,* а также пословицей *жар кости' не ломит.*

Индивидуальные предпочтения личности не совпадают с коллективными, отражёнными в пословице: *Мороз-то мале'нько надо. Зима, гыт, не без морозу.* Собственные предпочтения противопоставляются чужим: *А вчара' – ну, правда, вчара' жарко было. Они жар не любят. А я люблю. <…> Ну и, жа'ра боятся. Мотя ши'бко жа'ру боится – ой, прям ой, не дай бог! «Ой, размиʼло» – вчара' сидит за ворота'ми… чё-то позавчара' ли вчара' она? с утра-то. «Ой размиʼло как, ветерок да прохладненько, люблю так!» Я говорю: «Ну, жар-то надо всё равно, мало тепла-то видим».*

Для продуктов питания нормой обычно является относительно высокая температура: *Ой, холодный, такой я не люблю [чай]. Я люблю погоряче'; Ну только мне надо горя'че, а он [суп] тепловатый был; Рыбы поели бы, пока горя'ченька.* Для прохладительных напитков допустима низкая температура: *Не отра'висся. Попей, Поля. Ницё, холодненький он [компот].*

Итак, обозначения температурных ощущений составляют не слишком обширное микрополе в идиолексиконе, но многие из них отличаются высокой частотностью. Для номинации температурных ощущений используются экспрессивные формы, сравнения, абстрактные существительные (в целом несвойственные диалектной ЯЛ), нередко единицы внутри поля многозначны. Всё это свидетельствует о важности данного вида ощущений. Специфика данного микрополя состоит также в широкой представленности обозначений субъективного состояния, комфортного или некомфортного для организма. В высказываниях встречается преимущественно негативная оценка свойства «температура», оценка осуществляется как по прагматическому критерию (с точки зрения влияния на растения), так и гедонистическому (ощущения человека).

4.2 Собственно тактильные номинации

Обозначения тактильного восприятия в русском языке (прежде всего, глаголы) рассматривались в работе Т.С. Борейко [Борейко, 2006]. На уровне идиолексикона данные номинации частично исследованы в работах по номинациям восприятия у писателей, поэтов при комплексном подходе или анализе других модальностей [Атаманова, 2006 ; Овчинникова, 2009 ; Мельникова, 2010 и др.]. На материале устной речи языкового коллектива они изучались в работе О.Г. Лещинской по обозначениям восприятия в языке города [Лещинская, 2008а]. Как отмечено Т.С. Борейко, общее обозначение воспринимаемого на ощупь свойства отсутствует в языке [Борейко, 2006]. Общие номинации модальности – *осязание, (на) ощупь, ощупью* в лексиконе информанта также не представлены. Исследователи отмечают связь обозначений тактильного восприятия со зрительными ощущениями [Григорьева, 2004 ; Борейко, 2006].

4.2.1 Номинации процесса осязательного восприятия

Для номинации процесса осязательного восприятия используется 18 ЛСВ в 106 контекстах. Наиболее частотным является глагол *целовать/цалова'ть* (19), в значении которого компоненты ‘тактильное восприятие’ и ‘чувства, эмоциональное отношение’ тесно слиты. В ПСДЯЛ глагол толкуется следующим образом: ‘прикасаться губами к кому-, чему-либо в знак любви, дружбы’. Используются также дериваты данного глагола: *поцеловать* (10), *целоваться* (2), *целовки'* ‘поцелуи’ (1). Выдвижение глагола *целовать* в центр обозначений восприятия обусловлено, вероятно, важностью для информанта социальных отношений. Практически во всех случаях речь идёт о поцелуе в знак приветствия, дружбы; объектом, как правило, выступает говорящий: *Он [знакомый] меня поймал, цалу'ет прям; Ой, Вера Прокофьевна!» − меня схватил, давай целовать;*

Хороший. Целовал меня! Он, наверно, подпил? Достаточно редко речь идёт о других людях: *Пойма'лись, гыт, друг за друга, сцепились, и это, то ли они целовались, то ли чё ли…*

Ядерными обозначениеми процесса тактильного восприятия в идиолекте являются также глаголы *тереть* (18), *пошарить* (16), используются и однокоренные им лексемы – *потереть* (5), *тереться (*1), *пошариться* (2)*, шарить* (2). Глаголы тактильного восприятия *касаться, тронуть* в речи диалектной ЯЛ имеют неперцептивное значение, лексемы *щупать* и *осязать* отсутствуют. Глагол *трогать* отмечен в единичном употреблении и относится к периферии ЛСГ.

Субъектом восприятия часто выступает говорящий: *Я пошарю – у ей железя'га там, чу'вствоватся.* Также часто субъектом восприятия является третье лицо: *Ну он высочу'шшый, она ма'ленька, цалу'ет ему руки – давно не видала.*

Иногда высказывания с глаголами тактильного восприятия обращены к собеседнику. Это может быть запрет: *[Маленький мальчик: Самова-ар!] Не надо, не трогай. [С усмешкой:] Самовар! Увидел. Пошли чай пить!* Высказывания с субъектом-собеседником используются также в жанрах косвенной просьбы, предложения: *Лена! ворота' закрой. И, это, там палка-то, и это… Ну, увидишь там, пошаришь… Мне чтобы не ходить; Морковки, поди бы, сорвать – ма'ленька ешо'. А'ли ничё? Катя Алинке. Беги. Потолшэ' кото'ру таку', пошаришь?; Это каки'-то у их зашмы'чки пошто-то. [Что?] Зашмы'чки. Пошарь, кака' [кофта «скатывается»]*. В одном случае субъект восприятия – животное: *Ну, вот это, утром я [в]стаю, она [кошка] ко мне, ла'стится всё, трётся.*

Объект восприятия чаще всего – человек: *Лекса'ндра Степановна так мне вчера пальцы всё тёрла, тёрла, тёрла… А, ничё не помогает!; Зуб прям меша'т мне! Так всё пальцем шарю; Гладит меня, да приголу'бливат: «О'споди, да не плачьте».*

Реже объектом при глаголах тактильного восприятия являются предметы, животные, растения: *А я полезла туды' – ну, в подполье туды' полезла, посмотреть там затолкнуть, а поша'рила там, постукала – а бревно пусто'; Приходим туды' – а они: «Ой, каки' барашки! Можно погладить?» Я говорю: «Да*

о'споди, чё не погладить – овечки». Ну, погладили овечек; А Наташа-то это, гыт: «Кы'ску погладь. Возьми кошку гладь, гладь, гладь так – заживёт»; А счас да'йче хотела Николаю сорвать штук пять [редисок] – прям всё каки'-то то'неньки, шарю там, пошарю – то'неньки.

Для ЛСГ глаголов осязания характерна обширная периферия: это единицы, содержащие сему ‘прикасаться’: *погладить, похлопать, ткнуть, тереться, обнять, прижимать* и др.

Часто в контексте с глаголом употребляются прилагательные, обозначающие тактильные, зрительно-тактильные или температурные ощущения: *И вот спать лягу – там пошарь, замочек-то какой! Ишь, во'стрый какой; Я пошарила – ой! А там у ей таки' как вот деревя'нны, это всё сварёно [тело после облучения]…; «Я, гыт, топила» – а я печку-то пошарила, она… как яшшык, така' холо'дна.* Можно сделать вывод, что осязание во всех случаях является активным, его цель – ощущение, познание определённых объектов или их свойств.

Изредка отмечается сближение глаголов зрения и осязания: *Посмотри, каки' у их [серёжек] замки-то там! От… хоть пошарь. Воло'сья задевают; Она гыт: «Тётя Вера, посмотри, пошарь, как чё у меня тут»; Ну, увидишь там, пошаришь…*

Обозначение тактильного восприятия может соседствовать с глаголом знания: *От у Ани хоро'ша была тоже [шаль], не така, а… это… мя'конька. Эта-то ши'бко – пошарь, кака', ты знашь? Мя'гка.* Встретилась также замена глагола восприятия на глагол *знать*: *Вот Аня чё возьмёт в руку, выпадет – она даже не знат, что выпало или в руке ли тут. Ничё не чу'вствоват.*

Связь тактильного восприятия и знания как признак владения определённой профессией прослеживается в таком контексте: *Кото'ры знают, дак в руки возьмут уж, понимают, кака': или зи'мня [шерсть], или весни'на, или зимни'на, ле'тнина ли. Вот пимокаты особенно. Катали, дак… Привезут им шерсь – он в руки возьмёт и откидыват это, зимни'ну: «не надо, гыт, её, плохая». Ну, я-то не знаю.*

Таким образом, базовые лексемы осязания в идиолекте не совпадают с общерусскими. Согласно специальному исследованию Т.С. Борейко, в общеязыковой системе ядерное положение занимают глаголы *касаться* и *трогать*, а глаголы *пошарить, тереть, целовать* относятся к периферии [Борейко, 2006, с. 193–195]. Объектом при глаголах осязания часто является человек. Тактильное восприятие всегда активно. Процесс тактильного восприятия сопрягается в речи информанта с процессами зрительного восприятия и получения знания.

4.2.2 Другие номинации тактильного восприятия

В СП «Осязание» отмечено 89 перцептивов. Они зафиксированы в речи В.П. Вершиной суммарно 242 раза.

Преобладающим способом выражения являются имена прилагательные – 42 единицы (*жидкий, лёгкий, влажный, мягкий*), представлены также слова категории состояния (*мокро, су'хонько, тяжело*), субстантивированные прилагательные (*мяконькое, жиденькое* – о пище), существительные (*мокрота, сырость*), наречия (*гладко, жидко*). Сравнения особенно часто используются для характеристики твёрдости, консистенции, гладкости (*как камень, как каша ма'нна, как стеклянный* и др.).

Выделяются 5 микрополей: 1. Твёрдость/мягкость и плотность; 2. Влажность/сухость; 3. Масса; 4. Консистенция; 5. Гладкость и некоторые другие свойства.

Наиболее употребительны в речи ЛСВ, являющиеся ядерными в соответствующих микрополях: *жёсткий* (32), *мягкий* ‘легко, без усилий разжёвываемый’ (20), *тяжёло* (15), *сырой* (12), *мокрый* (11), *как камень/камни* (11), *мяконький* (10), *густой* (10), *тяжёлый* (10).

1. Обозначения твёрдости/мягкости, плотности – наиболее многочисленное микрополе, включающее 45 единиц, встретившихся в 100

контекстах. Отвлечённое обозначение данного свойства отсутствует в лексиконе. Наиболее употребительны номинации *жёсткий* (32), *мягкий* (20), *как камень* (10). Прилагательное *жёсткий* является семантически простым, *мягкий* – многозначным. Слово *твёрдый* обнаружено только в одном контексте, в повторе за собеседником: *Вот мне сколько орех-то дали. Угостили [показывает мешок]. Они нехоро'ши. [Нехорошие?] Пусты' да… вся'ки-ра'зны. [Твёрдые?] Твёрды.*

Названные единицы характеризуют широкий спектр объектов: продукты питания, объекты природы, артефакты, человека, животных: *А они [сливы] жёски. А это мя'гки да сла'дки, ши'бко хоро'ши; Картошки как это, камни жёски, с полей; Жёстка земля, не знаю, как она щас, мале'нько размокла ли нет ли; От веника листья нарвут [в гроб]. Чтобы мягше было; Пухо'вы, мя'коньки были, пуши'сты [шали]; Те-то мя'гки [варежки], а эти всё равно колю'чи, шерстяны'; Колю'че, наверно, одеяло? А Рая мне подарила, я те покажу чё… одея'лу. <…> Мя'гко-премя'гко, хоро'ше; Это же хоро'ша, вот же шерсть кака' пуши'ста, мя'гка на ём [псе]; А лохматый, пушистый [кот]!*

Значительную часть микрополя образуют обозначения твёрдости/мягкости пищевых продуктов. *То ола'дни испеку, то пирожки испеку, мале'нько, то вроде блины то'лсты испеку – люблю я мя'гко, зубов-то нету*; *Пирог возьми хыть какой, какой помягче; Ну, надо… поди бы она [дыня], поди, мя'гка кото'ра – хоро'ша. Там де'-то полу'чче были, а это… остались таки', эти, хрустя'шшы. Один бок жёлтый; Если бы я знала, что они [пряники] таки' жёстки, я бы не взяла; Я грызла, грызла взяла, они меня угостили [сливами], одну. А они жёски.* В большей части примеров позитивную оценку получает мягкость пищи, негативную – твёрдость.

Часто твёрдость пищевых продуктов обозначается с помощью сравнений, ФЕ, метафор, имеющих отрицательные коннотации: *А счас посмотрела – он [разведённый сахар], не поверишь… как… ну как чё? Ну как железо. Не знаю, ножом копала, копала, ничё не могла. Зо'ский ши'бко; А у их сахар приготовленный в мёд лить. А он [мёд] сде'латся такой – как чё? Как воск.*

Ничем не сде'лашь, хоть топором руби; Ножом нельзя разре'зать. Я взяла, хотела отре'зать, думаю: что за сало? <…> Ну как кось!; *Редиска ме'сяшна стала деревя'нна*.

Негативную оценку получает чрезмерная твёрдость пищи, особенно выпечки, хлеба. Для характеристики утратившего мягкость, свежесть хлеба и мучных изделий используются лексемы *чёрствый*, *чёрственький, сухой*: *[Хлеб надо /купить/?] Я не знаю, чёрствый есь; Володе нашему чёрственьку [«па'ску», о куличе] дала, уж это в родительскый день; А Иван, гыт, не стали брать. Пряники, грызут сухой хлеб – да и чё сухой?* Многочисленны сравнения: *[В]он какой мягкый хлеб быва'т; Покупал мне кто-то здесь <…> как камни, разжува'ть нельзя! [Пряники?] Пряники, ага. Как глина; А тесто, гыт, как резина, прямо раскусить нельзя [хлеб]. Кто-то говорил; Мя'гки да мя'гки – дак они [пряники], поди, были, нет ли мя'гки-то? От есь поскрёбыши, как раньше называли – ква'шню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя!; Печеню'шки принесли таки'… как подскрёблены – засу-ушены таки'! Ага.* Отмечено сравнение для характеристики мягкого, пышного хлеба, имеющее одобрительный характер: *Лу'чче булочку хлеба купить, дак всё равно хороший хлеб. Дорого дак мило. <…> ой! как от подушка пухо'ва! Ой, какой размилый*.

Одобрение получает твёрдость грибов, овощей, так как в норме качественные плоды не должны быть дряблыми: *Ма'сленик как сахарный. [Почему? Белый? Или сладкий?] Кре'пки таки'. [Как сахарная голова?] Ага. Прям это, хоро'ши, это… как комочки сахара. А это… ни червей там, ни проедено, ничё. Ши'бко хоро'ши!; Катя от хороший [гриб нашла], вот такой ядрёный, да вот така' это нога-то у его прямо. Хоро'ши ши'бко; Ну они [огурцы] ничё так, ядрёненьки стоят; Хоро'ши кото'ры вилки' [капусты] прям таки', туги' таки' как камни!; Ну, сколько? Вило'чков двадцать пять, наверно, есь. Кото'ры поменьше, ну ту'геньки*.

При характеристике тела человека используются, во-первых, паралингвистические средства коммуникации (жесты), во-вторых, сравнения, что

позволяет создать яркий оценочный контекст: *Юрочка был тут-ка, а я, это, – ишь чё, како' тело. <…> А е'то, я за[дела]... ой, вот такой от, как холодильник [стучит костяшками пальцев об стол]. Наверно, нигде ничё, натянутый. Я грю: «Ой, тело-то како'!» [А] у меня как тряпка; Он приходит – от така' шишка! Больше! Больше, – на ноге. И нога от така' сделалась [стучит по столу], как камень*. Знак оценки зависит от ситуации: в первом случае положительно оценивается упругость мышц (и отрицательно – её отсутствие); во втором характеризуется болезнь, оценка свойства «твёрдый» отрицательна, поскольку означает отклонение от нормы.

2. В микрополе **обозначений влажности/сухости** входит 18 единиц. Номинации данного свойства представлены в 71 контексте.

В грамматическом отношении обозначения влажности/сухости наиболее сходны с номинациями температурных обозначений. Базовыми являются прилагательные *мокрый* (11), *сырой* (12) и слово категории состояния *сыро* (7). Есть отвлечённые обозначения свойства: *мо'кредь* (2), *мо'кресь* (4), *мокрота'* (1), *сырость* (2).

В организации семантического поля заметна асимметрия: признак «сухость» представлен пятью единицами, употребляются они реже, чем обозначения сырости: *Солнышко, а лавка-то мо'кра, сыра' да холо'дна; А там сыра' земля. Логоти'на; Да поела, да пошла полоть. Дак у меня прямо руки мокры', сама мокра'! – сыро было; А он пришёл как чёрт из воды, он весь мокрый пришёл, мокрый-мокрый!; А чё, пе'рво же сухо было. Да и холод был. Холод же был. А потом сухо. Не было дожжей; И в огороде суше' всё бы; Дорога суха', а у меня в огороде – море; Мы-то в суху' погоду съездили, проехали так. Худа' дорога там.*

Сухость как свойство помещения оценивается положительно: *Хорошо, видишь, как [в помещении для скота]: всё сухонько, всё чистенько, всё хорошо*. Негативную оценку получает излишняя сухость атмосферы, вредная для роста

овощей: *Я говорю: «Валя, вы копайте, и лук сей, и морковь сей, обязательно надо сеять. Время-то уходит, всё равно. Да така' сушь будет, я говорю, и ветер дак…»; Всё захватила сухота одна.* В целом шире представлены отрицательные оценки.

3. Обозначения массы. В идиолексиконе зафиксировано 13 перцептивов для обозначения массы. Ядерными являются обозначения *тяжело/чижело/чажело* (19), *тяжёлый* (10). Более разнообразны и частотны обозначения тяжести. Противоположное свойство номинируется двумя именами прилагательными: *лёгкий* (8), *лёгонький* (7). Всего проанализировано 44 употребления. Общее обозначение свойства представлено существительным *вес* (4): *Три сантиметра подрос, а вес чё-то мало прибавил [ребёнок].*

Широко представлено обозначение ощущений человека, которое оценивается как вредное для здоровья: *Проходи, чижело' как ташшыть; Ну я не понесла. Мне тяжело вроде показалось*.

Обозначения массы обычно сочетаются с номинациями неживых объектов: *Ну на холеру она… магнитофон берёт. Он же тяжёлый; Вот така' чугунка, больша', бо'ле ведра. Чажелю'ча! Её просту'-то поднять нельзя. Чажёла; Чижёлы каки' [поленья]! Я и то тяжёлое не подымаю; Даже и холодильники утаскивают [воры] – ну как? Ведь это же не лёгко тако', вешш-то, холодильник уташшыть да телеви'зер.*

Обозначается также масса человека, животного, объектов неживой природы: *Ой, тяжелю'ча она [девочка] ши'бко; Не, они [свиньи] моло'деньки, всё равно лёгки; Тут кого, это лёгонькый снежок, я откидала бы; Татьяна говорила, кода' тут была. «Покрасили [пол], гыт, ну чё делать, гыт? Лазили-лазили в окно, а я прямо боюсь! Митя, он, гыт, лёгонький, он лазит».*

К периферии микрополя относятся также глагол *тянуть* в значении ‘иметь вес’ (1), существительные *тяжесть* (1), *тяже'ль* ‘тяжёлый предмет’ (1): *И ташшыла, бе'дна, тя'жесь таку' [неспелую дыню]; Тяже'ль таку' ташшыть; Клади, клади, чё. Ну, чё они [булочки] там тянут-то? Сто грамм.*

4. Обозначения консистенции. В данное микрополе входят 15 единиц, зафиксированных в 36 контекстах. Это обозначения *густой* (10), *жидкий* (7) и их дериваты, а также сравнения. Для номинации признака «густой» используется 7 ЛСВ и 2 сравнительных оборота. Микрополе «жидкий» обозначено пятью единицами разных частей речи и одним сравнением. Актуализируются антонимические отношения прилагательных: *Я жи'дку делала [горчицу]. Ну ничё она, густа'.*

Данные обозначения характеризуют ограниченный круг предметов, чаще всего пищу: *Я и тот [холодец] выкинула собачонке, так осталось <…> хороший, густой такой. Собаке отдала; Густя'шша стала [каша]; А тоже сметана, ну не така' была, как у е'той, у Нины. То све'жа, то прямо густа'-прегуста'-густа'; Картошку натушили с мясом – ну, она жи'денька была, даже я похлебала жиденького; Она, гыт, жидко завела [тесто], да в печку посадила, да сгорели [куличи]; И вот, девки, будете брать [джем]: там есь который густой, а который жидковатый. Вы погушше берите, пироги стряпать; А… такой…[мёд] ну, как вроде бы… брага ли квас ли там. Жидкий; А я ему это, как сметана, сливки купила, да они загустели, я ему полстакана налила, бо'ле, ну, накла'ла ложкой, прямо хоть ножом режь – кака' хоро'ша была, вку'сна!* Если речь идёт о пище, признак «густой» обычно имеет положительную оценку.

Признак «консистенция» также релевантен для небольшого числа артефактов, чаще всего В.П. упоминает краску для ремонта: *Ну она [краска] мале'нько густова'та была.* Краска уподобляется продуктам питания по консистенции, при этом оценка густой краски негативная, таких примеров несколько: *Ане не пондра'вилась она [краска]. Там она как каша манна густа'. Ну её полила бы мале'нько олифы ли чё-нибудь, и мазала бы; Она [краска] так-то хороший цвет-то у ней, а… ста'ра стала, устарела. Как каша ма'нна, сварёна. Развести я ничем не разводила, так, густой помазала мале'нько; Аня дала мне оли'фо, оно густо'-густо', как густа' сметана.* Консистенция в данном случае

свидетельствует о некачественности продукта, делает неудобным его использование. Признак оценивается по прагматическому критерию.

Изредка упоминаются другие типы объектов, например, физические субстанции тела человека: *Анна Петровна раньше: «Вера! Ты корми Ми'ньку-то больше сахаром! От сахару хорошо, кровь густе'т».*

Можно выделить также ряд сравнений, в которых консистенция является основой сопоставления (без употребления в контексте самих обозначений *густой, жидкий*): *А я ему это, как сметана, сливки купила, да они загустели…; Когда она [сусло] сбега'т, сусло как патока тянется; Попробуй, что за сметанка. Я даже не знаю. <…> Прям как масло.* Эталонными предметами для признака «густой» являются каша, сметана, масло.

5. Другие тактильные обозначения

В это микрополе включены 11 малоупотребительных в речи номинаций. Номинации гладкой поверхности насчитывают 8 ЛСВ, представленных, в основном, в единичных контекстах: *Полы хоро'ши, но не гладко. Краска-то хоро'ша, а обделаны плохо; Ой, табора' там лежат оси'новы, много, лес прям хороший, ровный, чистый; Ровный совсем тёс. Обзо'л; Ешо подстрогают так всё, хорошо всё сровняют – и гла'денько, и не обва'ливатся [погреб].* Можно отметить, что гладкость, отсутствие шероховатостей в ряде случаев получает положительную оценку. Это характерно и для сравнений, имеющих позитивную эстетическую оценку: *Приносит [лопату племянник], дак в магазине таку' не сделают. Чё это, че'рень-то гладенькый, как шлифованный какой-то; Ага, он насадил [лопату] – вот как стеклянный черешок. Папенька родимый, выстрогал, да – прямо гладкый ши'бко!* Противоположное свойство номинируют 2 ЛСВ, представленные в 3-х контекстах: *Таки', шерша'вы камни, специа'льны, как в баню на ка'менку кладут; Но'нче Рая приносила – больши-и таки'! чебаки. <…> «Они, гыт, шерша'вы, гыт?» Я говорю: «Нет, ничё»; [С: Постелили пол, ему не нравится, строгает.] А чё, нестроганый?*

К обозначениям тактильных свойств относим также номинации *во'стрый/острый* (9), *тупой* (4)*: Тупой он был [ножик для очистки квашни]. Там если во'стрым, дак дерево наскребёшь, ква'шню – поди, ешо берегли, небось; Наверно, подпилок бы был такой вострый – поди бы,* ***я*** *поточила; Всё отреза'т [листки календаря]. Отре-ежет ножом острым…*

Таким образом, можно говорить о разнообразии представленных номинаций тактильности. В лексиконе исследуемой ЯЛ чаще всего встречаются обозначения таких тактильных свойств как жёсткость/мягкость, влажность, масса и консистенция – они могут считаться наиболее значимыми для диалектоносителя. Для номинации жёсткости, консистенции диалектная ЯЛ регулярно использует сравнения. Реже представлены другие обозначения (*колючий, пушистый, гладкий, острый, шершавый*). Прилагательные тактильного восприятия чаще всего характеризуют неодушевлённые предметы (продукты питания, артефакты), реже – человека, животных. Заметна асимметрия в строении поля: чаще обозначаются тяжесть, влажность, гладкость, чем противоположные свойства. Специфичны средства номинации осязательных свойств: так, информант практически не использует слово *твёрдый*, отдавая предпочтение обозначению *жёсткий*. Необычным является способ передачи тактильных признаков через жест [стук по твёрдому предмету означает ‘твёрдый’]. Эту особенность можно рассматривать как ещё одно появление иконической стратегии, выявленной и в других модальностях. Обозначения тактильных свойств нередко сопряжены с оценкой. Знак оценки зависит от объекта и определяется представлениями о его нормативных качествах.

4.3 Обозначения вкуса

На уровне литературного узуса в русском языке обозначения вкуса анализировались О.В. Макаровой с помощью фреймового подхода [Макарова, 2007]. Кроме того, номинации вкуса в антропоцентрическом плане частично

исследованы в комплексных работах по обозначениям восприятия в русской художественной и разговорной речи [Лещинская, 2008а; Овчинникова, 2009; Мельникова, 2010 и др.]. Специфика номинаций вкуса заключается в сопряжении перцептивного и оценочного компонента в их значении.

Обозначения вкусового восприятия вписываются в более широкое СП «еда», являющееся одним из центральных для исследуемой ЯЛ как носителя традиционной культуры [Иванцова, 2004, с. 142].

В речи изучаемой личности отмечено 59 перцептивов, номинирующих вкусовые ощущения. Грамматические средства выражения – имёна прилагательные (*кислый, солёный*), прилагательные в значении существительных (*сла'тенько*е), существительные (*кислота, сладость*), слова категории состояния (*вкусно, сладко*), видовременные формы глагола (*пробовать, кисли'ть*) и причастия (*присолён*). Прилагательные нередко имеют суффиксы субъективной оценки, характеризующие слабую/сильную степень проявления признака (*кисловатый – кисля'чий, соленю'щий*). Номинации *горький, сладкий, солёный, кислый* в идиолексиконе многозначны. Отмечена синонимо-антонимическая парадигма *сладкий – кислый, горький, солёный* и антонимическая пара *вкусный – невкусный*. Собственно вкус описывают 4 сравнения и 1 фразеологический оборот, на периферии макрополя располагаются сравнения по нескольким признакам одновременно (вкус и цвет и т.п.), их 5, а также сравнения, характеризующие продукты питания одновременно по тактильным и вкусовым качествам, рассмотренные в разделе 4.2.2. Проанализировано 303 высказывания, включающих обозначения вкусовых ощущений.

Представлено всего 2 **глагола** вкусового восприятия. Ядерным можно считать обозначение *попробовать* (23), глагол *пробовать* (11) используется реже. Номинации процесса вкусового восприятия менее частотны по сравнению с обозначениями соответствующих свойств.

При использовании глагола в значении собственно восприятия субъектом является, как правило, говорящий: *Так <u>попробовала</u> − не солила. Лук <u>я</u> не солила; <u>Попробовала</u> ложечку – <u>мне</u> кажется, как недосолёный [фарш]*. Редко субъектом

восприятия является 3-е лицо или обобщённая группа лиц. *Поля хренодёр этот попробовала – «Во'стрый ши'бко гля печени, вредно»; «Ба'ушки только пробуют [вино]», аγа? [шутливо цитируется речь внука одной из собеседниц]*. В одном случае, при употреблении прилагательного со значением вкуса, субъектом действия выступает животное: *Не гля'нутся, наверно [мыши коту]. Невку'сны*.

Обозначения, в которых субъектом восприятия является собеседник, рассматриваем как неперцептивные, т.к. в данном случае важен, скорее, сам факт принятия пищи, её количество, вкусовые характеристики отходят на второй план: *Ну пошто' это [не ешь], попробуй! Ну попробовать-то могла же ты! Попробуй, попробуй!; А это, пряники я купила, не попробовала, наверно?*; *А попробовала бы, каки' варенья*.

Объекты вкусового восприятия однотипны, это продукты питания: *Сальце попробуй, это Гутя приносила; Говорю, огурчики распечатай, попробуй, каки'; Пироги… Попробуйте; Суп я попробовала*.

Проанализировано 269 высказываний с обозначениями вкусовых признаков.

В идиолексиконе есть **отвлечённое обозначение воспринимаемого свойства** – *вкус*: *И вкусом они хоро'ши, и растут долгеньки [огурцы]; С маком пироги были, ну каки-то невкусны были. Просто так невкусны, по вкусу; На вкус вроде бы [картошка] роза лучше, вкусне'*. Общее наименование признака более частотно (14 словоупотреблений) по сравнению с описанными выше СП других модальностей восприятия.

Наряду с ним, можно выделить достаточно обширное поле **общих обозначений вкуса.** В него входит 13 ЛСВ, около 100 употреблений (или 37% всех примеров с обозначениями вкусовых признаков). Характерно для этих лексем сочетание перцептивного и оценочного компонентов значения: *вкусный* ‘приятный на вкус’.

Наиболее частотно обозначение *вкусный* (53): *Я кусочек съела – вку'сна! Малосольна така', и… Ши'бко вку'сна [рыба]; [Вкусная картошка у вас такая.] Ой, это ешо, это изро'сша, а так вку'сна картошка; Да така' вку'сна была, ой,*

кака' вкусна была! картошка. Всё своё было; Вку'сны-вку'сны пироги! Лексемы со значением позитивной оценки вкусовых качеств разнообразны: *А ничё, вку'сненька [рыба]. Хоро'ша. Дай бог доброго здоровья [рыбаку], ловить больше рыбы. Нас кормить; Кака' она вкусня'ча [картошка], Катя, скажи!; Жарила картошку с имя' [грибами] – вкусно кажется!; Едим так, грызём [брюкву в детстве]. Вкусно; Нечем потчевать, ши'бко вкусного-то нет.* Семантический компонент ‘вкусный’ отмечается и у общеоценочных прилагательных, наречий: *А то вот как только сажусь чай пить, так маленькими кусочками нарежу прямо солёненько тако' [сало], прямо приятно кажется – вот какой-то аппетит бува'т же; Поесь-то ши'бко нечего было хорошего*.

Общая негативная оценка вкуса представлена всего двумя лексемами и меньшим числом примеров (15): *А в городе, там её [рыбу] со всех сторон везли. А сцяс у нас рыбу добывают, мне кажется, она невку'сна; Хоро'ши таки' прямо [грибы]! И не черви'вы. Бе'лы. А чё-то они невку'сны; Ну она [картошка] краснoгла'зка така'. Ну она невку'сна, она кормова'; А сеча'с как-то невкусно, сметаны нету.*

Обозначение *безвкусный* в диалектном идиолексиконе не представлено, для выражения этого значения используются прилагательное *невкусный,* отрицательные конструкции со словом *вкус* и сравнения: *А сцяс как опилки, никакого вкуса в хлебе нету; Ши'бко ароматный был [хлеб раньше]; А мягкый, я попробовала счас – мягко. Перец-то [болгарский]. Ну ничё, мне кажется, никакого вкусу нету, как трава; Дак это, я их [пряники] не могу, размочу. А чё, какой вкус, никакого вкуса нету*. Отмечается не только общее отсутствие вкусового ощущения, но и отсутствие вкуса определённого типа как несоответствующее ожиданиям: *А эту [морковь] разре'зать, она выварится и несла'дка будет, поди; Ешо соли'те, несолёно*.

Наличие большого числа контекстов с прилагательными *вкусный, невкусный* и однокоренными единицами позволяет сделать вывод о том, что в своей речи информант не стремится к тонкому разграничению вкусов. Тем не менее,

специальные обозначения вкусовых ощущений (*горький, сладкий* и др.) также представлены значительным числом примеров.

Среди специальных обозначений вкуса наибольшей проработанностью отличается **микрополе «сладкий»,** в него входит 11 единиц, зафиксировано 87 контекстов. Широко представлено основное обозначение *сладкий* (56): *Сладкий он так-то, узю'м; Килограмм перцу покупала, сладкого это, болгарского, и килограмм луку…; А там [консервы] кака' прелесь-то: там были груши, очи'шшены – сла'дки да хоро'ши прям, ой, хоро'ши, хоро'ши!* Многочисленны дериваты данного обозначения: *Этот сладкый [виноград], вчара' иторвала я'годков сколь, помыла да попробовала – сла'тенькый; [Торт сильно сладкий.] Нет! От это-то, конечно, сладковато; Суп ешо похлеба'т [ребёнок] да картошку жа'рену <...> сладким она ши'бко испова'дила его; Тут одно удовольствие сла'тенько чё пои'сь, да всё; В их [конфетах] как-то мало сла'тости.* Есть специальное обозначение чрезмерно сладкого вкуса: *Потому что она [черника] как сластит, при'торна. Смородину добавляли.*

В сравнениях сладкий вкус соотносится с эталонами: *Сахарин разведу мале'нечко, да сметаны накладу' блюдце, да замешаю, да макаю… Сладко и вкусно. [Он как порошок?] Угу. Ну, как леденец какой; Ешо у наших дак сла'дки [картошки]! Я люблю [усмехается]. А я пришла, они суп налили мне – а он сладкий, как с сахаром, «я такой не люблю», говорю. [Мороженые?] Нет, а у их погреб холодный, они напитались холодным – ну, сла'дка картошка.*

Представлено 9 ЛСВ для **обозначения кислого вкуса**, 35 высказываний. Центральное положение занимает обозначение *кислый* (9): *Кру'пны огурчики на семя оставишь – се'менник, кислый он; Помидорины ела, две съела. Кислова'ты хоть; На' [ягоды виктории]. Будешь? Ки'сло. «Дай голому рубаху – толста'», так и мне. Дали, дак гыт, «ки'сло». Правда, кисловато; [О продуктах из гуманитарной помощи:] Кислота, перец один! <…> То кисля'че, то… как кисель; Молоко кислит; [Пробует компот]: Прям кислятина, да го'рька.*

Микрополе обозначений **солёного вкуса** включает 9 ЛСВ, 28 высказываний. Ядерным обозначением является лексема *солёный* (8): *Солёны прямо они [крекер]. Пошто'-то это… Я ду[маю]… другой с сахаром как это, а эти солёны они; Солёна рыба, я бы тоже таку' не купила. Мне ох**о**та пои'сь, кода' не ши'бко солёна. <…> Ши'бко уж солёна. Это Физа угостила*; *Ну поела, солёновато, думаю, ну ладно, поди ничё, а они [куски рыбы] солёны; Солёна-пресолёна [картошка]. Я посолила кода', мяско'-то поставила, а вода-то выкипела – ну, я хотела так, без воды. А не надо было; Ты знашь чё? Ты их [помидоры] подсаливай. Они недосолёны каки'-то; Я люблю присолёну [рыбу]. Чтобы мале'нько присолёна была; Ничё не клала, ни лук, ничё. [Пробует:] Угу, пересолёно. Ничё. Она выкипела, вода-то. Ишь кака' лапша!; «О, ты насолила [поджаренный фарш], как селёдку!» [говорит родственник]*. Как видно из примеров, в речи существуют обозначения для различных степеней проявления признака. Желательным свойством для продуктов является некая нормальная, средняя степень солёности. В некоторых случаях констатируется наличие ощущения, в других отмечается недостаточная или чрезмерная солёность, которые оцениваются негативно.

Поле обозначений **горького вкуса** отличается меньшим числом единиц (5 ЛСВ) и меньшим число контекстов употребления (23 высказывания). Ядерным обозначением является лексема *горький* (14): *Ну и тот [чеснок] горький, всё равно горький; А у меня перец <…> зелёный-то, и то мало его, таких этих, кра'сны кото'ры, стручки-то. Горький; Гре'цки-то не дай бог тоже [орехи]. Они тоже горча'ют как-то кода'; Полынь попила, сахаром заела насилу, горечь така'.*

По 1-3 употребления насчитывают **другие обозначения вкуса** *(острый, во'стрый, резкий): А эта приве… принесла… как вроде бы хренодёр бы. Светлана Петровна, принесла – он такой во'стрый! Ну, так вкусненькый <…> Поля хренодёр этот попробовала – «Во'стрый ши'бко гля печени, вредно»; Взяла кашу ма'нну сварила им, а он гыт: «Это не еда. Я люблю о'стро»; А я в квас поло'жила картошку, сделала… две штучки таки' очистила, картошки, ломтя'ми изрезала и туды' – это меня учили, гыт, он ре'шше бува'т. Ну хороший был квас, делала.* К

наименованиям вкуса можно отнести и прилагательное *нежный* – синкретичное обозначение приятного вкуса, мягкости, аппетитности молодых овощей: *Они [огурцы] все пропадают. Щас бы только ещё были не'жны, свели', – а как осенью, глубокой осенью.*

Последняя подгруппа обозначений вкуса – сравнения, которые содержат сопоставление одновременно по вкусу, консистенции, иногда и цвету или внешнему виду в целом (о квасном сусле – *как патока, как пиво;* о компоте – *как брага;* о вине – *как самогонка*; о варёном мясе – *как тушёнка*; о сметане – *как масло, как маргарин;* о мёде – *как брага, квас;* о конфетах с кокосовой стружкой – *как опилки*). Эти номинации отнесены к макрополю обозначений вкуса, так как их субъект и объект чрезвычайно близки по своим качествам и относятся к продуктам питания. В большинстве случаев такие сравнения характеризуют объект негативно: *Надо же, конпо'т-то какой! Горькый-горькый кислый! Как брага; На букву «жэ» како'-то было [вино]. А там, гыт, как самогонка. Ну я не пила, не знаю. А люди-то говорят, кото'ры упива'ли; [Мясо] ну как тушёнка, я поварила мале'нько; А мне Андрюша конфеты купил, коробку. Это формле'... оформление-то хоро'ше, краси'во, а там как опилки какой-то это… как их называют... [Начинка?] Нет, это… как вроде бы опилки-то.*

Коннотативные компоненты значения номинаций вкуса

При оценке продуктов питания информант подразумевает не только вкус, но и другие их признаки: свежесть, высокое качество, количество пищи, иногда – внешний вид. Возможна оценка отдельных видов продуктов: *А я тоже не люблю чёрный хлеб. От сёдня, кажется, вкусненькый*. Реже оценивается только вкусовое ощущение. Предпочтение отдаётся, по всей видимости, сладкому вкусу: *Тут одно удовольствие сла'тенько чё пои'сь, да всё; [А вы любите сладкое?] Я люблю. Люблю. Ой, я всё время со сладким! Всё время. Варенья… Варила нонче, свои хоть каки набирала маленько, ягоды-то…. Литра три, наверно, варила, смородину*.

Положительно оценивает диалектоноситель солёный вкус, если он соответствует норме: *Я люблю присолёну [рыбу]. Чтобы мале'нько присолёна была.* Субъектом оценки может быть не только говорящий, но и другие люди: *Поля хренодёр этот попробовала – «Вострый ши'бко гля печени, вредно»; Ну, ты-то любишь, я знаю, что ки'сленьки [конфеты].*

Оценки сладкого вкуса амбивалентны. Регулярна положительная оценка сладкого вкуса ягод, фруктов, конфет и т.п.: *Ага, сла'дки они. Ага. Они, я ела, штук пять съела – таки' сла'дки-сла'дки, хоро'ши! <…> А это мя'гки да сла'дки, ши'бко хоро'ши. Мне пондра'вились таки'; А люблю, я бы её варила, кажный день ела бы, она [морковь] сла'дка, хоро'ша;* «*Виктория» [конфеты], ли чё ли там… – дак хоро'ши. Сла'дка, хоро'ша; Ну они [о хурме] растаяли, мне погляну'лись, сла'дки. Хоро'ши; [Арбузы продают.] А... сла'дки. Сла'дки, хоро'ши.* В пословице прилагательное *сладкий* приобретает более общее значение ‘приятный на вкус’: *«У него всё, всё гыт разболталось там, всё болта'тся, нигде ничё, – ничё не де'лат, гыт, он», – на Гену, эта, Лариса. Они хо'дют… «И жрать только любит сладко, а срать гладко», – уж прости меня, сказала-то я, ты поди тут пишешь [на магнитофон]. Ну и правда. Он, правда, и мясно' всё любит ему надо.*

В двух случаях представлена отрицательная оценка: *Сла'дко оно [тесто] мале'нько, сластит. А я уже сластит не люблю;* ср. также выше контекст о картошке. Обозначенный признак получает позитивную оценку, если вкус соответствует ожиданиям и имеет среднюю интенсивность, и негативную оценку, если является необычным для продукта (возможным свидетельством его некачественности) или чрезмерным.

Горький вкус оценивается отрицательно: *Да горькый, горькый. Ну это-то хороший, сладкый перец; [О грейпфруте:] Они испорчены каки'-то были. А я... они мне принесли одну, я поела – ты же принёс мне – я поела, вроде ничё. А к им пришла, они дали втору' – ой, горечь! Ну, испорчены были. [Горько-ки'сла кака'-то, така' вот]. Да го'рьки, прямо испорьчены. Нет, они таки' не бува'ют, всё равно.* Отмечено сравнение для обозначения горького вкуса: *А она купила, на'нску*

[морковь]. А она совсем не на'нска. Кака'-то нехоро'ша кака'-то, как редька [на вкус].

Указание на кислый вкус чаще сопровождается негативной оценкой: *А тут раз хотела стряпать, она [калина] кака'-то ки'сла!.. Я по'д берег пошла вывалила; А втора' баночка распечатала – тоже тамо-ка опе'ть с этим… паста [томатная] накла'дена, мно-ого это! Прям кра'сна, и ки'сла. А у меня желудок часто болит. Я думаю: ну, таку' пита'нию мне не надо*. В редких случаях кислый вкус упоминается нейтрально, позитивной оценки данного ощущения не отмечено в речи.

Отмечено 2 пословицы с обозначениями вкуса. При этом значение лексемы в паремии, как правило, близко к исходному. Пословица *недосол(ь) на столе, а пе'ресол(ь) на спине* употребляется, когда пересолят пищу и фиксирует норму ‘лучше мало соли, чем много <так как это легче исправить>’: *Не'досоль на столе, а пе'ресоль на спине. По спине, по горбушке били раньше.* Информантом осознаются и комментируются истоки данной пословицы.

Не всегда достаточно чётко в речи диалектоносителя дифференцируется вкус, особенно неприятный. В нескольких примерах смешиваются горький и кислый вкус: *Надо же, конпо'т-то какой! Горькый-горькый, кислый! [Пробует компот:] Прям кислятина, да го'рька. От не умею! Наверно, стерилизовать надо, конпо'т варить.* Один и тот же продукт в рамках одного контекста характеризуется то как «недосоленный», то как «несоленый»: *Ты знашь чё? Ты их [консервированные помидоры] подсаливай. Они недосолёны каки'-то. <…> Болга'рски. Несолёны. Попробуй их хыть*.

Тонкое различение вкусов может вызвать пренебрежение как несвойственное крестьянской культуре: *[О хлебе: А вкус такой же?] Н.Н. Холера его знат. В.П. Не ши'бко разбира'мся вкусо'в-то*. Чрезмерная разборчивость в еде получает негативную оценку посредством ФЕ: *[Я чай вообще не пью, я молоко только.] Губа-то не дура у тебя!*

Таким образом, разветвлённость поля обозначений вкуса свидетельствует о его значимости. Часто номинации вкуса экспрессивны. Вкусовые характеристики отмечаются тогда, когда они ярко выражены, в других случаях констатируется наличие или отсутствия свойства как такового. Положительно оцениваются сладкий, иногда – солёный вкус (если они не проявляются чрезмерно), отрицательно – горький и кислый. Такие оценки можно считать общеязыковыми, поскольку словарное толкование лексем *сладкий*, *горький, кислый* включает и характеристику их как приятных/неприятных. Анализ сравнений и фразеологизмов позволяет выявить эталоны вкуса, как правило, соответствующие общеязыковым (*сахар, леденец* для сладкого вкуса, *редька* – для горького, *селёдка* – для солёного).

В художественной литературе, особенно в поэзии, обозначения вкуса употребляются чаще всего в переносном значении, на что указывают многие исследователи [Свинцицкая, 2004, с. 149, Мещерякова, 2011, с. 213, Двизова, 2014б и др.]. Для идиолекта крестьянки характерно частое использование вкусообозначений в прямом значении. В то же время, если для носителей просторечия более типична отрицательная оценка вкуса [Лещинская, 2008а, с. 12], то у носителя диалекта в СП «вкус» более частотна положительная оценка.

4.4 Обозначения запаха

Обозначения данного микрополя в русском языке исследованы как на лексическом, так и на концептуальном уровне [Павлова 2006 ; Колупаева, 2009]. Отмечалось, что восприятие запаха сопряжено с его оценкой [Колупаева, 2009]. Анализировались обозначения запаха в традиционной культуре [Кабакова, 1999].

На примере текстов одного автора (И.А. Бунина) обозначения запаха проанализированы М.В. Одинцовой [Одинцова, 2008]. Лингвоперсонологический срез исследования представлен и в уже упоминавшихся работах по комплексному изучению обозначений восприятия [Лещинская, 2008а ; Овчинникова, 2009 ; Мельникова, 2010 и др.].

В идиолексиконе В.П. Вершининой семантическое поле обозначений запаха не отличается обширностью. Представлено 26 ЛСВ разных частей речи: глаголы (*нюхать, принюхаться, занюхаться, чуять, слышать, па'хнуть, припахивать* и др.), имена существительные (*запах, аромат, дух* и др.), имена прилагательные (*ароматный, запашистый*). Разнообразие предикативных единиц соответствует общеязыковой закономерности: ситуация восприятия запаха может быть представлена как процесс, осуществляемый субъектом (*нюхать*), и процесс источения запаха объектом (*пахнуть*). Соотношение этих глаголов приблизительно то же, что в парах *слушать – звучать, смотреть – выглядеть*. Нет сравнений для характеристики запаха объекта (единственный случай из всех макрополей восприятия), отмечен 1 фразеологизм (*бить в нос*). Обозначения характеризуются однозначностью, синонимо-антонимические связи слов в речи информанта не актуализируются. Общее число контекстов с обозначениями запаха – 103.

Глагол *па'хнуть* в безличной форме является наиболее употребительным обозначением в СП «Запах» (29 контекстов): *Измазалась [мазью]. Ешо духами. Поди, ши'бко пахнет; Видно, пахло ему [больному] это, стряпнёй-то, постным маслом да всё [и он отказался есть]; Всё болит, сечас – то мажу, друго' мажу – поди, у меня пахнет, в избе-то?* Реже употребляется личная форма этого глагола: *А чё, пахнет чё-то у нас?*

Распространено в речи общее обозначение свойства – *запах* (22): *Ит него [зимнего чеснока] запаху такого нет, аромата, гыт, тот лучше, гыт, летний; Хоро'ши, запаши'сты, булки больши'. Кода' калачи наката'шь, так вроде наверти'шь да… А щас вобшэ' нету никакого ни запаху, ничё; Катя, а ты не хочешь терпеть это, луку… запаха луку? Ничё?* Чаще всего лексема *запах* сочетается с бытийными глаголами или предикативными словами. Данное существительное может сочетаться и с глаголами движения, указывающими на распространение запаха: *Она прило'жила [вёх], а там запах-то пошёл, она нанюхалась – помешалась умом; Дошло – запах до тебя? [запах лекарства от кровати В.П.]* Эта модель не слишком продуктивна в речи информанта: отмечено

только 2 примера. В поэтической речи подобные примеры разнообразнее. Обозначения запаха не содержат классификаторов, указывающих на его характер или источник.

Дифференцируется сила ощущения. Высокая интенсивность запаха выражается словообразовательно (*души'на*) или с помощью классификаторов: *Измазалась [мазью]. Ешо духами. Поди, ши'бко пахнет*; *Она гыт: «Я стала бить [яйца], от их пахнет прям, лекарством. Пахнет, гыт, сильно пахнет».* Не отмечается слабая степень проявления запаха, что может объясняться как ослаблением обоняния у говорящего, так и (вместе с тем) общей тенденцией народно-речевой культуры к выражению, прежде всего, экстенсивных, сильных признаков (аналогично тому, что чаще используются обозначения ярких цветов, громких звуков).

Существительные и прилагательные часто содержат имплицитную оценку запаха. Оценка может быть включена и в значение глагольной лексемы. Для обозначения приятного запаха используются 4 единицы: *ароматный, аромат, запашистый, запашистенький.* Неприятный запах номинируют 7 ЛСВ: *псина, дух, души'на, духля'вый, продушить, припахивать, переть.* Средствами выражения оценки становится выбор лексем, оценка запаха редко выражается эксплицитно: *А Андрюша говорит: «Я шёл, сало продают, я, гыт, подошёл – может, ись кода' охота вовсе… подошёл, так… запах хороший, я подошёл: «Почём?»; Ешо' от этой мази. Пахнет от неё плохо, прям в нос бьёт.*

Оценка запаха во многом зависит от его источника. Объектом восприятия (источником запаха) часто является пища (*пахло стряпнёй, постным маслом; масло пахнет; мясо припахывает; запашистые булки; запах луку; учует яички; не слышит ни рыбу, ни мясо*). Запах пищи может не получать оценки. Положительную оценку получают запахи свежего, в особенности домашнего, хлеба и хлебобулочных изделий: *Ши'бко ароматный был [хлеб]; Хоро'ши, запаши'сты, булки больши'. Кода' калачи наката'шь, так вроде наверти'шь да… А щас вобшэ' нету никакого ни запаху, ничё.* Негативно оценивается запах

испорченных продуктов: *И Таня продавец говорит: «Мясо нехоро'ше было, уже припахывает, и жи'рно ши'бко».*

Наличие посторонних запахов в пище является нежелательным, однако сам говорящий, как правило, не улавливает их, ссылается на опыт других людей: *И потом Аня тоже, купили [яйца] да гыт, что пахло лекарством. А я не слышу.* В данном случае утрата обоняния создаёт опасность употребления некачественной пищи, имлицитно такое положение дел оценивается негативно. Однако в другом примере негативную оценку получает поведение городского родственника, который отказывается от пищи из-за постороннего запаха, видимо, достаточно слабого, так как в итоге на него можно не обращать внимание: *А Гена… – ой, какой прямо… взыскательный! «Баба Вера, у тя масло пахнет!» <…> А потом поколол, поколол дрова-то… я говорю… ну он долго поколол, помаялся там. <…> Аγа, потом говорю: «иди, поешь?» Ну чё, чё-то было у меня поись, он… масло выташшыл, от такими кусками, как ломоть-то лежит, этот кусок… он так отрежет это – ну, что хлеб, то это, масло [такой же толстый слой] – ес! Никого не запахло! Поколол дрова-то, про… промялся – наворачиват! Я говорю: от тебе! То говорил «пахнет», то… Ничё, промялся, поел.*

Запах растений чаще получает положительную оценку, особенно это характерно для цветов, а также растений, употребляемых в пищу: *Поля припёрла букет целый, да вот маленьких запашистеньких принесла. Ага, горох какой-то; Ит него запаху такого нет, аромата, т**о**т [чеснок] лучше, гыт, летний; В чашку ягоду насы'пала – то кру'пна! то арома'тна! Хоро'ша!* Однако в некоторых случаях актуализируется связь запаха растений с неприятными ощущениями, вызываемыми им: *Катя, а ты не хочешь терпеть это, луку… запаха луку? Ничё?* Запаху ядовитой травы диалектоноситель приписывает способность нарушать здоровье человека: *Она прило'жила [вёх], а там запах-то пошёл, она нанюхалась – помешалась умом.*

Обращают на себя внимание диалектоносителя запахи животных. Как правило, упоминание этого запаха маркировано негативной оценкой, нормой

считается его отсутствие: *Они их [поросят] в и'збу посадили, в яшшык такой большой <…> Ой, Ленка: «Души'на, души'на! Ой, души'на, не надо их!» Аня тоже, что «ой, пахнет, пахнет!»; Не пахнет, гыт, псиной, ничё [от породистой собаки]*. Неизменно демонстрируется информантом прагматический критерий оценки. Так, неприятный запах животного может оцениваться положительно, если это свойство полезно: *[Кошка мышей ловит?] Да кто ё знат, ловит ли не ловит, ну нету. <…> Тьфу-тьфу, нету. Она... они запах кы'скин чуют... кошкин, говорят, ухо'дют.*

Источником запаха могут быть и артефакты. Чаще всего упоминаются в текстах запахи лечебных мазей и краски. Оба они воспринимаются как неприятные: *Измазалась [мазью]. Ешо духами. Поди, ши'бко пахнет; Я покрасила, от неё [краски] – души'на!* Резкий неприятный запах может восприниматься как вредный для здоровья: *Кого я накрашу? Так голова болит, а ешо запах такой будет, я и вовсе…; А воздух-то, запах-то! У меня как разболелась голова, от запаху-то [краски] – не дай бог прямо! Край, край, говорю.* Как приятный может оцениваться запах парфюмерии: *Я говорю: «Каки'-нибудь духи купи ей». <…> Елена гыт «хоро'ши, запах хороший». Она 25 тысяч дала.*

Запах человека в норме отсутствует [Кабакова, 1999, с. 256]. Соответственно, его появление обращает на себя внимание как свидетельство нарушения нормы, например, несоблюдения гигиены: *«Ой, да кака' ты ч^{ц}истенька, да от тебя ничё не пахнет, да ничё!.. А у нас [в]от от ба'ушки дак пахнет». Я говорю: «Ну, мойте её, убирайте за ей, и от её не будет пахнуть».* Нарушением нормы, проявляющемся в неприятном запахе, является употребление табака, алкоголя: *Они тоже, гыт… ку'рют [девочки]. <…> А станет – гыт, прёт прямо, табаком-то; «От неё [пьяной], гыт, пахнет прям… Не дай бог, я терпеть ей не могу да всё».* Резкий, неприятный запах больного тела обозначается ярко оценочным классификатором *страшный: А у его нога-то гниёт, гыт. Прям запах страшный.*

Для обозначения процесса обонятельного восприятия диалектная ЯЛ чаще всего использует глагол *слышать* (8), несколько реже – *учуять* (4), остальные отмечены в единичных употреблениях. Выявление базового глагола, в силу весьма ограниченного использования лексем со значением процесса восприятия запаха, вызывает трудности. С одной стороны, по частотности явно выделяется глагол *слышать*, имеется также вариант совершенного вида *услыхать*. Данный глагол также может использоваться для обозначения способности (высказывания сообщают об ослаблении или утрате обоняния): *А я не очень запах стала слышать*. Эти высказывания вписываются в круг сходных контекстов, сообщающих об утрате зрительной, слуховой способности. С другой стороны, почти все высказывания (6 из 8), где используется глагол *слышать* (о запахе) имеют значение неспособности к восприятию (субъектом их выступает исключительно говорящий). Таким образом, в значении собственно восприятия данный глагол зафиксирован лишь 2 раза.

Глагол *нюхать*, занимающий центральное положение в общеязыковой системе обозначений обоняния [Павлова, 2006, с. 10], в речи диалектоносителя отмечен всего 1 раз. В тоже время В.П. использует достаточно много дериватов данного глагола, иногда отличающихся от литературной нормы (*принюхаться, занюхаться, ню'хаться, наню'хать, нанюхаться*). Данные лексемы могут иметь и дополнительные семантические компоненты, конкретизирующие значение исходного глагола (например, *занюхаться* ‘нюхая, вдыхая какой-л. запах, испытать состояние удовольствия’ [ПСДЯЛ, т.1., с. 322]).

Процесс интенсивного, активного восприятия запаха является наблюдаемым [см. Авдевнина, 2013, с. 252–252, 256], т.е. имеет внешнее выражение в специфических движениях тела. Это позволяет диалектной ЯЛ сопровождать использование данного глагола паралингвистическими средствами: *Ну, он [Гена] это, сытый был, [масло] выташшыл: [втягивает носом воздух:] «Холодильником пахнет»; Ну, она [односельчанка] уж боится дыми'нку [втягивает носом воздух] ню'хат всё*. Данные примеры, как и ряд других, являются проявлением изобразительности диалектной речи [Гольдин, 2001].

Своеобразна субъектная организация глаголов обонятельного восприятия. При использовании глаголов со значением процесса обонятельного восприятия субъектом очень часто выступают животные: *Я не убрала тво'рог, поди, ку'ска наню'хала, поди*; *[Кошке:] Брысь отцэ'дова, ню'хатся ходит!*; *Они [овцы] прямо запах [сырого мяса], видно, слы'шут – ни за что не идут!* Возможно, это связано с экстралингвистическими факторами и знанием информанта о том, что у животных обоняние развито лучше, чем у людей.

При использовании глаголов восприятия запаха третьи лица обозначаются как субъект довольно редко: *Я говорю: Гена-то! Тот раз принюхался, что масло пахнет.* В то же время можно отметить значительное число высказываний о запахе, в которых приводится чужая речь (прямая или косвенная): *Пришёл: «Тётя Физа, я иду – вкусно пахнет у тебя! Покорьми меня!»; «Не пахнет, гыт, псиной, ничё» [от породистой собаки]*.

Если ситуация восприятия запаха носит актуальный характер, субъектами действия являются одновременно говорящий и собеседник. В таких случаях может не указываться не только субъект восприятия, но и источник, и характер запаха (приятный или неприятный), так как предполагается, что оба участника коммуникации вовлечены в одну и ту же ситуацию и ощущают его: *Ой, от картошки запах; Дошло – запах до тебя? [запах лекарства от кровати В.П.]*. При употреблении существительных и глаголов со значением наличия свойства субъектом может быть также собеседник: *Мне охота, вам поди пахнуть будет, хочу «звёздочкой» помазать голову. [Нет.] Продушу' вас. Вы, поди, не любите?* При этом у глагола *пахнуть* может появляться дополнительная (субъектная) валентность, отсутствующая в литературном языке (*пахнуть вам, ему*).

С формальной точки зрения субъект восприятия обозначается чаще всего личным местоимением, в отдельных случаях используются антропонимы. Часто субъект остаётся неназванным. Формальная позиция субъекта может быть замещена номинацией объекта: «*Ой, ба'бонька, у тебя это, в холодильнике пахнет масло*».

Итак, обозначения запаха не отличаются разнообразием. Несколько чаще используются обозначения неприятного запаха (их больше и по количеству лексем, имеющих сему «неприятный», и по количеству примеров, где оценка выводится из высказывания в целом). Данный вывод совпадает со сделанным при изучении лексики восприятия в просторечии [Лещинская, 2008а]. Упоминаемые в речи источники запаха разнообразны: это природные объекты, артефакты, человек. Приятные обонятельные ощущения вызывают запахи пищи, природных объектов, к источникам неприятных запахов относятся вещества химического происхождения, разрушающиеся или разлагающиеся вещества, животные. Материал идиолекта подтверждает вывод о том, что запахи натурфактов (точнее, некоторых растений) традиционно оцениваются положительно. Так, в произведениях Ю.Н. Куранова в качестве источников приятного запаха названы сосновые дрова, листва, поле [Овчинникова, 2009].

4.5 Взаимодействие номинаций разных типов восприятия

В заключение рассмотрим взаимодействие в текстах информанта номинаций разных модальностей восприятия. Прежде всего, сближаются в текстах глаголы зрения и слуха, что позволяет представить комплексное описание ситуации: *Там на веранду вышла, посмотрела – ничё не видать, не слыхать; Халат набросили – и никто не видал, и не слыхал [как умерла больная], не ходили, ничё.*

Соседство в тексте единиц разных модальностей, создающее комплексность описания, нередко отмечают как характерную особенность употребления перцептивов в художественном тексте. В текстах В.П. Вершининой данное явление также имеет место. Чаще всего в текстах дилектоносителя одновременно упоминаются 2, реже 3 модальности восприятия. Как правило, представлены номинации зрительной модальности (1 или несколько) в сочетании с другими – тактильной, вкусовой, обонятельной и т.п.: *Это, Петров день как-то праздновали, я отстряпалась. Молода' была, двадцать лет. И таку' чашку взяла,*

<u>большу-у</u> чашку, пошла по ягоды. <…>Я это, брала, брала, це-елу чашку <u>сто'гом</u> набрала. Пришла домой <…> Я это, молоко в погребу' было, холодильников не было. <…> Я выташшыла эту кринку-то, молока, да в чашку ягоду насы'пала – то <u>кру'пна</u>! то <u>ароматна</u>! Хоро'ша! В тексте представлены номинации зрительных ощущений (*большу', кру'пна, сто'гом*), запаха (*арома'тна*). Ещё один пример: *Ну, надо… поди бы она [дыня], поди, <u>мя'гка</u> кото'ра – хоро'ша. Там де'-то полу'чче были, а это… остались таки', эти, <u>хрустя'шшы</u>. Один бок <u>жёлтый</u>.* Сочетаются номинации тактильности, звука, цвета.

В некоторых случаях можно говорить о взаимозаменяемости глаголов зрительного и слухового восприятия, что приводит к синестезии. Так, позицию объекта при глаголе *глядеть* могут занимать звукоподражательное междометие или глагол: *<u>Гляжу</u> – она [соседка] опе'ть <u>шебарчи'т</u>; Я <u>гляжу</u>, у меня трактор «<u>тры-ы, тры-ы</u>»!* В данном случае имеет место «нестрогая синестезия» (термин Т.Р. Степаняна [11]), т.к. зрительное и слуховое восприятие происходит одновременно. Возможна и обратная ситуация: при глаголе слухового восприятия в качестве объекта используется номинация, которая для носителя литературного языка относится к зрительной сфере: *А я не <u>слы'хывала</u> даже эту <u>картину</u> никода', чтоб глаза завязывали [жениху] да женили; Я до… домой-то мы приехали с Мишей, в марьте де-то, а <u>слушаю в газете</u>: померла*. Можно отметить и другие (единичные) примеры синестезии: *Пришёл: «Тётя Физа, я иду – <u>вкусно пахнет</u> у тебя! Покорьми меня!»* (вкус + запах); *А <u>морози'на трескучий</u> на улице, наверно, сорок градусов было* (звук + осязание).

Центральное место среди обозначений восприятия принадлежит, таким образом, глаголам зрения. Наиболее тесные связи прослеживаются между обозначениями зрения и слуха.

К периферии СП «Восприятие» относится глагол *чувствовать* со значением ‘воспринимать органами чувств’(11): *Так вот чувствоват вроде ба, а уже выговорить не может*. Чаще этот глагол употребляется с отрицанием: *И я прям, как корчага голова сделалась, ничё не чу'вствоват, и уши зало'жило*. Глагол *воспринимать* (1) в речи диалектной ЯЛ употребляется в значении ‘обладать

способностью выдерживать какое-либо воздействие на организм’: *Гутя говорит мо'чу – я не могу терпеть это. У меня тело не воспринимат, зу'дится ши'бко. Все говорят: мо'чу повяжи.*

Выводы

1. Поле обозначений осязания занимает промежуточное положение между ядром и периферией макрополя «Восприятие». В нём заметны отличия от общеязыкового поля на лексическом уровне (высокая частотность перцептивов *целовать, жёсткий, как камни* и низкая – *трогать, твёрдый*). Поле обозначений осязания неоднородно по своему составу: в него включены номинации процесса восприятия и разнообразных тактильно воспринимаемых признаков. Центральное место занимают номинации температуры как жизненно важного свойства. Важны также обозначения твёрдости/мягкости, особенно, если речь идёт о пищевых продуктах. В данном поле достаточно широко используется образная стратегия номинации, причём отдельные эталоны являются в лексиконе постоянными, упоминаемыми неоднократно (*как камень* – ‘твёрдый’; *как каша* <ма'нна> – ‘густой’). Обозначения температуры и других осязательных признаков часто сопряжены с прагматической или гедонистической оценкой, преобладает негативная оценка. В отдельных случаях В.П. Вершинина использует логические сравнения и жесты для обозначения признака «твёрдость».

2. Поле номинаций вкуса намного обширнее поля «запах», что, предположительно, составляет специфику диалектной картины мира, в которой особое место принадлежит еде как источнику жизни. Номинации воспринимаемых признаков преобладают над номинациями процесса восприятия. В данном поле представлены номинации основных вкусовых свойств, однако заметна тенденция к синкретичности, неразличению вкусов (особенно неприятных). Эта синкретичность появляется на языковом уровне в высокой частотности общих обозначений (*вкус, вкусный, невкусный*), на уровне дискурса – в высказываниях информанта. Центральное положение занимают обозначения

сладкого вкуса. Обозначения вкуса сопряжены с гедонистической оценкой, для *сладкого* она положительна, для *горького, кислого* и *солёного*, как правило, отрицательна, что соответсвует общеязыковым закономерностям. Специфика поля ‘вкус’ в идиолекте состоит в преобладании позитивной оценки. В данном поле отмечены единичные образные номинации.

3. Поле обозначений запаха относится к периферии макрополя «Восприятие». Центральное положение занимают общее обозначение свойства и дескриптивный глагол со значением его распространения. Глаголы восприятия относятся к периферии поля. Отмечен пример использования иконической стратегии – номинация процесса восприятия сопровождается характерными мимическими движениями. Обозначения запаха сопряжены с гедонистической оценкой, чаще всего отрицательной. В данном поле практически отсутствуют образные номинации.

4. Общие номинации процесса восприятия (*чувствовать, знать, воспринимать*) также относятся к периферии макрополя «Восприятие». Номинации разных модальностей в идиолекте достаточно редко сочетаются друг с другом, что позволяет предположить: связи между ними слабо осознаются, для информанта каждый вид восприятия автономен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило представить в виде семантического поля (макрополя) один из важных фрагментов идиолексикона сельской жительницы – обозначения процессов чувственного восприятия и чувственно воспринимаемых признаков.

В речи диалектоносителя представлены обозначения всех типов восприятия – зрительного, слухового, тактильного, вкусового и обонятельного. Хотя в лексиконе ЯЛ имеются общие обозначения модусов перцепции (их 3: *звук, вкус, запах,* что соответствует общеязыковой закономерности), а также обозначения отдельных полей тактильного и зрительного восприятия (*тенпературa, мокрота', вес*; *свет, размер, форма*), гораздо чаще обозначаются конкретные проявления признаков (*красный* и др. чаще, чем *цвет, большой* чаще, чем *размер*). Номинации признаков при помощи абстрактных существительных диалектная ЯЛ использует реже, чем при помощи прилагательных (*толстый* чаще, чем *толщина*). Номинации со значением отсутствия какого-либо перцептивного признака (*тихо, ни стука ни звука*) также предполагают высокий уровень абстрагирования, диалектоноситель используется их крайне редко (наиболее значимо отсутствие способности восприятия – зрения, слуха и т.п.). Эти наблюдения соотносятся с выводами когнитивистов о том, что для обыденного сознания типичен базисный уровень категоризации [Кубрякова, 1996, с. 13–15].

Семантические микрополя оттенков цвета, типов вкуса не всегда подробно детализированы. «Стандартная» модель микрополя восприятия такова: ядерным является базовое обозначение, околоядерная зона образуется его дериватами, периферия – образными единицами и номинациями, отличающимися какими-либо дополнительными денотативными компонентами значения.

Для диалектной ЯЛ характерно невнимание к оттенкам цвета, вкуса, запаха и т.п. Проявляется это в слабой представленности в исследуемом лексиконе детализирующих обозначений (*тёмно-зелёный*), лексем *призвук, оттенок;* в

отсутствии классификаторов, или эпитетов, а также в высказываниях информанта (*не ши'бко разбира'мся вкусо'в-то*).

В речи диалектной языковой личности полюс «сильная степень проявления перцептивного признака» выражен гораздо более отчётливо, чем противоположный. Так, большой размер обозначается чаще по сравнению с маленьким (и оценивается положительно), громкие звуки – чаще, чем тихие. Яркие цвета получают позитивную оценку, бледные – негативную.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что перцептивная картина мира носителя народной культуры отличается приблизительностью, в отличие от научной картины мира, для которой характерна точность, и художественной картины мира, для которой (в классическом её варианте) типичны детализированность и дифференцированность перцептивных характеристик.

СП разных модальностей восприятия отличаются друг от друга, прежде всего, **количественно.** Число единиц, входящих в состав обозначений разных видов восприятия, как и число контекстов использования, отражает их значимость. Шире всего представлены обозначения зрительного восприятия, в меньшей степени – слухового, далее по убывающей располагаются обозначения осязательных, вкусовых и обонятельных ощущений, что представлено на диаграммах 1 и 2.

Рис. 2. Доля лексем, обозначающих разные виды восприятия, и высказываний с ними в устных текстах информанта

Вопрос о том, имеет ли иерархия модальностей восприятия, при которой доминирует зрение, на втором месте стоит слух, а вкус, обоняние и тактильность относятся к периферии, подтверждение в физиологии [Авдевнина, 2013, с. 46 ; Харченко, 2012, с. 19] или является культурно обусловленной (характерной в

большей степени для европейцев) [Жирицкая, 2003, с. 484–488 ; Vahnov, 2008 ; Burenhul & Majid, 2011], остаётся дискуссионным. В то же время преобладание зрительной модальности типично для русского языка. Однако в просторечии преобладает модальность слуха (с учётом обозначений речи) [Лещинская, 2008б, 2008в].

В идиолекте В. П. Вершининой при движении от «высших» модальностей к «низшим» уменьшается и число значений у ядерных лексем (так, глаголы зрения насчитывают до 10 значений с учётом оттенков, обозначения размера – до 13, а обозначения запаха, как правило, однозначны) и число образных единиц (сравнений, фразеологизмов, собственно образных слов). Изменяется и тип оценки, её основание: если для «высших» модальностей (прежде всего, зрение, в меньшей степени звук) возможна эстетическая оценка и культурный компонент, то для «низших» типична оценка гедонистическая (по критерию приятное, доставляющее удовольствие/неприятное).

Проведённое исследование позволяет выявить и другие различия разных макрополей и полей восприятия. Так, например, каждая модальность характеризуется наиболее типичным способом обозначения свойства: звук (и слух в целом), а также запах чаще обозначаются при помощи глаголов, что типично для русской языковой картины мира. Форма описывается преимущественно при помощи образных единиц и сравнительных оборотов, последние часто используются и для обозначения размера. Остальные модальности (цвет, тактильные свойства, вкус) номинируются, в основном, прилагательными.

Обозначениям восприятия присущи и некоторые интегральные свойства, объединяющие их в единое СП: тип субъектов и объектов, градуальность, образность, оценочность.

Субъект восприятия, за редчайшими исключениями, – человек, часто (около половины всех примеров) – говорящий, в других случаях – люди, как правило, лично знакомые информанту (собеседники и не участвующие в коммуникации – примерно в равных долях), достаточно редки обобщённо-личные и безличные предложения. Это позволяет сделать вывод, что для диалектоносителя восприятие

представляет собой процесс, характерный прежде всего для человека, и чаще всего активный. Соотношение разных типов субъектов (я-говорящий, собеседник, 3-е лицо) может быть неодинаково и для разных лексем в составе одной ЛСГ, имеющих сходное значение (например, *видеть* и *видать*), и для разных модальностей восприятия (см. приложение Б).

То же касается и объектов восприятия. В целом, наиболее важны для говорящего такие объекты восприятия, как «человек» и «артефакт» (этот тип объекта особенно отчётливо преобладает при использовании обозначений размера, и такие примеры весьма многочисленны). Для лексики чувственного восприятия в исследуемом идиолекте нетипична сочетаемость с обозначениями неживой природы (в художественной речи эти номинации могут быть и субъектом восприятия, а его объектом являются очень часто). Такую особенность можно считать характерной для носителя традиционной культуры: «любование природой уступает место практическому её использованию» [Вендина, 2004].

Наличие зачительного пласта образных номинаций можно рассматривать как след архаической картины мира в сознании диалектоносителя. Разделяем точку зрения Л. Г. Гынгазовой: «Неосознанный выбор информантом образной словесной формы, проявляющийся регулярно, позволяет говорить о присущем языковой личности недискурсивном типе мышления, при котором синтетичность, целостность мыслительного процесса явно доминирует над логичностью, расчленённостью и упорядоченностью иного, дискурсивного способа отражения реальности» [Гынгазова, 2010, с.7–8].

Сравнивая полученные данные с выводами об употреблении обозначений восприятия в просторечии [Лещинская, 2008, а,б,в], можно отметить общую черту: наличие в бытовой речи образных средств номинации перцептивных признаков (ср.: *поднебесный – голубой, кирпич – прямоугольник; как камни – твёрдый*). Это свидетельствует об универсальности модели «абстрактное через конкретное».

Анализ фразеологизмов и сравнений позволяет выявить хранящиеся в сознании говорящего эталоны перцептивных признаков. Как правило, они

совпадают с общенациональными (*снег* – для обозначения белого цвета, *уголь* – для чёрного; *сахар* для сладкого вкуса, *редька* – для горького; *лёд, улица* – для характеристики холодного помещения, баня, солнце – для тёплого; *камень, кость, дерево* – для твёрдого и т.п.).

Модальности отличаются друг от друга и преобладающим знаком оценки: так, в семантических полях обозначений цвета, света, размера, вкуса преобладает позитивная оценка, среди обозначений температуры, запаха – негативная. Обозначения формы, звука, а также процесса восприятия чаще всего нейтральны.

В целом в макрополе «Восприятие» у исследуемой ЯЛ позитивная оценка преобладает над негативной, что согласуется с выводами других исследователей [Иванцова, Гынгазова, 2013]. Характер оценочности – наиболее яркое отличие в использовании перцептивной лексики диалектоносителем по сравнению с носителями просторечия. Является ли это отличительной чертой диалектной ЯЛ по сравнению с просторечной или обусловленно личностными особенностями информанта – вопрос пока открытый.

Анализ оценочных контекстов позволяет выявить также некоторые культурно значимые представления личности. К ним можно отнести положительную оценку света, блеска, тяготение к положительной оценке большого размера, формы круга. Такие оценки в большей степени характерны для крестьянской культуры, чем для элитарной. Для идиолексикона в целом характерно преобладание прагматического критерия оценки над эстетическим, что проявляется и при использовании лексики восприятия.

Обозначения восприятия диалектоноситель чаще использует в прямом значении (тогда как в художественной речи более частотным может быть переносное значение). В идиолекте В.П. Вершининой обозначения восприятия достаточно редко сочетаются с обозначениями мышления, и ещё реже – с обозначениями эмоций.

Фольклорные тексты, используемые языковой личностью, отражают представление о норме, закреплённые в народной культуре, в том числе – о норме и оценке чувственных фрагментов мира (*зима не без морозу, из большого не*

выпадет); в приметах эксплицируется символическое значение звука, цвета (*мыши скребутся* – к плохому; *белая корова идёт впереди стада* – к хорошей погоде).

Исследуемый материал позволяет выявить 4 стратегии номинации, которые В.П. Вершинина использует для номинации перцептивных признаков и процессов:

1) выбор готового слова из лексикона;

2) подбор сравнения или фразеологизма с опорой на эталон или стереотип

3) подбор ситуативного (логического) сравнения;

4) использование жестов, звукоподражаний (иконическая стратегия).

Результаты работы могут быть использованы при составлении идеографического словаря диалектной ЯЛ. Перспективы раскрытия темы связаны 1) с изучением других семантических полей идиолексикона (мышление; эмоции; речь; болевые ощущения и т.д.); 2) с анализом особенностей структуры и функционирования семантического поля «Восприятие» в городском просторечии, жаргонах, разговорной литературной речи, 3) изучением рядовых говорящих в аспекте взаимосвязи языка и личности.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

В.П. – В.П. Вершинина

ЛСВ – Лексико-семантический вариант

ЛСГ – Лексико-семантическая группа

СП – Семантическое поле

ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности

ФЕ – фразеологическая единица

ЯЛ – языковая личность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. − Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.
2. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 162 с.
3. Иванцова Е.В. Частотный :словарь диалектной языковой личности (рукопись).
4. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности»
5. Электронная библиотека текстов В.П. Вершининой.

Словари и справочники:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. [и др.] : Прайм-Еврознак [и др.], 2003. – 666 с.
3. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – Т. 1–7.
4. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2007. – 521 с.
5. Краснянский В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина / отв. ред. Р. И. Хашимов. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – 776 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е. С. Кубрякова [и др.]; под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

7. Курносова И. М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина / И. М. Курносова. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 219 с.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания Акад. наук СССР] ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

9. Матвеева Т. В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика /Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 423 с.

10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 2 / в 2-х т / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2000. – 674 с.

11. Русский язык : Энциклопедия / ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БРЭ, 1997. – 704 с.

12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Международные отношения, 1995–2012. – Т. 1–5.

13. Словарь современного русского города : Ок. 11000 слов, ок. 1000 идиомат. выражений / Авт.-сост. Н. А. Гайдамак [и др.]; под ред. Б. И. Осипова. – М. : Рус. словари [и др.], 2003. – 566 с.

14. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 731 с.

15. Харченко В. К. Словарь цвета : реальное, потенциальное, авторское : свыше 4000 слов в 8000 контекстах. – М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2009. – 532 с.

Список литературы:

1. Авдевнина О. Ю. Понятие субъект восприятия в антропологии языка и текста // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11, вып. 2. – С. 7–15.

2. Авдевнина О. Ю. Семантика состояние vs. действие в содержании перцептивных глаголов // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12, вып. 2. – С. 10–18.

3. Авдевнина О. Ю. Когнитивные и лингвистические характеристики наименований лица по перцептивному действию // Изв. Сарат. ун-та. Новая Сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 1. – С. 3–10.

4. Авдевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук / О. Ю. Авдевнина. – М., 2014. – 984 с.

5. Агапкина Т. А. Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 17–51.

6. Агапова Н. А. Лингвокультурологический потенциал ключевого слова народной приметы : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. А. Агапова. – Томск, 2013. – 26 с.

7. Александров О. А. Диалектология восприятия : инновации в зарубежной лингвистике // Вестник Иркутск. гос. лингвистич. ун-та. – 2013. – №3 (24). – С 52–58.

8. Алимпиева Р. В. Особенности семантической эволюции слова как компонента языкового концептуального пространства : на материале русских цветообозначений // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. – Калининград, 2004. – С. 3–15.

9. Андреева С. В. Звуковые жесты в устной коммуникации // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Филология. Журналистика – 2012. – Т. 12., вып. 2. – С. 19–23.

10. Аниськина Н. В. Языковая личность современного старшеклассника : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Аниськина. – Ярославль, 2001. – 19 с.

11. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : Попытка системного исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.

12. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 139 с.

13. Арнхейм Р. Визуальное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – М., 1981. – С. 97–107.

14. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. − 338 с.

15. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [электронный ресурс], режим доступа http://tapemark.narod.ru/les/136g.html, дата обращения 01.04.2015

16. Атаманова Н. В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф. И. Тютчева : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. В. Атаманова. − Курск, 2006. – 22 с.

17. Бабулевич С. Н. Цветообозначения жёлтого тона как один из способов репрезентации концепта «Бог» в поэзии С. Есенина // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. – Калининград, 2004. – С. 15–24.

18. Бабулевич С. Н. Цветообозначения как средства реализации концепта «Родина» в художественной картине мира С. Есенина : дис. … канд. филол. наук / С. Н. Бабулевич. – Калининград, 2004. – 181 с.

19. Базыма Б. А. Цвет и психика [электронный ресурс] / Б. А. Базыма. – URL: http://psyfactor.org/lib/colorpsy3.htm#хар (дата обращения: 04.03.2012).

20. Баинова А. А. К изучению цветообозначений в диалектной речи // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 4. − С. 78–82.

21. Бакулина Е. А. Сенсорная оценка индивидуальной организации личности (на материале эмоционально-оценочной лексики говоров Тоболо-

Иртышья) / Е. А. Бакулина, М. С. Выхрыстюк // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11.– С. 1840–1844.

22. Банкова Т. Б. Ценностные ориентиры в крестьянском мировидении // Язык и культура. – Томск, 1999. – С. 56–60.

23. Банкова Т.Б. Народное представление о «красивом» : этический и эстетический аспекты (на материале «Полного словаря сибирского говора») // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. – Ч. 2. Язык в социально-культурном пространстве. – Томск, 1996. − С. 80–83.

24. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.

25. Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах : Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин : дис. ... канд. филол. наук / А. К. Башарина. – М., 2000. – 207 с.

26. Башкова И. В. Грамматика восприятия в современном языке : автореф. дис. … канд. филол. наук / И. В. Башкова. − Красноярск, 1995. – 24 с.

27. Башкова И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике / И. В. Башкова. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 451 с.

28. Берестова Е. А. Состав антропонимов диалектоносителя с точки зрения соотнесенности с основными формами национального языка // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : Материалы I (XV) Международной конференции молодых ученых 3-5 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15. – Т. 1 : Лингвистика. – С. 160–164.

29. Беспамятнова Г. Н. Языковая личность телевизионного ведущего : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Беспамятнова. – Воронеж, 1994. – 19 с.

30. Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (8). – С. 33–37.

31. Блинова. О. И. Введение в современную региональную лексикологию / ред. В. В. Палагина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. – 257 с.

32. Богословская З. М. Диалектная вариантология : лексикологический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З. М. Богословская. – Томск, 2006. – 39 с.

33. Бондарко А. В. Варианты перцептивности / А. В. Бондарко // Теория значения в системе функциональной грамматики. – М. : Языки славянской культуры. – 2002. – С. 273–285.

34. Борейко Т. С. Ситуация тактильного восприятия : способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. С. Борейко. − Омск, 2006. – 21 с.

35. Борисова К. М. Фразеологическое поле «чувства и эмоции» в идиолекте языковой личности диалектоносителя // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : Материалы конф. молодых учёных. – Вып. 14. – Т. 1 : Лингвистика. – Томск, 2013. – С. 102–105.

36. Буранова А. И. Тематическая организация диалектной речи : квантитативный анализ // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 35–38.

37. Буранова А. И. Анализ высокочастотной лексики диалекта (на материале корпуса диалектных текстов Саратовской области) // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика – 2013. – Т. 13, вып. 1. – С. 15–17.

38. Быкова А. А. Температурная метафора в русской языковой картине мира : дискурсивное варьирование : автореф. дис. … канд. филол. наук / Быкова А. А. – Томск, 2014. – 23 с.

39. Ван Сяохуань. Языковые средства выражения чувственного восприятия и их роль в семантической организации художественного текста (на материале рассказов А. П. Чехова) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ван Сяохуань. – Томск, 2015. – 23 с.

40. Василевич А. П. Цветонаименования как характеристика языка писателя // Учен. зап. Тартуск. ун-та. Lingwistika. – 1981. – Вып. 585. – С. 134–143.

41. Василевич А. П. Цвет и название цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. С. Мищенко, С. Н. Кузнецова. – М. : УРСС, 2005. − 216 с.

42. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа, 1971а. – С. 38–310.

43. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971б. – № 5. – С. 105–113.

44. Вежбицкая А. Восприятие : семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М., 1986. – С. 336–369.

45. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1997. – С. 231–291.

46. Вейс Т. В. Цветовая картина мира и народное сознание // Картина мира : язык, философия, наука : Доклады участников всерос. междисциплинарной школы молодых ученых. – Томск, 2001. – С. 15–16.

47. Вендина Т. И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка. Языки эстетики : концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М., 2004. – С. 143–161.

48. Вершинина М. Г. Диалектная звуковая картина мира : зоофоносфера (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013а. – № 11 (29) : в 2-х ч. Ч. II. – С. 58–60.

49. Вершинина М. Г. Лексика природы как фрагмент диалектной звуковой картины мира (на материале пермских говоров) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Русская филология». – 2013б. – № 5. – С. 40–44.

50. Вершинина М. Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров) : автореф. дис. … канд. филол. наук / М. Г. Вершинина. – Пермь, 2013в. – 20 с.

51. Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя : автореф. дис. … канд. филол. наук / М. В. Власкова. – Киров, 2012. – 22 с.

52. Волкова Т. Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности : дис. … канд. филол. наук / Т. Ф. Волкова. – Томск, 2004. − 237 с.

53. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. В. Волошина. – Томск, 2008. – 26 с.

54. Вопросы стилистики. Вып. 26. Язык и человек / под ред. О.Б . Сиротининой. – Саратов : гос. учебно-научный центр «Колледж»,1996. – 104 с.

55. Воронова Е. С. Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 381. – С. 18–21.

56. Ганичева С. А. Ареальная дистрибуция русских глаголов-орнитофонов в контексте диалектного членения русского языка // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2013. – № 3. – Т. 2. – С. 71–75.

57. Ганичева С. А. Семантическая специфика диалектных глаголов-зоофонов в контексте составления лингвистических карт // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 161–163.

58. Гибатова Г. Ф. Эстетическая оценка и средства ее выражения в современном русском языке // Человек. Язык. Культура : тезисы докладов научно-теоретического семинара. – Уфа, 1996. − С. 39–41.

59. Глинка Е. В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения (на материале исторических словарей русского языка) : автореф. дис…. канд. филол. наук / Е. В. Глинка. – Орёл, 2003. – 22 с.

60. Глушкова Н. М. Сопоставление аспектов отечественной и зарубежной лингвоперсонологии // Материалы междунар. науч. интернет-конф. «Литература и лингвистика : вчера, сегодня, завтра». – Казань, 2013. – С. 30–38.

61. Годунова С. Ю. Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза : автореф. дис. … канд. пед. наук / С. Ю. Годунова. – М., 2008. – 25 с.

62. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. … д-ра филол. наук в виде науч. докл. – Саратов, 1997. – 52 с.

63. Гольдин В. Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. № 7. Тексты устной речи. – Бохум, 2001. – С. 49–58.

64. Гольдин В. Е. Текст и знание в диалектной коммуникации / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3 (9). – М., 2007. – С. 398–413.

65. Гольдин В. Е. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. – Саратов : ИЦ «Наука», 2010. – 120 с.

66. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти : лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах : учебное пособие / О. Н. Григорьева. – М. : Флинта, 2004. − 248 с.

67. Грузберг Л. А. Что такое реальная речь современного горожанина? // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 8–15.

68. Гузева О. А. Качественно-относительные имена прилагательные как один из способов расширения лексико-семантического поля «Цвет» // III

Междунар. Бодуэновские чтения : И. А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2-х тт. / Казань, 2006. – Т. 1. − С. 67–69.

69. Гынгазова Л. Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 40–48.

70. Гынгазова Л. Г. Тональность текстов-воспоминаний в языке личности // Язык и культура. – Томск, 1999. – С. 50–55.

71. Гынгазова Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000. – С. 230–238.

72. Гынгазова Л. Г. Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От словаря В. И. Даля к лексикографии XXI века. – Владивосток, 2002. – С. 136–146.

73. Гынгазова Л. Г. Концепты «жизнь» и «смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. – Вып. 2. Ч. 1. – Томск, 2003. – С. 103–111.

74. Гынгазова Л. Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии. – Томск, 2004. – С. 151–155.

75. Гынгазова Л. Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя : наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. – Саратов, 2005. – С. 158–165.

76. Гынгазова Л. Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека. – Томск, 2006. – С. 220–229.

77. Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и её реинтерпретация исследователем // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007а. – № 295. – С. 15–19.

78. Гынгазова Л. Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира : пространственные модели в языке и тексте. – Томск, 2007б. – С. 78–109.

79. Гынгазова Л. Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2009а. – № 1(5). – С. 13–21.

80. Гынгазова Л. Г. «Полный словарь диалектной языковой личности» как отражение индивидуальной картины мира // Дискретность и континуальность в языке и тексте. Новосибирск, 2009б. – С. 309–327.

81. Гынгазова Л. Г. Ценностная картина мира диалектоносителя : к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. – Новосибирск, 2009в. – С. 115–122.

82. Гынгазова Л. Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2010. – № 1(9). – С. 7–11.

83. Гынгазова Л. Г. Сенсорные основания метафорического представления невещественных объектов (время, количество, речь) в дискурсе диалектной языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 5(25). – С. 31–36.

84. Гынгазова Л. Г. «Что такое хорошо…» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры / Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 12–23.

85. Гынгазова Л. Г. «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры / Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – №4 (24). – С. 5–18.

86. Давыдкина Н. А. Немножко о женской речи в художественной прозе // Русская словесность. – 2004. – № 7. – С. 63–66.

87. Двизова А. В. Семантическая модель тактильного восприятия и её реализация в поэзии Б. Пастернака / А. В. Двизова, Л. Б. Крюкова // Вестник Том. гос. ун-та. – 2011. – № 352. – С. 22–27.

88. Двизова А. В. Лингвистические средства выражения ситуации зрительного восприятия в поэтических текстах Б. Пастернака / А. В. Двизова, Л. Б. Крюкова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 3. – С. 21–29.

89. Двизова А. В. Ситуация чувственного восприятия и способы её языковой репрезентации в поэзии Б. Л. Пастернака : дис. … канд. филол. наук / А. В. Двизова. − Томск, 2014а. – 399 с.

90. Двизова А. В. Языковые особенности репрезентации семантики вкуса в стихотворениях Б. Пастернака / А. В. Двизова, Л. Б. Крюкова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2014б. – Вып. 2. – С. 76–79.

91. Деменчук О. В. Субъект внутреннего состояния в семантике перцептивной лексики // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер.– 2013.– Т. 13, вып. 3. – С. 6–9.

92. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Науч. ред. О. И. Блинова; Томский гос. ун-т – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.

93. Демешкина Т. А. Способы описания концептов диалектной культуры Картина мира : модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира : язык, философия, наука», 1-3 ноября 2001 года / Том. гос. ун-т ; [под общ. ред. З. И. Резановой]. – Томск, 2002. – С. 59–67.

94. Демешкина Т. А. Диалектное высказывание в аспекте миромоделирования // Актуальные проблемы русистики. Вып. 2, ч. 1. – Томск, 2003. – С. 112–116.

95. Демешкина Т. А. Диалектное высказывание в аспекте моделирования // Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. – Томск, 2006. – С. 8–31.

96. Дмитриева К. В. Концепт *цвет* в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте (на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром») : автореф. дис. … канд. филол. наук / К. В. Дмитриева. – Кемерово, 2012. – 24 с.

97. Дмитриева О. С. Понятие «цвета» в языковой картине мира // Картина мира : модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира : язык, философия, наука», 1-3 ноября 2001 года / Том. гос. ун-т ; [под общ. ред. З. И. Резановой]. – Томск, 2002. – С. 101–105.

98. Домбровская М. В. Концепты и методы их описания // Картина мира : язык, философия, наука. Доклады участников Всероссийской школы молодых ученых. – Томск, 2001. – С. 29–31.

99. Донецких Л. И. Реализация эстетических возможностей имён прилагательных в тексте художественных произведений / Л. И. Донецких. – Кишинёв : Штиинца, 1980. – 160 с.

100. Елистратов В. С. Введение в идиоантропологическую лексикографию // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. − №3. − С. 211–215.

101. Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Б. Ермакова. – М., 2007а. – 28 с.

102. Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке : дис. …. канд. филол. наук / О.Б. Ермакова. – М., 2007б. – 345 с.

103. Ермакоишвили Л. Г. Функции цветописи, звукописи, одоризма в стуктуре художественной прозы : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тбилиси, 1990. – 26 с.

104. Ерофеева Т. И. «Речевой портрет» говорящего // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 90–103.

105. Ерофеева Т. И. Локальные элементы в литературной речи горожан (на материале записей речи в Перми и Пермской области) / Т. И.

Ерофеева, Ф. Л. Скитова // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 15–22.

106. Ерофеева Т. И. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной речи / Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1992. – С. 83–98.

107. Жаркова О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина : дис. … канд. филол. наук / О. С. Жаркова. – М., 2005.– 322 с.

108. Жирицкая Е. Ветер с Востока // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – М., 2003. – С. 482–502.

109. Залевская А. А. Индивидуальное знание : специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская. – Тверь, Твер. гос. ун-т. – 1992. – 136 с.

110. Залевская А. А. Образ мира vs языковая картина мира // Картина мира и способы её репрезентации : сборник научных докладов. – Воронеж, 2003. − С. 41–47.

111. Зинченко В. П. Восприятие // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. [и др.] : Прайм-Еврознак [и др.] , 2003. – С. 74–75.

112. Золотова Г. А. О структуре некоторых типов предложения со значением восприятия // Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М. : Наука, 1982. – С. 213–223.

113. Иванова Е. И. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка : первая половина XVIII века : на материале писем и распоряжений А.Н. Демидова : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. И. Иванова. – Екатеринбург, 2008 – 18 с.

114. Иванова Л. А. Маркеры биологического времени в идиолексиконе диалектной языковой личности // Актуальные проблемы

литературоведения и лингвистики : Материалы конф. молодых учёных.– Томск, 2013. – Вып. 14. – Т. 1: Лингвистика. – С. 99–102.

115. Иванова Л. А. Формы представления социального времени в идиолексиконе языковой личности диалектоносителя // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : Материалы I (XV) Международной конференции молодых ученых 3-5 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15. – Т. 1 : Лингвистика. – С. 167–170.

116. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : автореф. дис. … д-ра филол. наук / С. В. Иванова – Уфа, 2003.– 42 с.

117. Иванцова Е. В. Окказиональные элементы в речи одного диалектоносителя // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности : Материалы Всерос. науч. конф. Ч. 2 : Язык в социально-культурном пространстве. – Томск, 1996. – С. 16–19.

118. Иванцова Е. В. Мир личности в прецедентных текстах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии : материалы всерос. конф. «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии». – Томск, 1998. – С. 69–78.

119. Иванцова Е. В. Восприятие и оценка речи в лексиконе языковой личности // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1999. – С. 48–57.

120. Иванцова Е. В. Лексика чужой речи в лексиконе языковой личности // Актуальные проблемы русистики : Сборник статей. – Томск, 2000. – С. 52–58.

121. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. − 309 с.

122. Иванцова Е. В. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. Вып. 2, ч. 1. – Томск, 2003. – С. 135–146.

123. Иванцова Е. В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. – Томск, 2004. – С. 141–145.

124. Иванцова Е. В. Диалектный словарь сравнений как источник изучения языковой личности сибирского старожила // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. – Томск, 2006а. – С. 104–112.

125. Иванцова Е. В. Идиолектология // Томская диалектологическая школа : историографический очерк / под ред. О. И. Блиновой. – Томск, 2006б. – С. 157–164.

126. Иванцова Е. В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Том. гос. ун-та. – 2006в. – № 291. – С. 5–11.

127. Иванцова Е. В. Топонимия русского старожила Сибири : освоение пространства / Человек – текст – эпоха. Вып. 3 : Социокультурные аспекты освоения Сибири. – Томск, 2008. – С. 160–173.

128. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология : основы теории языковой личности : Учеб. пособие / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010а. – 160 с.

129. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность» : истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2010б. – № 4 (12). – С. 24–32.

130. Иванцова Е. В. Культура устного общения в традиционном говоре и элитарная речевая культура : полярность или единство? // Русская устная речь. Материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь : русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». – Саратов, 2011а. – С. 109–115.

131. Иванцова Е. В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи. Вып. 7 : Жанр и языковая личность. – Саратов, 2011б. – С. 269–279.

132. Иванцова Е. В. Методологические проблемы создания словаря языковой личности // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 27–51.

133. Иванцова Е. В. Вариативность текста как проявление речевой культуры диалектной языковой личности // Вестник Том. гос. ун-та. – 2013. – № 376. – С. 14–19.

134. Иванцова Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование (Сибирская лингвоперсонология) / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. – М. : Ленанд, 2014а. – С. 309–348.

135. Иванцова Е. В. Мировидение языковой личности в традиционной русской народно-речевой культуре // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2014б. – №4 (30). – С. 27–42.

136. Иванцова Е. В. Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности / Е. В. Иванцова, Е. В. Соломина // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2014в. – №3 (29). С. 14–27.

137. Ильина Е. Н. Проблемы картографирования глаголов звучания в «Лексическом атласе русских народных говоров» / Е. Н. Ильина, С. А. Ганичева // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2012 . – № 2. – Т. 2. – С. 85–87.

138. Кабакова Г. И. Запах // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М., 1999. – Т. 2. – С. 266–269.

139. Казакова О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : дис. … канд. филол. наук / О. А. Казакова. – Томск, 2005. − 247 с.

140. Казарина В. И. Специфическая лексико-грамматическая группа глаголов с семой “звук” / В. И. Казарина, А. Р. Аль-Хаснави // Филологos. – 2013. – 16 (1). – С. 25–31.

141. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке / Г. В. Калиткина. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 250 с.

142. Калуга Л. В. Цветолингвистика как самостоятельная парадигма языкознания // Новый взгляд на проблемы современного языкознания. – Курск, 2008. – С. 130–134.

143. Канчер М. А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса : На материале игровых программ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Канчер. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.

144. Караваева М. А. Идиолект былинного певца : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Караваева. – Орёл, 1997. – 18 с.

145. Карасик В. И. Лингвокультурные типажи // Карасик В. И. Языковые ключи. – М. : Гнозис, 2009. – С. 176–261.

146. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов; отв. ред. С. Г. Бархударов. – Изд. 2-е. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 354 с.

147. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

148. Каримова Р. А. Аспекты коммуникативной личности (по материалам звучащих спортивных репортажей) / Р. А. Каримова, Е. Н. Александрова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2009 – № 3. − С. 95–104.

149. Кац Е. А. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Кац. – М., 2009. – 24 с.

150. Кобозева И. М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. / Ред. кол. : Арутюнова Н. Д., Спиридонова Н. Ф. – М. : Индрик, 2003. – С. 56–67.

151. Ковшова М. Л. Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре : внешние качества и внутренние свойства человека // Логический анализ языка. Языки эстетики : концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М., 2004. – С. 613–620.

152. Козлова Е. Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка : начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Е. Козлова. – Томск, 2012. – 25 с.

153. Колбенева М. Г. Психофизиологические закономерности инициируемой словами актуализации индивидуального опыта разной дифференцированности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. Г. Колбенева. – М., 2013. – 30 с.

154. Колесов И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке : когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / И. Ю. Колесов. – Барнаул, 2009. – 31 с.

155. Колупаева А. А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке : автореф. дис. …. канд. филол. наук / А. А. Колупаева. – Тамбов, 2009. – 23 с.

156. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

157. Косицина Ю. В. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Косицина. – Кемерово, 2013. – 26 с.

158. Косицина Ю. В. Тематическая структура диалектного монологического текста (на материале идиолекта) // Функциональный анализ значимых единиц русского языка : Язык и семья : Вып. 3. межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. С. П. Петрунина. – Новокузнецк : РИО КузГПА, 2008. – С. 59–68.

159. Костякова Л. Н. Словарь цветописи Б. Пильняка // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. – Великий Новгород, 2004. – С. 377–380.

160. Кочетова И. В. Регулятивный потенциал цветонаименований в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале лирики А. Белого, Н. Гумилёва, И. Северянина) : автореф. дис. … канд. филол. наук / И. В. Кочетова. – Томск, 2010. – 26 с.

161. Красильникова Е. В. Язык и культура (к изучению языка города) // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 4–8.

162. Крюкова Л. Б. Ситуация восприятия и способы её репрезентации в поэтическом тексте (на материале поэзии «Серебряного века») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Б. Крюкова. – Томск, 2003. – 22 с.

163. Кубрякова Е. С. Восприятие // Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е. С. Кубрякова [и др.]; под ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 17–21.

164. Кузнецов В. Г. Восприятие // Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – М., 2005а. – С. 89–90.

165. Кузнецов В. Г. Познавательные способности // Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – М., 2005б. – С. 420.

166. Кузневич З. А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Э. Хемингуэя : автореф. дис…. канд. филол. наук / З. А. Кузневич. – Иркутск, 1999. – 22 с.

167. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета : Термины цвета в польском и русском языках : автореф. дис. … д-ра филол. наук / В. Г. Кульпина. – М., 2002. – 34 с.

168. Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 126–184.

169. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; Пер. с англ. И. З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

170. Купина Н. А. Разговорное диалогическое единство как текст // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 38–45.

171. Куприна С. В. Устная и письменная речь одного лица : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. В. Куприна. − Саратов, 1998. – 19 с.

172. Курашкина Н. А. Семантическое поле «звук» как репрезентация звукосферы в языке (на материале английского, французского и русского языков) // Вестн.Башкирского ун-та. – 2007. –Т. 12. – №3. – С. 78–80.

173. Курашкина Н. А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских орнитофонов) // Вестн.Башкирского ун-та. – 2009. – Т. 14. – №3. – С. 806–808.

174. Курикова Н. В. Восприятие пространства и способы его моделирования в диалектной коммуникации // Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. – Томск, 2006. – С. 32–87.

175. Кустова Г. И. Перцептивные события : участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка : Образ человека в культуре и языке. – М. : Индрик, 1999. – С. 229–238.

176. Кушлина О. Б. Русская литература, прочитанная носом // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 102–110.

177. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент : попытка речевого портрета // Л. П. Крысин. Русское слово, своё и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 510–524.

178. Лаврова С. Ю. Перцептивный образ как аксиологический знак художественного мира (на материале «Очерков» К. Д. Бальмонта) [Электронный ресурс] / С. Ю. Лаврова. – Режим доступа : http

://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-2/k-balmont-v-zerkale-filologii/32-sju-lavrova-pertseptivnyj-obraz-kak-aksiologicheskij-znak-hudozhestvennogo-mira-na-materiale-ocherkov-kd-balmonta.html (дата обращения : 20.03.2015).

179. Лагута Н. В. Высказывания со значением зрительного и слухового восприятия в диалектной речи // Вестн. Амурск. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 46. – С. 93–94.

180. Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Л. В. Лаенко. – Воронеж, 2005. – 39 с.

181. Латфулина З. Р. Модусы авторизации и воспоминания в диалектном высказывании // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014а. – № 389. – С. 22–27.

182. Латфулина З. Р. Модусные показатели диалектного высказывания : авторизация и персуазивность // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014б. – № 380. – С. 29–33.

183. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев; под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М. : Смысл, 2000. – 344 с.

184. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. …. канд. филол. наук / С. В. Леорда. – Саратов, 2006. – 19 с.

185. Лещинская О. Г. Представление модальностей сенсорного восприятия в народно-разговорной речи города (на материале г. Омска) : автореф. дис. … канд. филол. наук / О. Г. Лещинская. − Омск, 2008а. – 22 с.

186. Лещинская О. Г. Представление модальностей сенсорного восприятия в народно-разговорной речи города (на материале г. Омска) : дис. … канд. филол. наук / О. Г. Лещинская. − Омск, 2008б. – 242 с.

187. Лещинская О.Г. Ситуация слухового восприятия и лексика, её обслуживающая, в языке города // Филология и человек. – 2008в. − № 3. − С. 124–132.

188. Лудильщикова Н. А. Речь молодёжи (на материале речи студентов техникума) : автореф. дис…. канд. филол. наук / Н. А. Лудильщикова. − Саратов, 2006. – 21 с.

189. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики / отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1986. – 227 с.

190. Лю Лицзюнь. Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность : автореф. дис. ... канд.филол. наук / Лю Лицзюнь. – Спб, 2009. – 18 с.

191. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект / В. Д. Лютикова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 188 с.

192. Ляпон М.В. Языковая личность : поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 260–276.

193. Ляпон М. В. Картина мира : языковое видение интроверта // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 199–207.

194. Макарова О. В. Лингво-когнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук / О. В. Макарова. − Барнаул, 2007. − 22 с.

195. Малышева В. А. Глаголы зрительного восприятия как фрагмент языковой картины мира идиолекта // Проблемы межкультурной коммуникации – Пермь, 1999. – С. 182–189.

196. Малышева В. А. Семантический синкретизм при функционировании определений, характеризующих человека (на материале одного носителя говора) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. Часть 2. – Пермь, 2007. – С. 57–65.

197. Малышева В. А. Семья и семейные отношения глазами диалектоносителя (на материале идиолексикона) // Функциональный анализ значимых единиц русского языка : Язык и семья. Вып. 3. – Новокузнецк, 2008. – С.

198. Мамаева С. В. Речевой портрет школьника 5-7 классов : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. В. Мамаева. – Кемерово, 2007. – 20 с.

199. Маркелов В. С. Письма Агафьи Лыковой // Русская речь. – 2000. – № 3. – С. 65–73.

200. Маслова А. В. Определение степени коммуникативной координации в речи диалектной языковой личности (на материале диалогических фрагментов дискурса) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : Материалы конф. молодых учёных. – Вып. 14. – Т. 1 : Лингвистика. – Томск, 2013. – С. 105–108.

201. Маслова А. В. Реализация установки на гармоничное общение в речи диалектной языковой личности // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1. – С. 143–149. [электронный ресурс]. Режим доступа : http ://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/04/Maslova-A.V.pdf (дата обращения : 14.11. 2014)

202. Маслова В. А. Лингвокультурология учебное пособие [для студентов вузов]. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2010. – 202 с.

203. Матвеева Т. В. Тематическое развёртывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 46–53.

204. Мельникова Е. В. Перцептивная картина мира И.А. Бродского (лингвокогнитивный аспект) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В. Мельникова. − Вологда, 2010. − 24 с.

205. Мещерякова О. А. Авторская концептосфера и её репрезентация средствами свето- и цветообозначения в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи» : дис. … канд. филол. наук / О. А. Мещерякова. − Орел, 2002. − 197 с.

206. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : дис. … д-ра филол. наук / О. А. Мещерякова. – Елец, 2011. – 457 с.

207. Милёхина Т. А. Речевой портрет бизнесмена // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – С. 515–526.

208. Мир звучащий и молчащий : семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 1999. – 336 с.

209. Мишанкина Н. А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. А. Мишанкина. − Томск, 2002. – 23 с.

210. Моисеева Н. В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 6. – С. 82–92.

211. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках / С. А.Моисеева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.

212. Моисеева С. А. Глаголы восприятия в западно-романских языках : автореф. дис. … д-ра филол. наук / С. А. Моисеева. – Воронеж, 2006. – 44 с.

213. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 69 с.

214. Мошева А. А. Прилагательные цвета в народном говоре (внутриадъективное словообразование) // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1974. – Вып. 4. – С. 113–131.

215. Мошева А. А. Субстантивированные прилагательные цвета в акчимском говоре // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1979. – С. 25–44.

216. Мошева А. А. Имена существительные, мотивированные цветообозначениями, в их семантических отношениях с мотивирующими (на материале акчимского говора) / Мошева А. А., Долгорукова Р. В. // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1985. – С. 29–41.

217. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ : Сб. статей / отв. ред. А. П. Василевич. – М. : URSS, 2007. – 316 с.

218. Недельчо Е. В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Недельчо – Кострома, 2000. – 22 с.

219. Некрасова Е. Эволюция поэтической речи XIX-XX вв / Е. Некрасова, М. Бакина. – М. : Наука, 1986. − 191 с.

220. Никиенко И. В. Адъективный синлекс как альтернатива аффиксальному адъективному деривату // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 79–81.

221. Никитина Е. Н. Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 69–82.

222. Никитина С. Е. О статусе красоты в современной народной культуре : прекрасное и красивое // Логический анализ языка. Языки эстетики : концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М., 2004. – С. 639–649.

223. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина ; отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1993. – 186 с.

224. Новиков Л. А. Семантическое поле // Русский язык : Энциклопедия / ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БРЭ, 1997. – С. 458–459.

225. Носовец С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте : автореф. дис. … канд. филол. наук / С. Г. Носовец. − Омск, 2002а. – 23 с.

226. Носовец С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (Цикл рассказов «Весна в Фиальте») : дис. … канд. филол. наук / С. Г. Носовец. − Омск, 2002б. – 249 с.

227. Овчинникова Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения сенсорной картины мира Ю.Н. Куранова : дис. … канд. филол. наук / Л. О. Овчинникова. − Калининград, 2009. – 197 с.

228. Оглезнева Е. А. Социально-речевой портрет современного диалектоносителя (на материале речи М.В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области) // Народное слово Приамурья. Благовещенск, 2004. – С. 85–95.

229. Оглезнева Е. А. Речевой портрет Пелагеи Петровны Ратушкиной, жительницы села Новоивановка Свободненского района Амурской области, как неординарной языковой личности / Е. А. Оглезнева, М. А. Панасенко // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – 2014. – № 11. – С. 42–51.

230. Огольцева Е. В. Образные значения «цветовых» прилагательных с суффиксом -ОВ(ый) в Малом академическом словаре // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. – Великий Новгород, 2004. – С. 187–190.

231. Одинцова М. В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина : аспекты номинации и предикации : автореф. дис. … канд. филол. наук / М. В. Одинцова. – М., 2008. – 27 с.

232. Оленёв С. В. Моделирование динамики русской языковой личности / С. В. Оленёв; под ред. П. А. Катышева. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та. – 264 с.

233. Осьмак Н. А. Лексические единицы повседневной разговорной речи : пути лексикографического описания их функционирования : дис. … канд. филол. наук / Н. А. Осьмак. − СПб., 2014. – 235 с.

234. Павлов Д. Н. Когнитивные стратегии обозначения формы в русском и английском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук/ Д. Н. Павлов. – Орёл, 2007. – 25 с.

235. Павлова Н. С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. С. Павлова. − Екатеринбург, 2006 – 18 с.

236. Павловская А. В. Традиции питания и национальная культура // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 41–58.

237. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

238. Папченко Е. В. Модальности чувственности в европейской культуре : от гносеологизма к аксиологизму : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Е. В. Папченко. – Ростов-на-Дону, 2011. – 44 с.

239. Парсамова В. Я. Языковая личность учёного в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана) : автореф. дис. … канд. филол. наук / В. Я. Парсамова. − Саратов, 2004. – 23 с.

240. Пархоменко И. В. Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте : На материале лирики С. А. Есенина и В. В. Маяковского : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Пархоменко. – Саратов, 2000. – 249 с.

241. Пауфошима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. – М., 1989. – С. 41–48.

242. Перелыгин П. В. Цветообразная поэтика в творчестве С. А. Есенина и Н. М. Рубцова. Опыт сопоставительного анализа) : автореф. дис. … канд. филол. наук / П. В. Перелыгин. – Тамбов, 2008. – 24 с.

243. Петрунина С. П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / С. П. Петрунина. – Томск, 2008. – 45 с.

244. Пинжакова Ю. В. Форма объекта в зеркале русского литературного языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю. В. Пинжакова. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.

245. Погребкова Т. В. Семантика восприятия в речевом опыте младшего школьника : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. В. Погребкова. – Великий Новгород, 2004. – 22 с.

246. Покровская Е. А. Динамика русского синтаксиса в XX веке : лингвокультурологический анализ : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е. А. Покровская. – Ростов, 2001 – 42 с.

247. Полякова В. Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности : автореф. дис. … канд. филол. наук / В. Н. Полякова. – Ростов-на-Дону, 2002. – 19 с.

248. Попова З. Д. Лексическое значение слова в речи / [З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева и др.; науч. ред. З. Д. Попова]. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 196 с.

249. Попова О. В. Языковая личность Ивана Грозного на материале деловых посланий : автореф. дис. … канд. филол. наук / О. В. Попова. − Омск, 2004. − 19 с.

250. Порядина Р. Н. Функционирование моделей деминутивного словообразования в Среднеобских говорах : автореф. дис. … канд. филол. наук / Р. Н. Порядина. – Томск, 1996. – 18 с.

251. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. ; Отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 8–69.

252. Примова М. Б. Предложения восприятия в русском языке // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. – Красноярск, 1984. – С. 48–52.

253. Проблема цвета в психологии / Рос. акад. наук, Ин-т психологии; Отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. – М. : Наука, 1993. – 208 с.

254. Прокофьева Е. В. Русская языковая личность на Алтае : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В. Прокофьева. − Барнаул, 2012. – 21 с.

255. Рабенко Т. А. Лексико-семантические особенности диалектной и литературной разговорной речи (на материале межчастеречного семантического поля «погода») : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. А. Рабенко. – Кемерово, 1998. – 18 с.

256. Радченко О.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–48.

257. Раков Г. А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономасиологический анализ системных отношений в лексике) / под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 272 с.

258. Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 29–39.

259. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.

260. Резанова З. И. Языковая картина мира : взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры // Материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира : язык, философия, наука», 1-3 ноября 2001 года / Том. гос. ун-т ; [под общ. ред. З. И. Резановой]. – Томск, 2002. С. 28–34.

261. Ростова А. Н. Ценностная картина мира в крестьянском миросознании // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. – Ч. 2. Язык в социально-культурном пространстве. – Томск, 1996. – С. 84–87.

262. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания / Науч. ред. О. И. Блинова; Кемеровский гос. ун-т – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.

263. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования : модусы перцепции и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.

264. Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке : ономасиологический аспект : автореф. дис. … д-ра филол. наук / М. Э. Рут. – Екатеринбург, 1994. – 32 с.

265. Рябинина Н. А. Когнитивная модель восприятия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами «глаз», «ухо», «нос») : автореф. дис…. канд. филол. наук / Н. А. Рябинина. – Томск, 2005. – 20 с.

266. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка : Языки пространств. – М., 2000. – С. 108–116.

267. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Академия, 2005. – 640 с.

268. Савельева М. К. Сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры глаголов звучания в литературном русском языке и севернорусских говорах (архангельских и камчатских) // Вестн. Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Сер. «гуманитарные науки». – 2011. – № 1 (17). – С. 152–157.

269. Саженин И. И. Разработка параметров поисковой системы для Словаря русских народных говоров // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 208–211.

270. Санников А. В. Самооценка человека в русской языковой картине мира : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. В. Санников. – М., 2006. – 28 с.

271. Свинцицкая Е. В. Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М. А. Булгакова : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Свинцицкая. – Самара, 2004. – 234 с.

272. Седов К. Ф. Типология и портретирование наших современников // Лингвоперсонология : типы языковых личностей и

личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово : БГПУ, 2006. – С. 149–204.

273. Семёнова С. Ю. Русская номинативная лексика как инструмент изучения зрительных образов // Труды Международного семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям [электронный ресурс]. Режим доступа : http: //www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7386 (дата обращения 15.01.2015).

274. Сепир Э. Речь как черта личности // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии Пер. с англ. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – С. 285–297.

275. Сибирякова И. Г. Опыт тематического анализа диалогического разговорного текста // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 61–71.

276. Слободян Е. А. Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия (на материале русского, польского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Слободян. – Уфа, 2007. – 24 с.

277. Смолякова Н. С. Пространственные лексические единицы в лингвокультурологическом аспекте (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Смолякова. – Томск, 2006. – 29 с.

278. Соколовская Т. Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. Б. Соколовская. – СПб., 2002. – 20 с.

279. Соловьёв С. М. Цвет, число и русская словесность // Знание – сила, 1971. – № 1. – С. 32–39.

280. Соловьёв С. М. Цвет. Звук // Соловьёв С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. – М., 1979. – С.198–258, 259–347.

281. Соломина Е. В. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 374. – С. 37–41.

282. Спивакова Е. М. Язык цвета в идиостиле Блока : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. М. Спивакова. − Владивосток, 2009. – 23 с.

283. Спиридонова Н. Ф. Прилагательные функциональной семантики : *острый* и *тупой* // Труды Международного семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7386 (дата обращения 15.01.2015).

284. Спиридонова Н. Ф. *Плоский, прямой* и *ровный*, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М., 2004. – С. 235–241.

285. Степанян Т. Р. Синестетические метафоры русского языка (прилагательные чувственного восприятия) : дис. … канд. филол. наук / Т. Р. Степанян. – М., 1987. – 184 с.

286. Столярова Э. А. Типы лексико-семантических полей в русской разговорной речи // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 433–443.

287. Тараканова Д. А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Тараканова. – Томск, 2012а. – 23 с.

288. Тараканова Д. А. Цветовая символика семейного обряда на материале говоров Среднего Приобья (лингвокультурологический аспект) // Материалы XLIX Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс» : Языкознание. – Новосибирск, 2012б. – С. 28.

289. Таран С. В. Номинативно-текстовая функция минералогических лексем как средство экспликации цветообразов в пейзажной лирике М.

Волошина // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. – Калининград, 2004. – С. 86–96.

290. Ташак З. В. Речевое поведение диалектной языковой личности в ситуации коммуникативного конфликта // Мировая культура и язык : Взгляд молодых исследователей. Материалы X Российской научно-практической конференции : в 4-х частях. Часть 3. – Томск, 2010. – С. 224–226.

291. Ташлыкова М. Б. *О широте души, глубине чувств и высоте помыслов* (к проблеме полисемии параметрических имен) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. – Т. 3. – Вып. 1 : Филология. – Новосибирск, 2004. – С. 26–35.

292. Ташлыкова М. Б. *Толстый* и *Тонкий* : совсем не по Чехову (к проблеме семантической деривации в сфере адъективной лексики) // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. – Иркутск, 2005. – С. 141–154.

293. Ташлыкова М. Б. Параметрическое имя как единица измерения масштаба личности : *Глубокий – Глубина* // Российский лингвистический ежегодник. – 2007, вып. 9 (2). – Красноярск, 2007. – С. 12–22.

294. Телия В. Н. Коннотация // Русский язык : Энциклопедия / ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БРЭ, 1997. – С. 193–194.

295. Тимофеев В. П. Личность и языковая среда : учебное пособие / В. П. Тимофееев. – Шадринск, 1971. – 120 с.

296. Тойшибаева Г. К. Цветовая лексика (состав, семантические преобразования, функции) в художественном тексте на материале произведений Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. К. Тойшибаева. – М., 1990. – 16 с.

297. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. – М., 1970. – С. 250–299.

298. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.

299. Устинова Н. А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья : этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Устинова. – Томск, 2011. – 21 с.

300. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // эл. версия Изв. АН. – Сер. лит. и яз. – т. 58, № 4, 1999. Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM (дата обращения: 15.05. 2014)

301. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 174 с.

302. Фуко М. Слова и вещи : археология гуманитарных наук / Мишель Фуко; пер. с фр. В. П. Визгин, Н. С. Автономова. – СПб : A-cad, 1994. – 408 с.

303. Харламова М. А. *Белое – венчальное, чёрное – печальное* : антиномия *чёрное – белое* в говорах Среднего Прииртышья // Вест. Ом. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 172–176.

304. Харламова М. А. О феномене диалектной языковой личности (на примере речи носителя сибирского старожильческого говора) / М. А. Харламова, Т. Л. Дик // Славянские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции; под ред. Т. П. Рогожниковой. – Омск, 2013а. – С. 100–105.

305. Харламова М. А. Языковая личность сквозь призму интерференции / М. А. Харламова, М. А. Карташева // Речевая коммуникация в современной России : материалы III Международной конференции: в 2 томах; под редакцией О. С. Иссерс. – Омск, 2013. – С. 256–266.

306. Харламова М. А. Концепты время и семья в языковой картине мира диалектоносителя / М. А. Харламова, М. А. Карташева // СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. ред.: Т. П. Рогожникова, М. А. Харламова. – Омск, 2014. – С. 174–183.

307. Харченко В. К. Лингвосенсорика : Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Либроком, 2012. – 216 с.

308. Хисамова Г. Г. Социально-психологические типы языковых личностей в рассказах В.М. Шукшина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2008. − № 4. – С. 100–110.

309. Цивьян Т. В. Отражение звукового пейзажа в языке и тексте (на материале русской загадки) // Мир звучащий и молчащий : семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. – М., 1999. – С. 149–178.

310. Черняк В. Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – С. 497–515.

311. Шевляков А. В. Антропонимикон диалектной языковой личности : аспекты изучения // Вест. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 294. – С. 93–97.

312. Шишкина Т. А. Концептуальное поле «форма» в русских диалектах // Миромоделирование в языке и тексте. – Томск, 2003. – С. 69–81.

313. Шкатова Л. А. «Языковой код» уральского города // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 72–79.

314. Шмелёв А. Д. Виды эстетической оценки в представлении русского языка // Логический анализ языка. Языки эстетики : концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М., 2004. – С. 303–311.

315. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис : текст лекций / Т. В. Шмелева ; Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск : Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1994. — 47 с.

316. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А. Н. Шрамм. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 133 с.

317. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 253 с.

318. Эмер Ю. А. Цветообозначения в фольклорных текстах // Филологические исследования. – Томск, 2000. − С. 178–186.

319. Юрина Е. А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестн. том. гос. ун-та. Сер. «Философия. Культурология. Филология». – 2003. – № 277.– С. 198–204.

320. Юрина Е. А. Концептуальная структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. «Философия. Культурология. Филология». – 2004. – № 282. С. 228–234.

321. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е. А. Юрина. – Томск, 2005. – 47 с.

322. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.

323. Asahi Y. «Cookbook» method and koine-formation : a case of the Karafuto dialect in Sakhalin [Electronic resource] / Yoshiyuki Asahi // Dialectologia. – 2009. – № 2. – Pp. 1–21. Режим доступа : http://www.publicacions.ub.edu/revistes/dialectologia2/ (дата обращения: 10.07.2014).

324. Burenhul N. Olfaction in Aslian : ideology and language / N. Burenhul, A. Majid, // Majid A., Levinson S. (eds.). The Senses & Society [Special Issue]. – 2011. – 6 (1). – Pp. 19–29.

325. Ebtekar P. Whose voice is telling a story? [Electronic resource] / P. Ebtekar // TESOL in Context : Special Edition S3. – November 2012. – Режим доступа : http://www.tesol.org.au/files/files/269_parisa_ebtekar.pdf (дата обращения: 02.07.2014)

326. Gibson K. English only court cases involving the U.S. workplace : the myths of language use and the homogenization of bilingual workers' identities [Electronic resource]. / K. Gibson // Second Language Studies. – Spring 2004. – Vol. 22. Issue 2. – Pp. 1–60.− Режим доступа : http://www.hawaii.edu/sls/sls/wp-content/uploads/2011/06/Gibson.pdf (дата обращения: 20.07.2014)

327. Gruber J. Look and see // Language. – 1967. – Vol.43. – N. 4. – Pp. 937–947.

328. Johnstone B. The linguistic individual. Self-expression in language and linguistics / B. Johnstone. – New-York : Oxford university press, 1996. – 234 p.

329. Shaw Patricia A. Language and Identity, Language and the Land [Electronic resource]. / Patricia A. Shaw // BC Stidues. − Vol. 131. − 2001. − Режим доступа : http://fnlg.arts.ubc.ca/pdfs/ShawLangLand.pdf (дата обращения: 15.07.2014)

330. Spolsky B. Sociolinguistics / B. Spolsky. – New-York : Oxford university press, 2006. – 128 p.

331. Tufvesson S. Analogy-making in the Semai sensory world // Majid A., Levinson S. (eds.). The Senses & Society [Special Issue]. – 2011. – 6 (1). – Pp. 86–95.

332. Vanhove M. Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions // Vanhove M. (ed.). From polysemy to semantic change. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – Pp. 341–370.

333. Viberg Å. The verbs of perception : a typological study // Linguistics. –1984. – 21-1. – Pp. 123–162.

334. Viberg Å. Swedish verbs of perception from a typological and contrastive perspective // María de los Ángeles Gómez González, J. Lachlan Mackenzie, Elsa M. González-Álvarez (Eds.) Languages and Cultures in Contrast and Comparison, Amsterdam: John Benjamins. [Pragmatics and Beyond New Series 175]. – 2008. – Pp.123–172.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Список перцептивов в идиолекте В.П. Вершининой

Условные обозначения: макрополя; поля; микрополя

Цифра после слова означает номер значения в ПСДЯЛ, буква со скобкой после слова – вариант сравнения из «Идиолектного словаря сравнений сибирского старожила». Вариантные единицы даны через знак /

*означает реконструированную форму в ПСДЯЛ (в скобках зафиксированная в дискурсе единица)

перен. – переносное значение

часть речи указана при наличии омонимов

1.Общая схема идеографической классификации перцептивной лексики:

I.Зрение, видеть

1.Цвет

чёрный
белый
красный
жёлтый
зелёный
синий
коричневый
серый
[цветовая неоднородность]: *свети'стый, пёстрый*

2.Размер

[общие обозначения] большой-маленький
[обозначения частных параметров]
высокий-низкий
длинный-короткий
толстый-тонкий
широкий-узкий
глубокий-мелкий

3.Форма

круглый, ша'ричками
прямоугольный, квадратный
треугольный, конусом
[обозначения взаимного пересечения линий]
[обозначения уникальной формы]

II.Слух, слышать

Звук

III. [осязание] пошарить, тереть

Тенпература
тепло
холодно
жарко
[другие осязательные свойства]
жёсткий – мягкий
жидкий – густой
лёгкий – тяжёлый/чажёлый
мокрый, влажный, сырой – сухой
гладкий – шершавый
острый – тупой

IV.Вкус, пробовать
Вкусный-невкусный
сладкий
кислый
солёный
горький

V.Пахнуть

2 Наполнение идеографической схемы:

Зрение, видеть

взгляд, взглянуть, взглянуться, вид, видать, видно, видный, видывать; выглядеть, выглядывать; вы'смотреть, глаза, глянуть, догляд, доглядеть, доглядывать, досма'тривать, досмотреть 2, заглядывать, заглядываться; заметить, заметно, замечать, зоркий, казать, казаться, любоваться, наблюдать, навидать (о снах), недовидеть, обследовать, оглядывать, оглянуться, озираться, ослепнуть, поглядеть, поглядывать, позаглядывать, показ, показать, показывать, посма'тривать, посмотреть 1, 2, 3 ,4, появиться, проглядеть, разглядеть, разглядывать, следить, смотренье, смотреться 1, 2, увидать, увидеть, углядеть, узорить/узрить

Цвет

белый

бе'ленький, белёхонький, белизна', бело', бело'-белёхонько/белы'м-белы'м-белёхонько, белова'тый, бело-ро'зовый, бе'лый-пребе'лый, бель беле'ет/бель беле'тся, восково'й, как репа, как сахар, как снег/как снеговой, как холодильник, кре'мовый, сбела', све'тленький, све'тлый, седёхонький, седина, седой, седой-преседой, седо'й-седёхонький, снег

жёлтый

жёлтенький, желте'ть, желтоватенький, желтова'тый, желто'й, жёлто-кори'чневый, как желток, как золото' / золоты, как репа, кремовый, пожелте'ть, сжелта', соло'вый, соло'менный

зелёный

впро'зелень, защи'тный, зелёненький, зеленёхонький, зеленоватый, сзелена', тёмно-зелёный

красный

бордо'венький, бордове'ть, бордовый, вишнёвый, кра'сенький, кра'сненький, красне'ть, красно', красно'й-прекрасно'й, краснота', красню'чий, малиновый, огонько'вый, оранжевый, покраснеть, пунцо'вый, ржа'вый, ро'зовенький, ро'зовый, румя'ный, румяня'щий, рыжеватый, ры'женький, ры'жий, сбордова', све'тло-бордо'вый, скрасна', срозова', срыжева'

чёрный

вороно'й, головёшкой, как галка, как галочка, как головёшка, как смолёна, как угли,

как уголь чёрный почернел, как угольный, смолёный, сму'гленький, счерна', темнова'тый,

темненький, тёмный, тёмный-претёмный, цыган и цыган, чёренький, чёрненький, черне'ть, чернёхонький, чернова'тенький, чернова'тый, чёрно-пречёрно, чёрный-пречёрный, черным-черно', черня'вый

синий

васильковый, голубенький, голубоватый, голубой, как подсинёна, котёльный, лиловый, поднебесный, сголуба', синенький, синёхнонький, сиреневый, ссиня', фиолетовый

кори'чневый

бордово-кори'чневый, жёлто-коричневый, бу'рый, кирпичный, кори'чневенький, румяный, румяненький, русенький

серый

бу'сый, как серебряный / серебряна, седой 2, серебристый, серенький, ссера', стальной

цветовая неоднородность

буро-малиновый, пега'ный, пёстренький, пёстрый, рябенький, рябый, светистый/цветитый, светной/цветной

размер

величина, средний, средненький, такой

большой

агромадный/громадный, богатый, большенький, большой-пребольшой, большучий/ большущий, большучий-пребольшучий, здорове'нный/здоровя'нный, здорово'й, здоровучий, здоровый, как банки литро'вы, как битюки', как боя'рка. как брюква, как булки, как ванна больша' / как вот больши' ванны, как виктория, как горы, как гуси / гусь, как дрова, как копна больша', как корова, как корыто большо, как курица бройлер, как курица, как морковь больша', как от окна до печки, как половики больши' бы, как с тарелку, как се'менники, как тарелки больши', как утки, как яйца, корыстный, крупненький, крупненько, крупноватый, крупный, крупный-прекрупный, крупня'ный, крупня'щий, матеру'чий/матерущий, матёрый, махень/махина, неиккура'тный, огромный, порядочный, с бычью голову, с коровью голову, с тарелку, со стакан хороший хороший, чуть не с крышку эту

маленький

бисери'ночка, горошка, как блюдечки, как виноград, как гво'здики, как гнидки, как дровяник / дровяники каки'-то, как земляника, как иголка, как иголкой ткнуто, как иголочкой кольну'та, как игрушечка, как игрушка / игрушки, как калина, как капуста, как комнатушечка, как мошки, как мышата, как на ела'ни, как пуговки, как пузырёчки, как ребёночку какому-нибудь, как сенки, как спи'чечны головочки, как червончики, как ягода, клок, клочо'к, крошечка, ма'лесенькый, малю'сенький, меленький, мелкий, мелкий-премелкий, ме'лконький, мелочь, ме'лькенький, минитю'рненький, небольшой, некрупный, под вид редиски, покрупне' редиски, помельче ре'дежного семени, с чайник, чуточный

высокий-низкий

высо'кенький, высочу'щий, вышина', вышь, как дверь моя, как помидоры, как телегра'фны столбы, как холодильник, невысо'кенький, невысо'кий, ни'зенький, ни'зкий, ни'зкиро'слый, низкова'тый, ни'зменный, с и'збу

длинный-короткий

до'лгенький, до'лгий, долгу'чий, долина', как жердь, коро'тенький, коро'ткий, побольше Катиной квартиры, продли'нный, продо'лгатый/продо'лговатый, с и'збу, со стол

<u>толстый-тонкий</u>

в вилку, в палец <бы>, в пальца два, как вот эта палка, как ломоть, как стол, не как мои пальцы, потолще' пальца, с палец, то'лстенький, толсте'ть, толстова'то, толсто'й, толсту'чий, толщина', то'ненький, то'ненький-прето'ненький, то'ненько, то'несенький, то'несенький-прето'несенький, то'нечкий, то'нкий-зво'нкий, то'нко

<u>широкий-узкий</u>

как от окна до печки, неширо'кенький, пошире кровати, сву'зить, у'зенький /у'зесенький, у'зенький-преу'зенький, у'зко1, нар., у'зко2, кат. сост., уширя'ть, ширина', широ'кенький, широ'кенько, широко', широ'конький, широчу'чий, широчу'щий

<u>глубокий</u>

глубина, глу'бко, глубо'кий, голубо'кенький, голубо'кий, ме'ленький, ме'ленько, ме'лкий

<u>форма</u>

<u>круглый</u>

голова 2, как калач большой бы, как колесо, как чашечка 2, как ча'шина, как чашка <бы>, калачом, колесом, колобо'чек, коля'ска 2, коля'сочками, круг 1, кру'гленький, ова'л, полуци'рквенный, пу'пом, стогом, нар, ша'пка 2, ша'рик, ша'ричек, шаричками

<u>прямоугольный, квадратный</u>

как палка / палки 1, как палка 2, квадра'т, квадра'тик, квадра'тненький, кирпи'ч, кле'тка, кле'точка, пешечками, ку'бик, ку'бичек, кубиками / кубичками, пли'тка, пли'точка, четырёхуго'льчатый

<u>треугольный, конусом</u>

как кли'нушки, как конусом, клин, клином, клинышком / кли'нушком, косяками, трёхуго'льничек, трёхуго'льничек, трёхуго'льный

<u>линии</u>

вилю'шечками, вилю'шечками, крест-на'крест, кресто'вый, крючком, зигза'г, зигза'гами, зу'бчиками, как рога, как с носиком, как таракашки, как фонбора', как фонборо'й, разли'вистый, разли'вно, рогаткой, трубкой / трубками, трубочкой, фонборо'й

<u>уникальная форма</u>

как бито'нчиками, как бочоночек, как ваза <бы>, как гвоздь, как грибы, как груша / груши, как ковшики, как могилки, как розочка, как рюмка <бы>, клю'шка 2, не колокольчиком, печеню'шками, под вид колокольчика, сердечком

<u>Слух, слышать</u>

глухова'тый, глухо'й, дослы'шать, наслу'шаться, недослы'шать, огло'хнуть, послушать, прислу'шать, прислу'шиваться, слыха'ть 1, 3, услыхать, услы'шать

<u>звук</u>

а'у, банту'й, бах, ба'хнуться 3, бряк, бря'кать, бря'кнуть, бузова'ть, буль, бу'лькать, бури'ть, бух, вж^{3}-вж^{3}, визже'ть, вы'стрел, выть 2, вытя'гивать 3, вякать, га'кать, го'лос, грём, греметь, гро'мко (погро'мче), громото'к, гры'зться, гудеть, дзынь, досту'каться, ж-ж, жжють, жуж(ж)е'ть, завы'ться, загудеть, залаять, залива'ться 2, замя'вкать, зареве'ть, зарыда'ть, заря'вкать, заскрести'сь, засмея'ться, застона'ть, застона'ться, засту'кать, захоха'тываться, захрыпе'ть, зача'мкать, зашипеть, звук, зы'кать, зы'каться, зык-зык, зы'кнуться, зю-зю', ика'ть, ика'ть 2 перен., ка-ка-ка', кап, кахы', кахы'кать, ка'шель, ка'шлять, клохта'ть, кок, концерт, крик, крича'ть, криче'ть, кукова'ть, ку-ку, ку-ку-ку', ла'ять, лихи'м ма'том, лихо'й 1, му'зыка, мя, мя'вкать, мя'вкнуть, мя'у, мяу'чить, на го'лос, нагова'ривать, надрыва'ться, надсажа'ться, насви'стывать, начикота'ть, ни ветри'нки, ни шуми'нки, ни сту'ку ни зву'ку, ора'ть, петь 1,2,3, пе'ться, пи'кать, пи'кнуть, пи-пи, пищать, плакать, повизже'ть, пола'ять, помя'вкать, поскри'пывать, посту'кать, посту'каться, посту'кивать, посту'кнуть, похоха'тывать, похохота'ть, похра'пывать, похру'мкивать, похры'пывать, пошвы'ркивать, прика'шливать, пропе'ть, пропи'кать, простона'ть, пук 2, пу'кнуть, пух 2, пф-ф, пыхте'ть, разда'ться, расхота'ться (расхочу'сь), рвать 4, рёв, реве'ть, рёвом реве'ть, рёвом, ржать, р-р-р, ру'хнуть, рыга'ть, рыд, рыча'ть, рю'хать, ря'вкнуть, сара'паться, свист, свистеть, ска'шлянуть, скрести', скрести'сь, скрипе'ть/скрыпе'ть, скрып, скры'пнуть, скрычега'ть, скыр-скыр, смея'ться, сопе'ть, спеть 1, спыхте'ть, стона'ть, стоно'та, стоя'ть 10, стук, сту'кать, сту'каться, сту'кнуть, стукото'к, стучать, тарахте'ть, тихо 1, ти'хо1, нар., тихо'й, трескотня', тре'снуть 2, треща'ть, тук, тя'вкать, у 2, уа-а-уу, фф-ссс, ха, хло'пать, хлюп, хлю'паться, хохота'ть, хра'пать, хрип/хрып, хрумото'к/

хрупото'к, хрусте'ть, хрыпа'то, хрыпа'тый, хрыпе'ть, хып, цара'паться, ча'мкать, чиха'ть, чи'хнуть/чихну'ть, шарабо'риться, шебарчи'ть, шипе'ть, шлёпнуться, шо'рох 1, шум, шуме'ть, шуруди'ть, шурче'ть, щелка'ть 3, щелкну'ть 2

[осязание] пошарить, тереть

востый1, востренький, гладить, дряблый, как тряпка, как холодильник, натянутый, острый, погладить, поглаживание, поглаживать, потереть, поцалова'ть / поцелова'ть, пошариться, тугенький, тугой, тереться, тро'гать, тупой, хрустящий, цалова'ться, целовать/цалова'ть, целовки', шарить, ядрёный, ядрёненький

гладкий

гладенький, как палка, как стеклянный, как шлифованный, нестроганый, ровненький, ровный, шершавый

жёсткий – мягкий

деревянный 2. перен., жестковатый, зёско, зоский, как глина, как деревя'нна / деревя'нны, как дублёны, как ка'менно, как камень / камни, камень как, как кость, как кудель, как палка / палки, как подушка пухо'ва, колючий, кость костью, мягко, мягко-премягко, мяконький, пушистенький, пушистый, твёрдый, чёрственький, чёрствый

жидкий – густой

густеть, густоватый, густо'й-прегусто'й-густо'й, густя'щий 1, жи'денький, жиденько, жидко, жидковатый, как каша ма'нна густа', как каша ма'нна сварёна

лёгкий – тяжёлый/чажёлый

вес, лёгонький, тяжело'[2], тяже'ль, тя'жесь, тянуть, чажело' /чижело', чажелю'чий

мокрый, влажный, сырой – сухой

мо'кредь/мо'кресь, мокро'й, мокрота', сухо, сухонько, сы'ренький, сыро, сырой-пресырой

температура

прохладненько, прохладно, тёплый, тёпленький, тепловатый, тёпленько, тепло кат. сост., *тёпло* сущ., *теплота*

холодно

замерзать, замёрзнуть, как грабли б), как лёд, как на улице, как ящик, мёрзнуть, мёрзнуться, мороз 1, мороз 2, морози'на 1, морози'на 2, морози'ще 1, морози'ще 2, моро'зно (поморозне'), намёрзнуться, помёрзнуть, призноби'ться, трескучий, холод, холоди'на, холоди'ща, холодок, холодненький, холодно, холодно'й, холодный

жарко

впро'горачь, горяченький, горячий, жар, жара, жари'на, жари'ща, жаркий, как в бане, как на солнце, нагреться, отогревать, отогреться, погреться, согреться

вкус, пробовать

*вкусно, вкусненький, вкусный, вкусня'тина, вкусня'чий, вострый, невкусный, острый, попробовать, *резкий (резше)*

сладкий,

как леденец, как с сахаром, несладкий, приторный, сладко (нар.), сладко (кат. сост.), сладковатый, сладкое (в зн. сущ.), сластить, сла'тенький, сла'тость

кислый,

кисленький, кисленько, кислить, кисло, кисловато, кисловатый, кислота 1, кисля'тина, кисля'чий

солёный

*как селёдку, недоса'ливать,*недосоли'ть (недосолён), несолёно, несолёный, пересолёный, *подсоли'ть (подсолённый), присоли'ть, солёновато, солёный-пресолёный, соленю'щий*

горький,

горечь, горько, кат. сост., горча'ть, как редька

Пахнуть

аромат, ароматный, бить в нос, дух, души'на, духля'вый, духовой, запах, запа'хнуть, запашистый, запашистенький, занюхать, занюхаться, напахну'ть, нанюхать, нанюхаться, нюхать, нюхаться, понюхивать, принюхаться, припахивать, продушить, переть, слышать, чуять, услыхать, учуять

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. **Количественные характеристики номинаций восприятия**

Тип восприятия	Число единиц	Число словоупотреблений
Зрение (всего)	**545**	**4334**
Общие наименования (*зрение, слепой, взгляд, вид* и др.)	7	32
Зрительный процесс и состояние (*видеть, смотреть* и др.)	60	1428
Цвет	181	1451
свет	40	80
Размер	221	2500
Форма	76	148
Слух (всего)	**209**	**1151**
Общее обозначение (*голос, звук, слух и др.*)	5	31
Процесс и состояние слухового восприятия (*слушать, слышать* и др.)	16	232
Звук (кроме речевых звуков)	188	888
Тактильность (всего)	**178**	**835**
Процесс (*трогать* и др.)	13	62
Качество поверхности (*мягкий* и др.)	57	126
Влажность	18	71
Вес (*тяжёлый* и др.)	13	44
Температура	77	532
Вкус (всего)	**59**	**352**
Общее наименование (*вкус*)	1	14
Процесс восприятия (*(по)пробовать*)	2	69
Признак (*сладкий* и др.)	56	269
Запах (всего)	**22**	**102**
Процесс восприятия (*нюхать* и др.)	10	24
Процесс источения (*пахнуть*)	2	32
Признак, свойство (*духля'вый* и др.)	9	24
Общее обозначение свойства (*запах*)	1	22
Общие глаголы (*чувствовать* и др.)	**3**	**15**
Всего	**1016**	**8127**

Таблица 1. Число единиц и суммарная частотность обозначений, относящихся к разным модальностям восприятия

Рис. 1. Типы субъектов для семантического поля “Восприятие” в целом

Рис. 2. Типы субъектов для разных семантических полей восприятия

Рис. 3. Типы объектов для семантического поля “Восприятие” в целом

Рис. 4. Типы объектов для разных семантических полей восприятия

Рис. 5. Соотношение перцептивных характеристик для разных групп объектов